

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULE – AUGUST

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2021

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., доц. **Л.В. Коровин**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛотова Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérénchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею филологического факультета МГУ

Ремнева М.Л. Наши девяностые 9

К 100-летию со дня рождения К.В. Горшковой

Горшкова К.В. (1921–2002) О фонеме в языке и речи 30

Большачева Е.М. О теории парадигмы фонемы в контексте учения МФШ (комментарий к статье «О фонеме в языке и речи») 39

Бархударова Е.Л. О фонологических взглядах Клавдии Васильевны Горшковой 47

Статьи

Чекалина Е.М. Наступает ли в шведском языке будущее в прошедшем? 60

Калинкина Ю.С. Субъективный выбор позиции наблюдателя и изменение аспектуальной структуры текста (на материале переводов современной итальянской прозы на французский язык) 74

Школьникова О.Ю. Рерайтинг А. Барикко «Гомер. Илиада»: эволюция рецепции классической литературы 86

Ефимов А.С. Диалогия В.В. Крестовского «Кровавый пух» и готическая литература (Константин Калиновский как «Проклятый скиталец») 99

Маньковский А.В. Рецепция жанра романтической «мистерии» в творчестве раннего И.С. Тургенева 108

Яшук Е.А. Русское и польское в романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 г.» 121

Зубков К.Ю. «... Время кукишей в кармане миновалось...»: редакция «Современника», цензура и российское литературное сообщество в 1856 г. Статья 1 133

Линь Гуаньцюн. Мифопоэтика образа оборотня-крысы («Возвращение г-жи Цай Б.М. Юльского и литературный контекст») 143

Кривонос В.Ш. Анекдот и фантастика в рассказе «Двойник» Бориса Садовского 152

Актуальные вопросы теолингвистики

Бугаева И.В. Изучение языка религии 162

Левушкина Р.С. Восприятие христианских добродетелей носителями сербского языка (на материале ассоциативных словарей) 176

Николаева Н.Г., Новак М.О. Личные имена иноязычного происхождения в месяцесловах древнерусских списков Евангелия и Апостола XIV в.: языковые характеристики и функционирование 188

Рецензии

Мухортов Д.С., Стрелец И.Э. Ч уд и н о в А.П. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот: Монография / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. М.: ФЛИНТА, 2020 201

Ибрагимова К.Р. Курц и ус Э.Р. Европейская литература и латинское средневековье: В 2 т. / Пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Издательский дом ЯСК, 2021 208

Научная жизнь

Солопов А.И. (МГУ) Международная научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры—XIII. Научные чтения, посвященные 265-летию Московского университета» 215

Юбилей

Матыцина И.В., Жильцова Е.Л. Елена Михайловна Чекалина 221

Памяти...

Архипов А.В., Федорова О.В. Ольга Федоровна Кривнова 224

Миронова Н.И., Фролова О.Е. Станислав Антонович Крейчи 229

Красухин Г.Г., Чижова Л.А. Варган Казарович Казарян 231

Картава Т.В. Валерия Васильевна Добровольская 236

CONTENTS

Celebrating the Anniversary of Moscow University Philology Faculty

<i>Remnyova M.</i> Our 1990's	9
-------------------------------------	---

Celebrating the Centenary of Soviet Philologist Klavdiya Gorshkova

<i>Gorshkova K.</i> On the Phoneme in Language and Speech	30
<i>Bolycheva E.</i> On the Phoneme Paradigm Theory Within the Context of the Teaching of the Moscow Phonological School (commentary to Klavdiya Gorshkova's article «On the Phoneme in Language and Speech»)	39
<i>Barkhudarova E.</i> Phonological Views of Klavdiya Gorshkova	47

Articles

<i>Chekalina E.</i> Does Future-in-the-Past Happen In Swedish?	60
<i>Kalinkina J.</i> Stylistic choice of observer position and change in the aspectual structure of text (based on translations of modern Italian prose into French)	74
<i>Shkolnikova O.</i> Barrico's Rewriting of "The Iliad": The Evolution of the Reception of Classical Literature	86
<i>Efimov A.</i> "Bloody Hoax" by Vsevolod Krestovsky and Gothic Literature (Konstantin Kalinovsky As "The Cursed Wanderer").	99
<i>Mankovsky A.</i> Reception of the Genre of Romantic "Mystery" in the Works of Young I.S. Turgenev	108
<i>Iashchuk E.</i> Russian and Polish Issues in Mikhail Zagoskin's Novel "Yury Miloslavsky, or Russians in 1612"	121
<i>Zubkov K.</i> "... Time for Hidden Mockery is Over": Editorial Board of <i>The Contemporary</i> , Censorship and Russian Literary Community in 1856	133
<i>Lin Guanqiong</i> Mythopoetics of the Werewolf-Rat Image (B.M. Yulsky's "The Return of Mrs. Cai" and the Literary Context)	143
<i>Krivosos V.</i> Anecdote and Fantasy in "The Double" by Boris Sadovsky ...	152

Studies in Teolinguistics

<i>Bugaeva I.</i> Language and Religion	162
<i>Levuškina R.S.</i> Perception of Christian Virtues by Serbian Language Speakers: Associative Dictionaries Research	176
<i>Nikolaeva N., Novak M.</i> Personal Names of Foreign Origin in the Old Russian Evangeliary and Apostolos Menology from the 14th Century: Language Features and Functioning	188

Book Reviews

<i>Mukhortov D., Strelets I.</i> Chudinov A.P. Politicheskaja metaforologija: Diskursivnyj povorot: monografija / A.P. Chudinov, E.V. Budaev, O.A. Solopova. M.: FLINTA, 2020	201
---	-----

<i>Ibragimova K. Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages. In 2 Vol. Translation and commentaries by D.S. Kolchigin. Ed. by. F.B. Uspensky. M.: ID JASK, 2021</i>	208
---	-----

Scientific Life

<i>Solopov A. International Scientific Conference ‘Classics in the Context of the World Culture — XIII. Readings to Mark the 265th Anniversary of the Foundation of Moscow University’</i>	215
--	-----

Anniversaries

<i>Zhiltsova E., Matytsina I. Elena Tchekalina</i>	221
--	-----

Obituaries

<i>Arkhipov A., Fedorova O. Olga Krivnova</i>	224
<i>Mironova N., Frolova O. Stanislav Kreychi</i>	229
<i>Krasukhin K., Chizhova L. Vartan Kazarian</i>	231
<i>Kortava T. Valeria Dobrovolskaya</i>	236

К ЮБИЛЕЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

М.Л. Ремнёва

НАШИ ДЕВЯНОСТЫЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В декабре 2001 г. филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова отметил 60-летие восстановления в структуре университета, в 2005 г. был торжественно отпразднован наш общий 250-летний юбилей. Готовясь к знаменательным датам и подводя некоторые итоги, мы неоднократно обращались к истории факультета, выпустив коллективную монографию «Филологический факультет Московского университета: Очерки истории», воспоминания ветеранов-филологов «В том далеком ИФЛИ», три тома воспоминаний выпускников «Время, оставшееся с нами»... Так сложилось, что наша «новейшая история» осталась за рамками этих изданий. В силу понятных причин она не стала еще набором фактов, отстраненных от нас временем, и потому существует лишь в ежегодных отчетах деканата и в памяти каждого из нас. Восполняя этот пробел, в этой статье обратимся к тем событиям общефакультетской жизни, без которых не мыслим своего недавнего прошлого и настоящего.

Ключевые слова: девяностые годы; история факультета.

Девяностые годы называют «лихими». Однако ни для факультета и ни для университета эти годы не были лихолетьем. Девяностые годы для университета стали годами революционных преобразований. Подчеркну, что это и для нашего факультета были годы надежд и важных преобразований. Менялись министры, отвечающие за высшую школу, возникали новые министерства, выдвигались новые требования к организации учебного процесса. В этих непростых условиях факультет не только сохранил высокий уровень образования, но и преподавательский коллектив, руководство факультета в полной мере сумело воспользоваться провозглашаемыми возможностями самостоятельно решать вопросы, связанные с определением

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: m.l.remneva@mail.ru).

стратегии развития факультета. Университет и факультет сохраняли пятилетний специалитет, обеспечивающий полноценную подготовку высококвалифицированных специалистов, а абитуриенты должны были доказать уровень своих знаний на вступительных экзаменах, а не баллами ЕГЭ. Факультет сам определял необходимость открытия новых отделений или специализаций, а преподаватели имели возможность каждые пять лет повышать свою квалификацию благодаря институту ФПК (предусматривающего полугодовое освобождение от преподавательской нагрузки). Факультет предоставлял возможность преподавателям на два года перейти на ставки научных сотрудников для завершения докторских диссертаций. Факультет сам определял, какое оборудование ему необходимо закупить, какие учебники надо издавать, в какой материальной помощи нуждаются сотрудники и студенты. Руководство факультета в годы экономического кризиса сумело даже обеспечить всех сотрудников бесплатным санаторным лечением. Все это давало как сотрудникам, так и студентам уверенность в завтрашнем дне, убеждало в их востребованности, повышало возможности их дальнейшей самореализации.

Это были годы движения, активной деятельности, свободы инициативы, освоения новых технологий, создания новых кафедр и новых специальностей. Прошли первые демократические выборы на факультете и в университете. В выборах декана факультета осенью 1991 г. участвовал весь коллектив, на должность декана претендовали четыре кандидата, выборы проходили в два тура. Девяностые годы открыли широчайшие возможности для зарубежных командировок наших специалистов, для заключения договоров с интересными для нас университетами и факультетами мира, возникли новые формы работы с иностранными коллегами, был создан издательский центр, издававший до семидесяти монографий, учебников, сборников программ и учебных пособий по литературе и русскому языку для школ. 1999 стал годом А.С. Пушкина. В 2001 г. прошел первый международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность», продолживший в дальнейшем свое шествие по двухтысячным (6-й конгресс в 2019 г.). Созданная факультетом «Лавка филолога» стала центром обсуждения гуманитарных и житейских проблем на первом этаже 1-го ГУМа. Это были годы компьютеризации, выхода в Интернет, создания сайтов.

Просуществовавший многие годы в устоявшейся структуре подразделений, специальностей, кадров, относительной стабильности научных программ и десятилетиями отлаженных методик, заданной номенклатуре востребованных обществом выпускаемых специалистов, обладающий устаревшей материальной базой факультет в начале 1990-х годов оказался перед лицом неотвратимых изменений,

которые диктовала сама жизнь. Руководство факультета, ставя целью совершенствование ведущего учебно-научного филологического центра России, репутация которого сложилась в результате труда не одного поколения отечественных филологов, столкнулось с весьма неординарной задачей: изменяя структурно и содержательно отдельные направления его деятельности, усиливая «слабые звенья» работы и создавая новые ее формы, не потерять главное, существенное, то, что составляет неповторимый и столь значимый для каждого из нас облик факультета.

Возникшие в 80–90-е «новые» вузы и факультеты родственных направлений в некотором смысле попали в более выигрышное положение: начав «с чистого листа», они восполняли естественные лакуны в образовательном пространстве, а, следовательно, контингент их учащихся определялся конъюнктурой рынка, под него создавались новые учебные планы, открывались новые специальности, подбирались соответствующие кадры. Составляя нам определенную конкуренцию, результаты которой сказались в начале 1990-х годов в некотором падении конкурса на факультет за счет расширения выбора у потенциально «наших» абитуриентов, эти учебные заведения заметно уступали нам по ряду важнейших позиций: глубине и классичности образования; широте спектра учебных дисциплин и специальностей; возможности получения практических профессиональных навыков в сочетании с фундаментальной научной подготовкой и ранним подключением к исследовательской деятельности; свободе выбора дополнительных специальностей и обилию уже сложившихся форм межвузовского и международного сотрудничества для студентов.

В 1999 г. экспертами журнала «Образование и карьера» был проведен независимый мониторинг эффективности работы филологических факультетов современной России. В результате сопоставления по более чем десяти позициям, в том числе квалификации преподавательских кадров, широте спектра образовательных услуг, обеспеченности научно-методической и технической базы, возможностям международного сотрудничества, наш факультет занял лидирующее положение, с большим отрывом опередив такие авторитетные и интенсивно развивающиеся вузы, как СПбГУ и РГГУ.

Эта оценка была подтверждением того, что факультет не только не утратил прежних позиций, но укрепил их, не стоял на месте, двигался, развиваясь в правильном направлении. Каковы были наши практические шаги на более чем десятилетнем пути изменений на факультете и чем мы руководствовались? Обратимся к фактам.

Совершенствование структуры факультета. Несмотря на то что основными подразделениями факультета остались кафедры и ла-

боратории, произошло заметное изменение его структуры за счет обособления отдельных направлений работы, ставших актуальными в последнее время. Структурные изменения затронули все сферы факультетской жизни, но прежде всего это было заметно в организации учебного процесса. Из необходимости создания особой специализации для студентов романо-германского отделения, нуждающихся в дополнительной подготовке в области художественного, синхронного и других видов перевода, в 1993 г. был создан Центр теории и практики перевода, руководитель центра Ю.Л. Оболенская разработала учебный план и объединила инициативных специалистов пяти кафедр романо-германского отделения, которые осуществляли подготовку старшекурсников по второй специальности «Теория и практика перевода». На базе созданных центром учебных программ в 1995 г. возникло отделение теории и практики перевода. На шести кафедрах открылись семинары по художественному переводу. Студенты проходили практику по различным видам перевода в издательствах, новостных агентствах и т.п. Вышел студенческий альманах «Equis», где были опубликованы творческие опыты начинающих переводчиков.

В отделение византийской и новогреческой филологии, принципиально новое для отечественного образования, в 1995 г. было обособлено направление, ранее развивавшееся на кафедре классической филологии. Для полноценного научно-методического обеспечения учебного процесса и исследовательской работы на этом отделении *была создана кафедра византийской и новогреческой филологии со своей программой деятельности.*

Существенные изменения произошли на *славянском отделении*. В дополнение к традиционно изучаемым на факультете языкам и литературам западных и южных славян открылась специализация по украинскому языку и литературе. Было начато преподавание белорусского языка и литературы. В некоторых группах основной славянский язык стал изучаться в комбинации с языком неславянского народа, исторические судьбы которого тесно переплелись со славянами (болгарский язык — с новогреческим, словацкий — с венгерским). Шла работа над тем, чтобы ввести курсы турецкого и албанского языков для югославистов, литовского — для полонистов.

На факультете открываются *новые отделения*, набор на которые осуществляется на договорной основе.

Отделение филологического обеспечения связей с общественностью (руководитель М.Э. Конурбаев) создавалось для подготовки специалистов широкого филологического профиля для работы в PR-компаниях, рекламных агентствах, маркетинговых отделах фирм и предприятий — профессионалов, умеющих создавать емкие, вы-

разительные, стилистически безупречные тексты на основе отличных знаний языка, культуры, истории, психологии, экономики, финансов и права. Кроме дисциплин традиционного филологического цикла, предусматривалось изучение широкого спектра дополнительных дисциплин, знакомящих студентов с основами будущей специальности: менеджмент; финансы; маркетинг; экономическая теория; логика и теория аргументации; социальная и общая психология; нейролингвистическое программирование; риторика.

В 2004 г. был разработан учебный план *отделения филологического обеспечения журналистики (СМИ)*. Целью специализации явилось формирование у студентов-филологов дополнительной профессиональной компетенции, связанной с деятельностью в области средств массовой информации. Специализация рассматривалась как многоуровневый образовательный комплекс, включающий анализ языка СМИ в собственно лингвистическом, психологическом, риторическом, герменевтическом, прагматическом, социологическом и культурологическом аспектах (руководитель М.Н. Володина). Уникальность методики заключалась в междисциплинарном анализе языка СМИ, представленном в лекциях и семинарах, которые проводили ведущие специалисты разных кафедр филологического факультета, факультетов журналистики, психологии, философского факультета МГУ, а также профессорами ВГИК.

Учебный план *отделения лингвокриминалистики* (руководитель Л.В. Златоустова) предполагал подготовку высококвалифицированных специалистов широкого профиля для работы в экспертных центрах и фоноскопических лабораториях системы органов внутренних дел, суда и прокуратуры, адвокатуры; проведения теоретических исследований и прикладных работ в области речевых технологий. Особое внимание в процессе подготовки уделялось овладению самыми современными методами и методиками фоноскопической экспертизы и перспективными речевыми технологиями. В то же время подготовка лингвокриминалистов сохраняла основные составляющие базового фундаментального филологического образования, дополняя их новыми, актуальными теоретическими и практическими курсами с выходом в соответствующие области прикладной лингвистики.

Подготовка специалистов в области *филологического обеспечения информационно-издательской деятельности* предусматривала полноценное образование на базе учебного плана русского отделения, обогащенное дисциплинами культурологической, коммуникативной и информационно-практической направленности.

Осознавая, что применение современного филологического образования на быстро меняющемся рынке труда предполагает наличие

не только крепкого фундамента в виде классического набора знаний и навыков, сложившегося в отечественной образовательной практике, но и уникальных *специализаций*, расширяющих возможности трудоустройства, мы пошли по пути их создания. Мы стремились к тому, чтобы каждый наш выпускник, заинтересованный в дополнительных знаниях, наряду с дипломом об окончании университета имел сертификат государственного образца о получении дополнительной квалификации.

Традиционно на факультете существовала лишь одна дополнительная специализация — «Преподаватель русского языка как иностранного». Поскольку она неизменно пользовалась большим успехом у студентов, *было решено возродить отделение РКИ*.

В те годы появились и новые специализации, дающие дополнительные возможности для трудоустройства в системе среднего и высшего образования. Это «Преподаватель математики в средней школе» (для отделения ТиПЛ), «Преподаватель иностранного языка в школе и неязыковых вузах» (для всех отделений по английскому, французскому, немецкому, датскому, шведскому языкам), «Кельтология», в рамках которой студенты овладевают ирландским, пополнившим беспрецедентно широкий список языков, изучаемых на факультете. Ряд специализаций заведомо носил интегративный характер и не только предполагал участие в них студентов разных отделений, но и тесно координировал работу над ними преподавательских коллективов разных кафедр. Специализация «Сопоставительное страноведение и культурология» (открыты отделения «Россия, Великобритания и США», «Россия, Германия и Швейцария», «Россия, Испания и Португалия»), «Теория и практика межкультурной коммуникации» (кафедра общей теории словесности под руководством проф. Т.Д. Венедиктовой, созданная в 2004 г. на базе центра теории дискурса и коммуникации), «Методы и методики лингвистической криминалистики» (кафедра ТиПЛ, другие языковедческие кафедры и лаборатории) имели принципиально междисциплинарный характер. Богатый педагогический потенциал факультетских кадров раскрывали специализации «Сравнительное литературоведение» (задействованы все литературоведческие кафедры факультета и лаборатория «Русская литература в современном мире»), «Сравнительно-историческое индоевропейское языкознание».

В отличие от ряда родственных вузов, где специализации носили чисто прикладной характер, факультет стремился обеспечить их научную составляющую: возможность написания курсовых и дипломных работ, организация конференций, т.е. фактически за каждой специализацией стояло и новое научное направление. В условиях отсутствия государственного заказа на выпускников

вузов через создание специализаций мы ориентировали студента на конкретное практическое поле деятельности, в котором ему можно было профессионально раскрыться и осознать научные перспективы избранного направления.

Серьезная и плодотворная деятельность в сфере *дополнительного филологического образования* (руководитель Е.Ю. Зубарева), координируемая особым структурным подразделением факультета, охватила широкий диапазон задач: это и различные формы довузовского обучения абитуриентов, и постоянно обновляющиеся программы профессиональной переподготовки, повышения квалификации и стажировки, курсы для желающих совершенствоваться в одном из европейских языков и т.д.

Из всех направлений деятельности центра дополнительного образования традиционным было лишь одно, связанное со *Школой юного филолога*. ШЮФ не только раскрывала перед школьниками горизонты филологической науки, но и давала возможность молодым преподавателям, аспирантам и студентам реализовать свой творческий и педагогический потенциал. Первые самостоятельные изыскания наших молодых филологов были представлены в коллективном сборнике «Опыты — 2000», посвященном актуальным вопросам фольклористики, изучения русской и зарубежной литератур, исторического и современного языкознания.

Остальные направления, включая *сотрудничество с подшефными общеобразовательными школами*, контроль за уровнем преподавания профильных дисциплин в специализированном филологическом лицейском классе московской школы № 1134, проведение предметных олимпиад для старшеклассников (в том числе в регионах), сложились также в то время.

В составе подразделения также действовали *подготовительные курсы* для абитуриентов, в течение ряда лет успешно компенсирующие разрыв между вузовским и школьным образованием. Лекции и семинарские занятия на курсах вели профессора, доценты и преподаватели. В 90-е был открыт *субботний лекторий*, разработаны новые формы проведения *ежегодных предметных олимпиад* по филологическим дисциплинам, оказывалась помощь в *организации школьных научных конференций*.

Особое внимание в те годы факультет уделял работе секций «Литературоведение» и «Языкознание» в рамках ежегодной Всероссийской научной программы молодых исследователей «*Шаг в будущее*». Доклады школьников, которые участвовали в работе конференции в течение двух, а иногда и трех лет, отражали их творческий рост. Поэтому научно-методическое руководство филологическими секциями программы «Шаг в будущее» факультет считал важным

направлением своей работы. Фактически центром была охвачена цепочка: довузовская подготовка — дополнительное обучение в вузе — повышение профессионального уровня и переподготовка.

Учитывая актуальность развития новых форм *межфакультетского сотрудничества* в рамках МГУ и необходимость расширения гуманитарной компоненты в естественнонаучном образовании, мы подготовили блок программ теоретических и практических курсов филологического цикла для нефилологов.

Поддерживая установку ректора В.А. Садовниченко на *создание сети филиалов МГУ* в странах ближнего зарубежья, факультет взял на себя организацию обучения филологов в Черноморском филиале, открывшемся в 1999 г. в Севастополе, значительным вкладом в развитие культурных, образовательных и научных отношений между Россией и Казахстаном стало создание в декабре 2000 г. Казахстанского филиала МГУ в Астане. Ныне он включает четыре факультета, в том числе филологический. Первый набор состоялся в 2002 г.

Выездные вступительные экзамены в различных регионах России, регулярно организуемые рядом факультетов МГУ, включая и наш, давали шанс талантливой молодежи из регионов получить образование в МГУ.

Забываясь о новом наборе на факультет, мы уже в ранние девятые дважды в год — осенью и весной — начали проводить День открытых дверей, мы же первые в МГУ провели *открытое зачисление* на факультет по итогу вступительных экзаменов.

Необходимостью обеспечивать учебный процесс пособиями и учебниками, качественной методической литературой было вызвано к жизни *создание на факультете редакционно-издательского совета отдела (РИСО)*, который нес ответственность за всю предпечатную подготовку, тиражирование и рекламу нашей печатной продукции. В результате через РИСО прошло несколько сотен изданий. Среди них подавляющее большинство составляли программы, учебники и учебные пособия, монографии ведущих ученых.

Рекомендуя рукописи к печати на редакционно-издательском совете, факультет брал на себя обязательство опубликовать их за счет внебюджетных средств, исходя из соображений целесообразности и актуальности трудов исследователей. В первую очередь публиковались программы основных курсов, тезисы и материалы конференций, проводимых факультетом, и монографии к докторским диссертациям. Данное обстоятельство позволяло нашим коллегам вовремя выходить на защиты в соответствующих спецсоветах.

В 1990-е — начале 2000-х годов *для школьников и абитуриентов* было подготовлено около двух десятков пособий по всем профильным предметам: пользующиеся неизменно высоким спросом и выдержав-

шие уже не одно переиздание справочные материалы и методические рекомендации по русскому языку, коллективная монография «Русская литература XIX–XX веков. В 2 томах», программы, сборники экзаменационных текстов, контрольных заданий и упражнений по современным европейским языкам, по математике для отделения ТиПЛ и проч. В юбилейной серии «Московский университет — школе» выпускались фундаментальные учебники нового типа по русской литературе и русскому языку для старшеклассников.

Постоянно пополнялся *список изданной нами учебной литературы для студентов* филологических факультетов государственных вузов. Выпущены, в частности, «Историческая грамматика русского языка» К.В. Горшковой и Г.А. Хабургаева, «Старославянский язык» (два издания в 2004 г., причем второе — с приложением компьютерного курса) и «Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв.» М.Л. Ремневой, «Историческая фонетика русского языка» Е.А. Галинской, «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса» М.В. Всеволодовой, «Коммуникативная грамматика русского языка» Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко и М.Ю. Сидоровой, «Современный русский язык: Морфология» А.А. Камыниной, «Фонетика современного русского литературного языка» Л.Л. Касаткиной, «Русская диалектология» С.К. Пожарицкой, «Русская лексикография» Э.Г. Шимчук, «Учебник каталанского языка» И.О. Бигвавы и М.А. Харшиладзе (первый в России), «Краткий курс готского языка» А.В. Блинова, «Введение в германскую филологию» И.А. Ершовой, «Общая и прикладная фонетика» под ред. Р.К. Потаповой, «Фонетика немецкого языка» М.В. Раевского, «Теория фольклора» В.П. Аникина, «Русская литература XI–XVII вв.» А.В. Архангельской и А.А. Пауткина, «История русской литературы» В.И. Кулешова, «Литература Древней Руси» и «Становление личности в русской литературе XVIII века» Н.И. Либана, «История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена» под ред. Б.С. Бугрова, «Словацкая литература» под ред. А.Г. Машковой, а также методические пособия, материалы лекционных курсов и хрестоматии, обеспечивающие учебный процесс. Руководство факультета рассматривало создание новых учебников как одно из приоритетных направлений научной работы кафедр и как один из важнейших показателей ее эффективности. При этом должное внимание уделялось и классическим трудам, на которых выросло не одно поколение филологов: переизданы «Готский язык» М.М. Гухман, «Древнеанглийский язык» и «Лексикология английского языка» А.И. Смирницкого, в юбилейной серии «Классический университетский учебник» вышли книги С.Б. Бернштейна, А.М. Селицева, К.А. Левковской, В.И. Мирошенковой и Н.А. Федорова.

Особую роль в жизни факультета играли периодические издания. Это прежде всего поднявшийся на принципиально новую высоту журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология». Ныне каждый его выпуск — представительный по объему, тематически продуманный, научный сборник, объединяющий лучшие статьи отечественных филологов и зарубежных авторов.

Среди *повременных изданий* факультета можно отметить сборники «Научные доклады филологического факультета», «Вопросы русского языкознания», «Атлантика: Записки по исторической поэтике», «Вопросы классической филологии», «Вопросы иберо-романской филологии», «Чеховский вестник», «Голоса молодых ученых», а также «Славянский вестник», основанный в 2003 г. в продолжение «Славянской филологии». Ряд кафедр факультета собственными силами начали издавать свои журналы и сборники, пользующиеся заслуженным авторитетом в научном мире («Folia Anglistica», «Язык. Сознание. Коммуникация» и др.).

Следует особо отметить *разнообразие печатной продукции*, выходящей из стен факультета. Это и элитарные издания, такие, как памятники словесности с научным аппаратом и комментариями («Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого», «Житие святого Этьена»), и сборники текстов для массового читателя («Городские песни, баллады, романсы»), и хрестоматии (например, по курсу «Введение в языкознание»), и мемуарная литература (книги о профессорах М.Н. Петерсоне и А.И. Смирницком, вышедшие в серии «Филология XX века в биографиях»; «Зигзаги памяти» С.Б. Бернштейна; сборник «В том далеком ИФЛИ»; военный дневник П.Г. Пустовойта; воспоминания курса, учившегося на факультете в 1953–1958 гг., — «Время, оставшееся с нами»), и «Божественная комедия» Данте в переводе проф. А.А. Илюшина.

Для пропаганды и реализации своей книжной продукции факультет инициировал создание «Лавки филолога», благодаря которой не только наши книги быстро нашли своего покупателя, но и за счет договоров о поставке литературы и обмене продукцией мы могли обеспечивать своих студентов и преподавателей учебниками и необходимой научной литературой других издательств. Кроме издательства Московского университета, в числе постоянных партнеров факультета и «Лавки филолога» — издательство СПбГУ, «Академический проект», «Алетейя», «Аспект-Пресс», «Высшая школа», «Златоуст», «Летний сад», УРСС. Студенты и преподаватели привыкли к тому, что нужная книга будет быстро найдена, а если необходимо, то заказана. Кафедры обязаны «Лавке филолога» постоянным пополнением своих библиотек, которые в те годы были созданы почти при каждом подразделении факультета). Кроме того,

факультет и «Лавка филолога» оказывали ощутимую поддержку Научной библиотеке МГУ в комплектовании ее фондов.

Факультет в 90-е годы вел большую работу рекламно-информационного характера. Регулярно выпускались *буклеты*, рассчитанные на целевую аудиторию (российские абитуриенты, потенциальные студенты, аспиранты и стажеры из других стран, университеты-партнеры), *обновлялась печатная и электронная версии каталога наших изданий*, потребность в которых остро ощущали как отечественные, так и зарубежные специалисты.

Отсюда еще одна необходимая составляющая нашей рекламно-информационной работы — *участие во всероссийских и международных книжных выставках-ярмарках*. Экспонируемая нами печатная продукция служила рекламой не только издательской и научной, но и образовательной деятельности факультета. В девяностые годы книги, издаваемые факультетом, регулярно *демонстрировались на крупнейших международных ярмарках* в Москве, Варшаве, Лейпциге, Франкфурте-на-Майне. Работал факультет и на всероссийских выставках в регионах: «Белые ночи» в Санкт-Петербурге, «Книги России» в Екатеринбурге, где в 2001 г. наша деятельность была отмечена медалью и дипломом.

В эти же годы на факультете произошли «революционные» изменения в *обеспечении техникой и новыми технологиями* учебного и научного процесса. Если в начале 1990-х годов было несколько устаревших ЭВМ, то к двухтысячным мы не только обеспечили все подразделения и учебные компьютерные классы современными персональными компьютерами, но и неоднократно модернизировали их ресурсы, при этом мы не только приобретали технику, но и организовали обучение работы на компьютерах всего факультета: от студентов до профессоров. Факультет одним из первых в МГУ получил *доступ к Интернету*, была создана система представления кафедр и подразделений факультета в сети, в единую факультетскую сеть были включены более 200 компьютеров. Предвидя дальнейшее возрастание роли высоких технологий в образовательном процессе, был создан *центр новых информационных технологий* (руководитель Г.Е. Кедрова), в задачи которого входило внедрение уже появившихся и создание принципиально новых методов обучения и научного исследования в области филологии.

Благодаря своевременному включению факультета в работу по *дистанционному обучению* были созданы первые электронные курсы русской фонетики и старославянского языка. Было положено начало проведению *интернет- и видеоконференций* с участием зарубежных и отечественных коллег.

Активизировалась работа факультетских лабораторий, предлагавших современные технологии описания и исследования языка и литературы как основных объектов изучения. Значительны успехи лаборатории компьютерной лексикологии и лексикографии, проводившей описание и исследование корпусов текстов русской литературы, фольклора, материалов периодики.

Техническая и методическая (в рамках методического совета) реорганизация значительно изменила «лицо» лаборатории устной речи, которую теперь точнее было бы назвать лабораторией лингафонных и аудиовизуальных средств обучения иностранным языкам. Компьютерная аудио- и видеобработка информации на стадии подготовки учебного материала, оборудованные по последнему слову техники лингафонные кабинеты, использование учебных программ спутникового телевидения непосредственно на занятиях и многое другое из арсенала новейших средств обучения — все это позволило говорить о ЛУРе как о современной мультимедийной лингафонной лаборатории.

Понимая, что внедрение новейших методов в исследовательскую практику и учебный процесс зависит как от насыщения их новейшими технологиями, так и от регулярного обращения к современному опыту исследователей в области смежных гуманитарных дисциплин, факультет создал *центр гуманитарных коммуникаций* под руководством проф. Т.Д. Венедиктовой. Это структурное подразделение являлось принципиально новым не только в связи с его заведомо междисциплинарной компонентой, но и по форме (оно охватило все уровни работы факультета — от студенческих курсов и аспирантуры до междисциплинарных методических семинаров и конференций). Центр провел цикл междисциплинарных семинаров «Словесное и визуальное в составе культуры: история, теория, современность», в котором приняли участие представители разных факультетов МГУ, институтов РАН, а также зарубежные ученые.

Научная работа всегда оставалась в центре внимания руководства факультета. Одним из важнейших итогов прошедшего десятилетия стало утверждение приоритетных направлений фундаментальных научных исследований факультета: 78 разрабатываемых факультетом тем объединены в 15 направлений, в соответствии с которыми строилась стратегия развития науки на факультете. Мы не только стремились учитывать традиционные для отечественной филологии фундаментальные направления исследований, но и приветствовали поисковые и перспективные проекты наших сотрудников. Особое внимание в 90-е годы уделялось *профессиональному росту* наших преподавательских и научных кадров. Если в начале 1990-х на факультете защищали диссертации 3–4 сотрудника в год, то в середине

десятилетия политика стимулирования защит стала давать плоды: уже с 1995 г. было защищено пять докторских и восемь кандидатских диссертаций, в 1996 — шесть и шесть, в 1997 — шесть и 14, в 1998—10 и 13, в 1999 — восемь и 21, в 2000 — пять и 15, в 2001 — семь и шесть, в 2002 — три и шесть, в 2003 — пять и семь. Нельзя не отметить, что большинство соискателей относилось к категории молодых ученых, благодаря чему *значительно омолодился состав доцентов и профессоров*. Такое количество защит позволило нам активно участвовать в программах ректора МГУ «100 молодых доцентов» и «100 молодых профессоров».

Важная составляющая работы научного отдела факультета была связана с аспирантурой. Ее проблемам всегда уделялось значительное внимание. Ежегодно на факультете обучалось около 340 аспирантов, в том числе иностранных. В связи с принятием нового стандарта послевузовского обучения руководство факультета предприняло решительные шаги к качественному обновлению подготовки аспирантов: созданы программы специальных курсов, освещающих наиболее актуальные теоретические и методологические вопросы современной науки. Кафедрами создавались принципиально новые программы вступительных экзаменов в аспирантуру и кандидатского минимума по всем специальностям и иностранным языкам.

Плодотворно работал в девяностые годы на факультете *Совет молодых ученых*. Привлекая к сотрудничеству студентов, аспирантов и преподавателей, руководящий состав Совета многое сделал для того, чтобы результаты их научной деятельности были представлены на ведущих отечественных и международных форумах и получили должную оценку в конкурсах университетского и всероссийского уровня. Победители факультетского конкурса работ молодых ученых разных лет были отмечены престижными Шуваловскими премиями МГУ: В.М. Толмачев (1993), М.М. Голубков (1993), М.К. Головановская (1998), Д.Б. Гудков (2001). Показателем работы Совета служил тот факт, что только в 2001 г. победителями конкурса работ молодых ученых МГУ стали четыре преподавателя нашего факультета: I и III премии получили соответственно М.Ю. Сидорова и О.Ю. Школьников, а грамотой и благодарностью СМУ МГУ были отмечены Е.В. Хачатурян и А.Б. Криницын. Осенью 2001 г. студентка V курса русского отделения Ю. Шуйская стала лауреатом Первого Международного фестиваля студентов — учителей русской словесности. Среди *научных мероприятий*, проводимых на факультете, выделялся ряд постоянно действующих: *научные чтения* памяти акад. В.В. Виноградова, проф. П.С. Кузнецова, проф. Г.А. Хабургаева, проф. В.А. Белошапковой, посвященные различным аспектам русистики (кафедра русского языка); *конференции* LATEUM, Ах-

мановские чтения (кафедра английского языкознания), международная конференция «Актуальные проблемы иберо-романистики» (кафедра иберо-романского языкознания), Камознсовские чтения («Кафедра Камознса»), Поспеловские чтения (кафедра теории литературы), «Фольклористика года» (кафедра русского устного народного творчества).

Некоторые кафедры регулярно проводили *открытые семинары*, посвященные наиболее актуальным составляющим их проблемного поля: «Аспектологический семинар», семинар «Наука о фольклоре: объект и метод», научные чтения на кафедре славянской филологии, ежегодные конференции и отчеты и др.

Неуклонно увеличивалось и число мероприятий, проводимых факультетом: в девяностые годы это более двух десятков представительных конференций: *в юбилейном для факультета 2001 году организовано 11 международных конференций*, среди которых «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования», филологическая секция X Конгресса ФИАЛК, Международная конференция неозлиннистов, IV Международная научная конференция «Молодые исследователи Чехова», Международная конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности» и др.

Десятилетие, пришедшее на рубеж веков, требовало оценки и переосмысления тенденций развития науки. Поэтому ряд научных форумов, проводимых факультетом, носил подчеркнуто итоговый характер. Это репрезентативные международные конференции «Лингвистика на пороге XXI века: итоги и перспективы» (1996) и «Литературоведение на пороге XXI века» (1997).

В 1999 г. в рамках празднования *юбилея А.С. Пушкина* на факультете прошла Международная конференция «А.С. Пушкин и мировая культура», которая подвела итоги и наметила перспективы исследования творчества великого русского поэта. Были изданы научные сборники «Пушкин», «А.С. Пушкин и Московский университет», «Пушкин и русская драматургия», «Пушкин и русская культура».

Значительным событием современной общественной и научной жизни стал международный конгресс «*Русский язык: исторические судьбы и современность*», прошедший в МГУ в марте 2001 г. и приуроченный к Всемирному году языков. Более 600 участников из России, стран СНГ и дальнего зарубежья (география форума крайне обширна) в 23 секциях обсудили наиболее существенные вопросы истории, теории, методологии русского языка, специфики русских лингвистических школ, особенностей изучения РКИ. Приглашенные на форум ученые и общественные деятели отметили его масштабность, содержательность и продуманную организацию. Учитывая большой

общественный резонанс этого научного мероприятия, факультет организовал II Международный конгресс исследователей русского языка, который состоялся 18–21 марта 2004 г. и был посвящен 250-летию юбилею университета.

Наши достижения во многом были связаны с открывшимися возможностями дополнительного финансирования науки из средств государственных, международных, внебюджетных и частных фондов. Постепенно осваивая эту форму поддержки своих инициатив, ученые факультета использовали от 12 (в начале 1990-х) до 35 (в 2000) различных грантов. Среди них федеральная программа Минобразования, ФЦП «Интеграция» и государственная программа «Русский язык», в формировании которой факультет принял активное участие. В первой половине 1990-х годов мы работали преимущественно с грантами «Университеты России» и фондами Госкомвуза; с 1996 г. активизировалось сотрудничество с РФФИ и РГНФ. Ежегодно наши исследователи получали поддержку «Института Открытое общество», фондов НАТО, АЙРЕКС, Фулбрайта, ТЕМПУС, МИД Франции «Пушкин», МИД Испании, Института Сервантеса и др.

Поощряя научную инициативу, факультет в 1993–1995 гг. разработал *собственную систему присуждения грантов*. Всего было поддержано 33 проекта сотрудников факультета, в том числе исследования молодых ученых.

Наши позиции как ведущего филологического вуза страны были укреплены и деятельностью нашего *Совета по филологии Учебно-методического объединения университетов РФ* (УМО). Мы придавали этой деятельности большое значение не только в связи с приоритетами, которые нам удалось отстоять в улучшении качества филологического образования, но и в силу сильнейших интегративных функций УМО, не позволивших разрушить отечественное образовательное пространство.

Совет объединял около 150 факультетов филологического профиля. В 90-е годы было проведено 17 пленумов на базе ведущих российских вузов (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Краснодар, Ставрополь, Нальчик, Томск, Самара, Пермь и пр.). В рамках пленумов проходили научно-методические конференции по насущным проблемам филологического образования. В период между пленумами функционировал президиум Совета, в который входили деканы и заместители деканов наиболее авторитетных университетов.

К важнейшим направлениям работы УМО относилось *подготовка проектов Государственных стандартов* по направлению и специальности «Филология», а также сопровождающей их учебно-

методической документации: примерных учебных планов различных специализаций, *программ основных учебных дисциплин*, положений о текущей и итоговой аттестации студентов и т.п. В рамках Совета работали секции по отдельным отраслям филологической науки. Преподаватели филологического факультета возглавляли работу секций русского языка (председатель — проф. М.Л. Ремнёва, секретарь — проф. Е.А. Галинская), зарубежной филологии (председатель — проф. О.В. Александрова, секретарь — доц. Е.О. Менджеричка), теории литературы (председатель — проф. А.Я. Эсалнек), классической филологии (председатель — проф. А.А. Россиус, секретарь — доц. М.Н. Славятинская).

Ежегодно УМО проводило *десятки экспертиз учебно-методической документации* вузов в связи с аттестацией и комплексной проверкой их деятельности, а также лицензионных экспертиз в связи с открытием новых специальностей и специализаций. Кроме того, Совет по филологии давал *рекомендации* о присвоении филологическим изданиям грифов УМО и Минобразования России. Одной из ведущих целей УМО являлась *поддержка русского языка в ближнем зарубежье*, содействие реализации федеральной программы «Русский язык».

В 90-е в области *международного сотрудничества* проявились общие тенденции к ослаблению централизации, что, с одной стороны, ухудшило ситуацию с обменом студентами, научными и педагогическими кадрами за счет межгосударственных соглашений и программ, а с другой — радикально расширило возможности реализации наших инициатив.

В эти годы факультет активно сотрудничал с зарубежными партнерами в рамках почти 60 действующих договоров, из которых подавляющее большинство были заключены на междуниверситетском и межфакультетском уровнях. В эти годы к наиболее активным и уже традиционным нашим европейским партнерам — университетам Германии (Берлин, Марбург, Тюбинген, Халле, Йена, Росток), Словении (Любляна), страны Басков, Гранады и Барселоны (Испания), Франции (ИНАЛКО) — добавились Университет Санг-Менг (Республика Корея), университеты Нового Южного Уэльса (Австралия), университет Триеста (Италия), Сан-Пауло (Бразилия). Всего более 30 новых договоров. По инициативе факультета МГУ подписал договоры с Парижским университетом Сорбонна-IV, с Институтом славянской филологии Марбургского университета им. Филиппа (Германия), с филологическим факультетом Университета Флоренции (Италия) и др.

Наши соглашения и договоры инициировались не только университетами, но и международными организациями разных уровней,

сам факт признания которыми перспектив сотрудничества с нашим факультетом заслуживает особого внимания. Среди них АСПРЯЛ-АКСЕЛС (Американские советы по международному образованию), ФИЕАЛК (Международная федерация по изучению Латинской Америки и Карибского Бассейна), национальные комиссии по преподаванию языков ряда стран Европы. Упрочились контакты с Росзарубежцентром МИД России. Факультет принимал активное участие в международных семинарах для преподавателей русского языка, имел постоянного представителя в Методическом совете по русскому языку Росзарубежцентра. Через Росзарубежцентр наши учебные и научные издания получили российские Центры науки и культуры, университеты и курсы русского языка в разных странах, в том числе в Индии, Бельгии, Австрии, Люксембурге. Серьезные усилия были предприняты для организации работы делегаций факультета на форумах крупнейших Международных ассоциаций по изучению русского языка и славянских языков (МАПРЯЛ, РОПРЯЛ). Наши представители активно работали в органах правления МАПРЯЛ и РОПРЯЛ, имея возможность влиять на внутреннюю политику этих объединений.

Большую работу проделал факультет по организации и проведению в марте 2000 г. *Первой международной практической конференции университетов стран СНГ и Балтии*, которая была инициирована МГУ и стала заметным событием в процессе интеграции образовательных учреждений на постсоветском пространстве. Вся филологическая часть конференции была проведена факультетом. В результате проделанной работы появились и активно реализовывались договоры с Гродненским, Донецким, Минским, Симферопольским университетами. Открылись подаренные посольствами и правительствами ряда стран *языковые кабинеты* (ирландский, нидерландский, итальянский, португальский), по межгосударственным программам велся обмен студентами и преподавателями. В ознаменование заслуг ряда зарубежных ученых перед русской культурой и их вклада в международное сотрудничество звания Почетного доктора и Почетного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова по представлению факультета были присвоены Р. Джексону (США), Р.Д. Клюге (Германия), А. Сказе (Словения), А. Семчуку (Польша), А. Мустайоки (Финляндия), В. Гладрову (Германия), П. Генри (Великобритания). В 90-е годы *мы традиционно много принимали иностранных учащихся*, приезжающих на разные ступени и формы обучения; абсолютное большинство их обучалось по контракту. Сохранились традиционные формы (стажировки и летние школы), появились возможности круглогодичного приема групп на краткосрочные курсы и специаль-

ные образовательные программы. Определенные изменения произошли в организации работы кафедр РКИ: начал функционировать современный центр тестирования, были изданы новые обучающие программы и пособия, в 1991 кафедры вошли в состав факультета.

Большим стал объем командирования преподавателей факультета на работу в зарубежные вузы и на международные научные форумы (до 200 командировок в год за счет внебюджетных средств факультета). Традиционно высоким спросом пользовались наши лекторы в Германии, Франции, на Тайване, в Китае и других странах. Широка география поездок на научные мероприятия — наши коллеги регулярно выступали с докладами во всех крупных научных центрах Европы, Азии, Северной и Южной Америки. Реализуя собственные научные интересы, они стремились установить полезные для факультета контакты и способствовали международным обменам на постоянной основе.

Большая роль в установлении и поддержании международных контактов принадлежала кафедрам. Особенно плодотворными стали усилия факультетских византистов, угро-финноведов, португалистов, скандинавистов — это и совместные заседания, конференции, открытие кабинетов, обмен научной литературой, культурно-образовательные мероприятия для студентов. Сложилась новая форма работы, такие, как совместный литературоведческий семинар кафедры истории русской литературы и Тюбингенского университета (Германия), посвященный междисциплинарным проблемам изучения творчества Чехова и Вагнера («Чехов и Германия», «Рихард Вагнер и русская культура»), сотрудничество кафедры немецкого языка и центра «Языка СМИ» с Институтом немецкого языка в Маннхайме. Была начата практика международных видеоконференций (например, с Академией Круска во Флоренции, Италия).

Ученый совет стал реальным высшим органом самоуправления на факультете. Не было ни одного значимого для жизни факультета решения, которое не прошло бы обсуждения и утверждения на Совете. Помимо текущих организационных вопросов (конкурсные дела, отчеты деканата, выполнение учебного плана аспирантами, подготовка к сессиям, выборам и пр.), а также научных докладов профессоров и заведующих кафедрами, на Совет выносились все наиболее важные для факультета проблемы, существовала практика утверждения концепций крупных конференций и научных форумов, проводимых факультетом, все структурные изменения, программы специализаций и новых лекционных курсов также проходили через Учебный совет, утверждались концепции лингвистического и

литературоведческого образования на факультете, предложенные сформированными им же комиссиями.

На Совете обсуждались принципиально важные вопросы о роли заведующего кафедрой на факультете и в университете, о значении и роли профессора в жизни кафедры, о работе кафедр с молодыми кадрами, о совершенствовании работы практик, о месте кафедр в образовательной системе и научной жизни факультета, об объеме и роли преподавания русского языка и литературы на всех отделениях факультета и на разных факультетах МГУ, о месте иностранных языков в структуре учебных планов. При Совете в 1992–1993 гг. начали работу конкурсная комиссия факультета и редакционно-издательский совет (РИСО).

В период подготовки в 1997–1999 гг. к 200-летию юбилею А.С. Пушкина была открыта «Пушкинская гостиная», где проходили камерные мероприятия кафедр, посвященные празднику. Под эти цели была специально оборудована одна из типовых аудиторий факультета.

Начинание оказалось столь удачным и жизненным, что до сих пор существующая гостиная пользуется неизменной популярностью у студентов и преподавателей. Именно в ней проходят международные мероприятия кафедр — вечера финского, шведского, венгерского, славянских и других языков и культур с приглашением представителей посольств и зарубежных лекторов. Традиционными стали музыкальные и поэтические вечера с участием иностранных студентов факультета, презентации новых книг, встречи с поэтами, актерами, певцами и пр. В гостиной отмечались юбилеи и праздники, она превращалась то в художественный салон, то в дискуссионный клуб, то в творческую мастерскую, то в концертный зал.

Большое внимание в то время факультет уделял *кадровой политике*. В эпоху падения авторитета преподавательской профессии мы стремились максимально поддержать старые кадры и содействовать профессиональному росту молодежи. Основные тенденции кадровой политики — поощрение любой творческой инициативы, содействие быстрому продвижению преподавателей по служебной лестнице — реализовывались в беспрецедентно высоком уровне докторских и кандидатских защит, в появлении большого количества молодых доцентов и профессоров (средний возраст доктора наук на факультете — 48 лет), в возможности стажировок. В результате бережного подхода к кадрам и разумной политике в обновлении состава кафедр и руководящих структур на факультете существовало творческое сотрудничество разных поколений, обогащающих друг друга энергией и опытом, что обеспечивало преемственность научных школ и преподавательских традиций.

Социальная работа на факультете велась по нескольким направлениям. Это были не только существенные ежемесячные доплаты всем сотрудникам и система индивидуального премирования, не только поддержка коллег-пенсионеров, но и специальные формы, сложившиеся на факультете и ставшие для нас привычными. Для преподавателей появилась возможность отдохнуть и поправить здоровье в пансионате «Поречье» (1993—2015). «Поречье» — это не только 10—15 дней оплачиваемого факультетом отдыха, но и 10—15 дней, добавленных к отпускам, это возможность нового живого («не коридорного» или «кафедрального») общения с коллегами. Это совместные костры, печеная рыба, факультетские песни, разговоры, посиделки и т.д. Это был новый для нас всех мир, в котором мы обсуждали совсем непрофессиональные темы. В 90-е годы в «Поречье» ежегодно отдыхало до 400 человек. Туда же приезжали на последний прогон «капустника» перед Днем филолога студенты и преподаватели, на плечи которых с 1992 года легло возрождение факультетского праздника «День филолога».

Студенты привыкли видеть неослабевающее внимание руководства факультета к их нуждам: в общежитии были организованы компьютерные классы, приобретена видео- и бытовая техника, отремонтированы жилые блоки на филологических этажах, силами факультета пополнялась библиотека в общежитии, в группах и на курсах организовано кураторство, приветствовались «инициативы снизу» (именно студенты создали стенную газету «Юс малый» и организовали одну из сильнейших в МГУ команд КВН).

Для нас было немаловажно и то, как представлен факультет на страницах массовой печати. Нашей задачей было не только реклама образовательных услуг, которые мы могли предложить (и такая реклама постоянно появлялась на страницах периодических изданий наряду с приглашениями на Дни открытых дверей, факультетские праздники и встречи). Мы старались, чтобы наше мнение о таких животрепещущих проблемах, как недостаточная обоснованность реформы орфографии, ошибки в реформировании образования, судьбы высшей школы, было максимально адекватно донесено до широкой аудитории (через средства массовой информации, открытые письма и обращения) и услышано обществом.

Завершая краткой обзор основных событий 90-х и начала 2000-х и предвидя новые свершения, ожидающие нас в будущем, хотелось бы выразить надежду на мудрость, творческую инициативу и дружеское сотрудничество членов нашего коллектива, объединяемого общей любовью и уважением к тому, что мы кратко называем ФИЛФАК.

Marina Remnyova

OUR 1990'S

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In December 2001, the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University celebrated the 60th anniversary of the restoration in the structure of the university, and in 2005, the university's 250th anniversary was solemnly celebrated. Preparing for significant dates and summing up some of the results, we had repeatedly turned to the history of the faculty, and among other things released a collective monograph "The Faculty of Philology of Moscow University: Essays on History", memoirs of veteran philologists "In that distant IFLI", and three volumes of graduates' memoirs "The Time Remaining with Us". It so happened that our "recent history" remained outside the scope of these publications. For obvious reasons, it has not yet become a set of facts that have been removed from us by time, and therefore existing only in the annual reports of the dean's office and in the memory of each of us. Filling this gap, in this article we turn to those events of the faculty life, without which we cannot imagine our recent past and present.

Key words: the 1990's; Faculty of Philology; history.

About author: *Marina Remnyova* — Prof. Dr., President of the Faculty of Philology, Head of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: m.l.remneva@mail.ru).

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.В. ГОРШКОВОЙ

К.В. Горшкова (1921–2002)

О ФОНЕМЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

*До 2002 г. — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

К столетию со дня рождения Клавдии Васильевны «Вестник» повторяет публикацию знаменитой статьи, появившейся в 1980 г. в польском журнале *Slavia orientalis*. Данная работа вошла в историю науки, так как в ней была впервые сформулирована революционная для развития фонологии мысль о фонеме как единице, имеющей определенное внутреннее устройство, зависящее от типа позиционного чередования звуков в языке. Впоследствии эта мысль была развита К.В. Горшковой в самостоятельное учение о парадигматическом (т.е. иерархически организованном) строении фонемы. Упомянутое учение позволило фонетические особенности уровня морфемы и уровня словоформы связать единым понятием фонемы, а не противопоставлять их друг другу, предлагая для каждого уровня свою единицу.

Теория К.В. Горшковой переосмысляет идеи Р.И. Аванесова 1956 г., представляя фонемный ряд как модель внутреннего устройства фонемы и приписывая свойство быть сильным или слабым не фонеме, а членам ее парадигмы. Парадигма фонемы описывается, таким образом, как совокупность идеальных единиц, образующих иерархически упорядоченную систему. Все члены парадигмы фонемы связаны отношениями позиционного чередования в пределах морфемы. Возглавляет парадигму единица, которая обладает полным набором дифференциальных признаков и функционирует только в позиции максимального фонеморазличения. Остальные члены парадигмы характеризуются ослабленной различительной способностью: каждый из них имеет неполный набор дифференциальных признаков и выступает в строго определенной позиции нейтрализации. При этом си-

Сведения об авторе

Горшкова Клавдия Васильевна (1921–2002) — доктор филологических наук (1966), профессор (1978), зав. кафедрой русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1971–1994), заслуженный деятель науки РФ (1993).

Сведения об авторе аннотации и о сотруднике, который набирал текст и сверял его с оригиналом

Болычева Екатерина Марковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: 129-130@mail.ru).

туация неразличения может не касаться какой-то из фонем, однако из-за нейтрализации остальных фонем ее различительная сила падает и фонема оказывается представленной слабым членом (такова, например, особенность фонемы <у> в безударных слогах).

В конце статьи К.В. Горшкова пытается подытожить теоретическую и методическую значимость предложенного ею подхода к описанию фонологии, формулирует идеи, значимые для типологического сравнения языковых систем.

Ключевые слова: Московская фонетическая школа; парадигма фонемы; внутреннее устройство фонемы; сильный и слабые члены парадигмы фонемы; функционирование фонем в словоформе; фонемный ряд; сильная и слабая фонема; дифференциальные признаки.

Язык создан в результате совместного функционирования двух систем — одна из них смысловая, вторая — звуковая. Хотя эти системы относительно самостоятельны, ибо эти системы разного порядка, они в то же время тесно связаны между собою, ибо лишь функционированием их обеих создается система языка как инструмент мышления и общения. Кроме того, компоненты и отношения смысловой системы своеобразно проявляются в звуковой системе, так что обе системы связаны не только совместным функционированием, но и структурно, т.е. средствами выражения своих компонентов и отношений.

[Паулини, 1978: 20]

Это сложное взаимодействие смысловой и звуковой системы проявляется в характере фонологической системы языка. Потому не случайно, что одной из черт того фонологического направления, которое принято называть Московской фонологической школой (далее — МФШ), является признание двусторонней зависимости фонетической системы и ее основной единицы — фонемы — как от различий в качестве звуков речи, от особенностей их образования речевым аппаратом человека, так и от структуры и значений значимых единиц языка — морфемы и слова.

Связи фонемы с морфемой и словом, фонетической системы лексической и грамматической, закономерности реализации фонемы в конкретных звуках речи в зависимости от позиции сложны и многообразны и не во всех сторонах достаточно изучены, хотя фонология и является одной из наиболее развитых областей языкознания.

Важной вехой в развитии идей Московской фонологической школы стала книга профессора МГУ, члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова *Фонетика современного русского литератур-*

ного языка [Аванесов, 1956]. Здесь подчеркнута мысль о том, что в таких языках, как современный русский язык, фонетическая система которых покоится на двух типах позиционной мены звуков: параллельном и перекрещивающемся, кратчайшая звуковая единица ведет себя принципиально различно в пределах словоформы и в пределах морфемы. Р.И. Аванесов увидел существенные различия во взглядах отдельных ученых на фонему, а также принципиальные различия в целостных фонологических концепциях именно прежде всего в зависимости от того, рассматривается ли кратчайшая звуковая единица в словоформе или в морфеме; подчеркнул ограниченность каждой такой концепции и обратил внимание на необходимость систематического анализа поведения кратчайшей звуковой единицы как в словоформе, так и в морфеме.

В указанной работе Р.И. Аванесов пришел к выводу о наличии в современном русском языке (и, следовательно, в других языках такой же структуры) двух фонологических единиц, но разного ранга. Фонологическую единицу высшего ранга, связанную с морфемой, он назвал *фонемным рядом*, фонологическую единицу низшего ранга, связанную со словоформой, он назвал *фонемой*, *сильной* или *слабой*. Однако при внимательном изучении концепции Р.И. Аванесова, сопоставлении всех его частных и общих выводов и предложенных типов транскрипций оказывается, что основной звуковой единицей, формирующей фонологическую систему как часть общей структуры языка, является одна единица — фонема (в терминах Р.И. Аванесова — сильная фонема). Именно по числу сильных фонем определяется *состав* фонем данного языка, морфологическая транскрипция дана по сильным фонемам, возглавляющим фонемные ряды. Содержание данной книги глубже и разнообразнее по идеям, чем простое, пусть и весьма детальное, описание фонетической системы языка. С одной стороны, в книге показана фонема как структурная единица языковой системы, связанная со структурными единицами других уровней этой же языковой системы, прежде всего *морфемой*. С другой стороны, в ней дана подробная картина функционирования фонемы в речи, когда фонема как идеальная единица реализуется конкретными материальными звуками в пределах *словоформы*. Таким образом, в книге показано, как именно в фонеме сосредоточивается связь смысловой и звуковой систем языка.

В одной из рецензий на книгу Р.И. Аванесова было сказано, что она представляет собой прекрасное изложение фонетики с точки зрения говорящего, но что ее следует дополнить фонетикой с точки зрения слушающего. Представляется, что учение Р.И. Аванесова о фонемных рядах содержит необходимый материал и идеи для построения фонетики с точки зрения слушающего.

Целью настоящей статьи и является попытка автора сформулировать некоторые вопросы, решение которых представляло бы дальнейшее развитие идей МФШ, заложенных в книге Р.И. Аванесова. Автор надеется, что выявление подобных задач и их решение могло бы иметь как теоретическое, так и практическое применение при разработке частных методик изучения языка и обучения языку и речевой деятельности на данном языке.

Все дальнейшие рассуждения автора статьи исходят из того, что фонологическому уровню языковой системы соответствует одна и только одна единица — фонема. Как структурная единица она не может быть ни сильной, ни слабой. Ей принадлежат иные характеристики, которые определяют ее именно как структурную единицу. В число таких характеристик, очевидно, следует отнести зависимую связь фонемы со структурной единицей более высокого ранга — морфемой. Фонема определяется в границах морфемы, но о п р е д е л я е т с я , а н е ф у н к ц и о н и р у е т . Фонема не может функционировать в пределах морфемы, так как функционирование фонемы может происходить лишь в речевой деятельности, а кратчайшей значимой единицей, способной к самостоятельному существованию в речи (во всяком случае, в речи такого типа, как русская), является не морфема, а с л о в о . С учетом синтагматического устройства речи такой кратчайшей единицей, в пределах которой функционирует фонема в речи, будет с л о в о ф о р м а .

Фонема как член языковой системы, как структурная единица характеризуется парадигматическим устройством. Парадигма фонемы — это не особая единица, противопоставленная другой единице¹.

Парадигма фонемы — это иерархически организованная система единиц, связанных отношением позиционной мены в пределах морфемы, заменяющих друг друга в различных позициях и не способных противопоставляться друг другу в тождественных позициях. Возглавляет парадигму единица, выступающая в сильной позиции, в которой фонема наименее обусловлена в своих признаках. Это своеобразный «именительный падеж» фонемы, та форма фонемы, которая способна представлять фонему в «словаре фонем». Поэтому фонема — это не класс аллофонов, а парадигма единиц одного класса идеальных единиц. Каждый член парадигмы реализуется в речи своими аллофонами.

Учение Р.И. Аванесова о фонемных рядах по своей сути есть учение о парадигматическом устройстве фонем русского языка. Формулы фонемных рядов гласных или согласных, выведенные Р.И. Аванесовым, могут быть использованы при определении парадигм русских фонем. Так, все многообразие чередований соотносительных по

¹ Ср. парадигмофонема и синтагмофонема в книге М.В. Панова [Панов, 1967].

глухости-звонкости, твердости-мягкости согласных, образующих свои парадигмы, можно свести к следующим двум формулам:

$$t + t' \parallel t_1 \parallel t_2 + t'_2 \parallel t_3$$

$$d + d' \parallel d_1 \parallel t_2 + t'_2 \parallel t_3$$

В этой формуле знак t обозначает основной вид фонемы с дифференциальным признаком (далее — ДП) «глухость», «твердость», знак t' — основной вид фонемы с ДП «глухость», «мягкость», они возглавляют соответствующие парадигмы. Знак t_1 и d_1 — те члены парадигмы, которые появляются в позициях, где ДП «глухость-звонкость» сохраняется, а ДП «твердость-мягкость» утрачивается. Знак t_2 и t'_2 обозначает члены парадигмы, которые реализуются в позициях, в которых ДП «глухость-звонкость» утрачивается, а ДП «твердость-мягкость» сохраняется. Знак t_3 обозначает тот член парадигмы, который появляется в позициях, слабых и для ДП «твердость-мягкость», и для ДП «глухость-звонкость», т.е. в этих позициях реальная твердость, мягкость, глухость или звонкость позиционно обусловлена и не может реализовать ДП фонем. В этих позициях члены парадигмы соответствующих фонем сохраняют свою фонологическую природу благодаря сохранению ДП, связанных с местом и способом образования согласных [Аванесов, 1956: 203—212]. Поэтому в общее учение о парадигмах согласных фонем следует включить и материал о варьировании согласных по месту и способу образования. Если учесть, что варьирование по месту и способу образования характеризует согласные фонемы любого языка, то можно сказать, что в формулах Р.И. Аванесова отражены типологические особенности парадигм согласных фонем современного русского литературного языка.

Схемы фонемных рядов гласных фонем, данные Р.И. Аванесовым, также могут служить основой для разработки учения о парадигмах гласных фонем.

Эти схемы имеют следующий вид:

«...после твердых парных согласных и в начале слова: $\acute{o} // \alpha$, $\acute{a} // \alpha$, после заднеязычных: $\acute{o} // \alpha_1$, $a // \alpha_1$, $\acute{e} // \epsilon$; после мягких согласных фонем: $\acute{o} // \alpha // \alpha_1$, $\acute{a} // \alpha // \alpha_1$, $\acute{e} // \alpha // \epsilon$; после твердых шипящих: $\acute{o} // \alpha_2 // \alpha // \alpha_1$, $\acute{a} // \alpha // \alpha_1$, $\acute{e} // \alpha_2 // \alpha // \epsilon$.

Схемы фонемных рядов после твердых шипящих покрывают собой их схемы в других положениях и могут служить общими схемами для парадигмы гласных фонем, возглавляемых фонемами неверхнего подъема: /а/, /о/, /э/» [Аванесов, 1956: 125—133].

Знаки \acute{o} , \acute{a} , \acute{e} соответственно обозначают основной вид фонемы, обладающий всей совокупностью своих ДП. Это единицы, возглавляющие парадигмы соответствующих фонем.

Знак α обозначает член парадигмы, который возможен в позиции неразличения <о>, <а>, <э> после парных твердых или парных мягких согласных.

Знак α_1 обозначает член парадигмы, который выступает в позиции неразличения после заднеязычных, знак α_2 — в позиции неразличения после шипящих, знак ϵ обозначает тот член парадигмы фонемы <э>, который появляется в условиях флексии предложного падежа.

Возглавляющая парадигму фонемная единица, являющаяся основным видом фонемы как структурной единицы, должна быть охарактеризована в своих дифференциальных и интегральных признаках. Описать систему фонем языка в любую историческую эпоху невозможно без определения ДП этих фонем, так как только с помощью своих ДП фонемы образуют оппозиции и входят в ту или иную систему. Полным набором ДП обладают не все члены парадигмы, что зависит от условий их функционирования в речи. Поэтому при описании состава фонем с их ДП имеется в виду основной вид фонемы.

Как уже было сказано, вторым важнейшим аспектом исследования единиц фонетической системы после установления их структурных свойств является исследование их функционирования в речи.

Основной значимой единицей, в пределах которой изучается функционирование фонем, является слово в одной из своих форм, или с л о в о ф о р м а . При описании закономерностей функционирования фонем в речевой деятельности необходимо установление всех тех п о з и ц и й в пределах словоформы, которые существенны для понимания этих закономерностей.

Учение о позициях достаточно разработано создателями МФШ. Основные положения книги Р.И. Аванесова и посвящены характеристике всех позиций, существенных при функционировании гласных и согласных фонем современного русского языка. Здесь учитываются такие факторы, как ударение, слоговая структура слова и морфемная структура слова.

Внимание к специфике изучения фонемы в языке и речи не отрицает взаимной связи этих двух аспектов существования и исследования звуковых единиц.

Характер парадигмы фонемы зависит от набора тех позиций, сильных и слабых, позиций нейтрализации, в которых члены одной и той же парадигмы замещают друг друга. Так, парадигма фонемы <у> имеет очень простое устройство: она состоит из двух членов: /y/ и /y/. Первый, заглавный член — основной вид фонемы — реализуется в сильной позиции под ударением, второй — в слабой позиции, без ударения. Набор ДП: лабиализованность, верхний подъем — сохраняется у обоих членов парадигмы.

В противоположность этому парадигма фонемы <о> сложна: $o//\alpha//\alpha_1//\alpha_2$. Основной вид реализуется под ударением после парных твердых, парных мягких, заднеязычных и шипящих, а также в начале слова. Его ДП: лабиализованность, средний подъем. Остальные члены парадигмы реализуются в безударных положениях по-разному

после парных твердых и мягких фонем, после заднеязычных и после твердых шипящих. При этой реализации теряется признак лабиализованности, а средний подъем становится более общим признаком — неверхний подъем.

В то же время характер парадигмы фонемы как бы предсказывает закономерности поведения данной фонемы в речи. Так, оказывается, что чем больше членов у парадигмы, чем сложнее ее устройство, тем больший разброс варьирования данной фонемы в речи. И лишь строгая орфоэпическая норма закрепляет данный (один или два) вариант из всех возможных вариантов для данного коллектива говорящих в данную историческую эпоху.

Так, фонологическая с и с т е м а современного русского языка допускает значительное число вариантов при реализации гласных фонем неверхнего подъема <a>, <o>, <э>, и лишь орфоэпическая норма закрепляет определенные варианты, когда рекомендует произносить [в^дá], [в^д^л^в^о́с], [б'и^дá], [б'и^дá], [л'и^сá], [л'ь^с^л^в^о́т] и под.

Характер парадигмы фонемы и набор ее дифференциальных признаков имеет историческое своеобразие, принадлежит своей системе. Потому исторические изменения в фонологической системе связаны не только с изменением характера признаков, превращением дополнительных признаков в дифференциальные и наоборот, утратой ДП, изменением их в позиционные и т.п., о чем существует уже значительная исследовательская литература, но и с изменением характера парадигм фонем. Так, в истории фонем <o> и <э> в русском подчеркивается переход признака р я д а (переднего или непереднего) из числа ДП в признаки позиционно обусловленные, а признака лабиализованности-нелабиализованности из дополнительного в дифференциальный, но не обращается внимание на принципиальное изменение в устройстве парадигм этих фонем после появления позиционной мены перекрещивающегося типа, после развития аканья, еканья, иканья и подобных явлений. В истории же фонемы <a> не обращается достаточного внимания на ее исторические изменения, так как все они главным образом были связаны с изменениями в устройстве ее парадигмы, а состав ДП почти не менялся.

Теоретические знания о фонеме в языке и речи нужны и преподавателю-практику при разработке частных методик обучения русскому языку. Так, хорошее знание взаимоотношений между закономерностями существования и развития фонетической системы и движением орфоэпических норм позволит лучше оценить эти нормы при создании орфоэпического режима в классе, в аудиториях различного типа.

Понимание законов поведения фонемы в речи позволит уделить достаточное внимание не только звуковой структуре русской слово-

формы, но и слоговой и морфемной структуре. Следует помнить, что в русском языке, по меткому определению проф. Л.В. Златоустовой, слог является полем реализации признаков фонем. Многие явления нерусского акцента в русской речи связаны с влиянием слоговой структуры слова родного языка на русское слово (см. ошибки немцев при произношении групп шумных согласных, произношение типа *друш/ба* вместо *дру/жба*). Различная слоговая структура проявляется и в различном типе примыкания согласных и гласных в слоге, что ведет к появлению вставочных гласных между согласными.

Университетская наука о русском языке, представленная многими монографиями, статьями, учебными пособиями и учебниками, отобрала из теоретического языкознания значительный материал, необходимый для преподавателя вуза и школы. К этому материалу относятся и работы о фонологической системе русского языка. Но теоретическое языкознание не стоит на месте. Появляются новые задачи, новые вопросы, разрешение которых должно способствовать развитию как науки, так и практики. В предлагаемой статье автор попытался наметить некоторые вопросы, обсуждение которых может быть продолжено.

Список литературы

1. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
2. *Горшкова К.В.* О фонеме в языке и речи // *Slavia orientalis*. Warszawa, 1980. DXXIX. № 1/2.
3. *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.
4. *Паулини Э.* Система в языке // *Языкознание в Чехословакии*. М., 1978.

Klavdiya Gorshkova

ON THE PHONEME IN LANGUAGE AND SPEECH

*Until 2002 — Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

To mark the centenary of Soviet philologist Klavdiya Gorshkova's birth, *Vestnik* republishes the famous article that appeared in 1980 in the Polish journal *Slavia Orientalis*. This work went down in academic history as it was the first to formulate the idea about the phoneme as a unit that has a certain internal structure, depending on the type of the positional alternation of sounds in the language, which was revolutionary for the development of phonology. Subsequently, this idea was developed by K. Gorshkova into an independent teaching about the paradigmatic

(i.e., hierarchically organized) structure of the phoneme, which enabled the phonetic features of the morpheme level and the word form level to be linked by a single concept of the phoneme, and not to oppose them to each other, offering a separate unit for each level. K. Gorshkova's theory reinterprets R.I. Avanesov's ideas of 1956, presenting the so-called phonemic sets as a model of the internal structure of the phoneme and attributing the property of being strong or weak not to the phoneme, but to the members of its paradigm. The phoneme paradigm is thus described as a set of ideal units forming a hierarchically ordered system. All members of the phoneme paradigm are connected by positional alternation relationships within the morpheme. A unit that has a full set of differential features and functions only in the positions of maximum phonemic difference is the main member of the paradigm. The remaining members are characterized by a weakened distinguishing power: each has an incomplete set of differential features and acts in a strictly defined position of neutralization. In this case, the situation of non-distinction may not apply to any of the phonemes, but due to the neutralization of the other phonemes its distinguishing power decreases and the phoneme is represented by a weak member (such is, for example, the feature of the phoneme <y> in unstressed syllables). K. Gorshkova attempts to summarize the theoretical and methodological significance of her proposed approach to the description of phonology and formulates ideas that are important for the typological comparison of language systems.

Key words: Moscow Phonological school; phoneme paradigm; internal structure of the phoneme; strong and weak members of the phoneme paradigm; functioning of phonemes in word forms; phonemic sets [*fonemnye ryady*]; strong and weak phoneme; differential features.

About the author: *Klavdiya Gorshkova* — Prof. Dr. (1978), Head of the Department of Russian Language (1971–1994), Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (1993).

References

1. Avanesov R.I. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phonetics of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow University Press], 1956. 240 p.
2. Gorshkova K.V. O foneme v yazyke i rechi [On the phoneme in language and speech]. *Slavia orientalis*. Warszawa, 1980. DXXIX. № 1/2.
3. Panov M.V. *Russkaya fonetika* [Russian Phonetics]. Moscow, 1967. 440 p.
4. Paulini E. *Sistema v yazyke* [System in the language]. *Yazykoznanie v Chechoslovakii* [Linguistics in Czechoslovakia]. Moscow, 1978

Е.М. Большева

**О ТЕОРИИ ПАРАДИГМЫ ФОНЕМЫ
В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ МФШ
(комментарий к статье К.В. Горшковой
«О фонеме в языке и речи»)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Цель данной статьи — рассказать читателям об известной работе выдающегося ученого К.В. Горшковой, 100-летний юбилей которой празднуется в 2021 г. Небольшой по объему текст «О фонеме в языке и речи» впервые публикуется в России, несмотря на достаточно давний срок его написания — 1980 г. Эта работа является научным открытием и известна как первая, в которой сформулирована знаменитая мысль К.В. Горшковой о парадигматическом, т.е. иерархическом, строении фонемы как единственной единицы фонологического уровня языковой системы. Дальнейшее развитие и углубление этой идеи приведет к появлению новой теории, неразрывно связанной с именем К.В. Горшковой. В данной статье разбирается суть открытого в 1980 г. феномена: по мнению К.В. Горшковой, формулы фонемных рядов, выведенные Р.И. Аванесовым в 1956 г., описывают внутреннее устройство каждой фонемы, иначе говоря ее парадигму, состоящую из сильного и слабых членов, отвечающих за максимальное фонеморазличение и разные модели нейтрализации фонем в словоформе. Поскольку используемые символы достаточно сложны, а описываемое произношение является во многом устаревшим, для облегчения восприятия материала были составлены обобщающие таблицы, удобные для оценки функционирования фонем в словоформе и выявления моделей нейтрализации в их связи с формулой парадигмы для каждой фонемы. Кроме того, читателю предлагается конспективный перечень основных мыслей К.В. Горшковой, чтобы ни одна из них не осталась без внимания при знакомстве с оригинальным текстом. Конец вводной статьи подытоживает методологическую и теоретическую значимость теории К.В. Горшковой для фонологии и исследований типологического плана.

Ключевые слова: Московская фонологическая школа; парадигма фонемы; внутреннее устройство фонемы; сильный и слабые члены парадигмы фоне-

Большева Екатерина Марковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова (e-mail: 129-130@mail.ru).

мы; функционирование фонем в словоформе; модель нейтрализации; дифференциальные признаки; связь фонетики и грамматики; фонемный ряд.

Статья К.В. Горшковой «О фонеме в языке и речи» стала важной вехой в развитии теоретической мысли МФШ. Данная работа, опубликованная в Польше в 1980 г. [Горшкова, 1980], оказывается малодоступной для современного читателя, поэтому повтор оригинального текста, приуроченный к 100-летию со дня рождения Клавдии Васильевны, является действительно важным научным событием.

Основополагающая идея статьи связана с мыслью, что в русском языке фонема имеет внутреннее устройство, которое описывается как парадигма, т.е. иерархически организованная система с главным и неглавными членами. По мнению К.В. Горшковой, формулы фонемных рядов, выведенные Р.И. Аванесовым [Аванесов, 1956], описывают не что иное, как парадигму каждой фонемы, а единицы, названные сильными и слабыми фонемами, представляют собой не фонемы, а соответствующие члены их парадигм.

В статье подробно разбирается, какой вид и почему имеет парадигма каждой гласной фонемы, а также согласных типа <t>, <d>, <t'>, <d'>. Повторять этот материал в комментариях не имеет смысла, тем более что рассуждения сопровождаются ссылками на Р.И. Аванесова и в случае необходимости лучше обратиться к страницам книги.

Следует учитывать, что в статье вслед за первоисточником анализируется произношение, уже не совсем актуальное для XXI в. Чтобы лучше ориентироваться в материале, современному читателю будет удобно использовать таблицу, помогающую соотнести любой символ из парадигмы фонемы с конкретной ситуацией нейтрализации, которую имеют в виду авторы. Если схематично представить нейтрализационные модели, отражающие функционирование фонем в словоформе в то время, и записать их в знаках фонем, а потом переписать эти же модели в символах сильных/слабых членов их парадигм, то получится такая вспомогательная табл. 1 для гласных.

Связав знаком чередования все сильные и слабые члены, отвечающие за функционирование фонемы в словоформе, можно вычислить формулу внутреннего устройства каждой гласной, т.е. ее парадигму (табл. 2).

Согласные описываются похожим образом, но не так полно и исчерпывающе: в парадигму фонем включены слабые члены, отвечающие за нейтрализацию не по всем возможным признакам, а только по двум. Используемые символы отражают варьирование по глухости/звонкости и твердости/мягкости, при этом полученные формулы связывают в одну строчку чередования позиционные, за-

Таблица 1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОНЕМ В СЛОВОФОРМЕ (МОДЕЛЬ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ)				
		$\langle \underline{y} \neq \underline{и} \neq \underline{э} \neq \underline{o} \neq \underline{a} \rangle$ $\underline{y} \neq \underline{и} \neq \underline{э} \neq \underline{o} \neq \underline{a}$		в знаках фонем в символах сильных членов парадигмы
[ш ^у]м	[ш ^ы]рь	[ш ^э]рсть	[ш ^о]лк	[ш ^а]р
		$\langle \underline{y} \neq \underline{и} \neq \underline{э} \neq (\underline{o} = \underline{a}) \rangle$ $\underline{y} \neq \underline{и} \neq \underline{э} \neq (\underline{\alpha} = \underline{\alpha})$		в знаках фонем в символах слабых членов парадигмы
[ч ^у]жой	[ч ^и]тать	[ч ^э]рв ^н як	= [ч ^э]рнеть	= [ч ^э]с ^н ы
		$\langle \underline{y} \neq \underline{и} \neq \underline{э} \neq (\underline{o} = \underline{a}) \rangle$ $\underline{y} \neq \underline{и} \neq \underline{э} \neq (\underline{\alpha}_1 = \underline{\alpha}_1)$		в знаках фонем в символах слабых членов парадигмы
к по[л ^у]	у По[л ^и]	о по[л ^ь]	вот по[л ^ь]	= у по[л ^ь]
		$\langle \underline{y} \neq \underline{и} \neq \underline{a} \neq (\underline{э} = \underline{o}) \rangle$ $\underline{y} \neq \underline{и} \neq \underline{a} \neq (\underline{\alpha}_2 = \underline{\alpha}_2)$		в знаках фонем в символах слабых членов парадигмы
ш[у]м ^е ть	ш[ы]ро ^к ий	[ша]ры	ш[э ^н]сто ^м	= ш[э ^н]л ^к а

Таблица 2

ФОРМУЛЫ ПАРАДИГМ	ТРАКТОВКА СИМВОЛОВ	
	сильных членов	слабых членов
$\langle \underline{y} \rangle$: $\underline{y} // \underline{y}$ $\langle \underline{и} \rangle$: $\underline{и} // \underline{и}$ $\langle \underline{э} \rangle$: $\underline{э} // \underline{\alpha} // \underline{\underline{э}} // \underline{\alpha}_2$ $\langle \underline{o} \rangle$: $\underline{o} // \underline{\alpha} // \underline{\alpha}_1 // \underline{\alpha}_2$ $\langle \underline{a} \rangle$: $\underline{a} // \underline{\alpha} // \underline{\alpha}_1 // \underline{\underline{a}}$	у и э о а при противопоставлении $\langle \underline{y} \neq \underline{и} \neq \underline{э} \neq \underline{o} \neq \underline{a} \rangle$	<u>у</u> при нейтрализации любых фонем, кроме <у> <u>и</u> при нейтрализации любых фонем, кроме <и> <u>э</u> при нейтрализации любых фонем, кроме <э> <u>а</u> при нейтрализации любых фонем, кроме <а> α при нейтрализации $\langle \underline{э} = \underline{o} = \underline{a} \rangle$ α₁ при нейтрализации $\langle \underline{o} = \underline{a} \rangle$ α₂ при нейтрализации $\langle \underline{э} = \underline{o} \rangle$

Таблица 3

ФОРМУЛЫ ПАРАДИГМ	ТРАКТОВКА СИМВОЛОВ	
	сильных членов	слабых членов
$\langle \underline{t} \rangle$: $\underline{t} // \underline{t}_1 // \underline{t}_2 // \underline{t}_3$ $\langle \underline{t}' \rangle$: $\underline{t}' // \underline{t}'_1 // \underline{t}'_2 // \underline{t}'_3$ $\langle \underline{d} \rangle$: $\underline{d} // \underline{d}_1 // \underline{t}_2 // \underline{t}_3$ $\langle \underline{d}' \rangle$: $\underline{d}' // \underline{d}'_1 // \underline{t}'_2 // \underline{t}'_3$	t t' d d' при противопоставлении $\langle \underline{t} \neq \underline{t}' \neq \underline{d} \neq \underline{d}' \rangle$	t₁ при нейтрализации $\langle \underline{t} = \underline{t}' \rangle$ d₁ при нейтрализации $\langle \underline{d} = \underline{d}' \rangle$ t₂ при нейтрализации $\langle \underline{t} = \underline{d} \rangle$ t'₂ при нейтрализации $\langle \underline{t}' = \underline{d}' \rangle$ t₃ при нейтрализации $\langle \underline{t} = \underline{t}' = \underline{d} = \underline{d}' \rangle$

писываемые через знак //, и непозиционные, записываемые через знак +:

$$t + t' // t_1 // t_2 + t'_2 // t_3$$

$$d + d' // d_1 // t_2 + t'_2 // t_3.$$

Иными словами, разбираемые К.В. Горшковой формулы эквивалентны четырем общим моделям парадигм для согласных — для любой твердой глухой, мягкой глухой, твердой звонкой и мягкой звонкой фонемы (табл. 3).

Несмотря на краткость статьи, в ней сформулированы очень важные тезисы, помогающие взглянуть на московскую фонему по-новому. Подытожим эти мысли, чтобы читатель обратил на них особое внимание, знакомясь с текстом статьи:

1. При кажущемся терминологическом созвучии парадигма фонемы и «парадигмо-фонема» не одно и то же. Если у М.В. Панова «парадигмо-фонема» и «синтагмо-фонема» сосуществуют друг с другом [Панов, 1967], то в данном случае под парадигмой мыслится иерархическая модель устройства фонемы как единственной единицы фонологической системы;

2. Фонема идентифицируется в пределах морфемы, а со словоформой связано ее функционирование — именно оно определяет характер и модель внутреннего устройства фонемы, т.е. ее парадигму;

3. Парадигма фонемы не сводится к совокупности всех ее аллофонов, она идеальна и состоит из идеальных членов, каждый из которых может быть представлен рядом звуков. Так, слабый член α , отвечающий за ситуации нейтрализации фонем <э>, <о>, <а>, в зависимости от позиции соотносится, например, с [э^н], [ъ], [ь] (табл. 4).

Таблица 4

		<у ≠ и ≠ (э = о = а)> у ≠ и ≠ (α = α = α)		в знаках фонем в символах слабых членов парадигмы	
[ч'у]жой	[ч'и]тáть	[ч'э ^н]рв'як	= [ч'э ^н]рн'еть	= [ч' э ^н]с'ы	
ш[у]мовой	ш[ы]ротá	ш[ъ]рст'яной	= ш[ъ]лков'истый	= ш[ъ]ров'ая	
[ч'у]дот'ворный	[м'и]ров'ой	[м'ь]с'яцáми	= [м'ь]рзлотá	= [м'ь]сор'убка	

4. Структура фонемы определяется не только ее собственным поведением, но, что особенно важно, поведением остальных фонем в данной позиции. Вид парадигмы у фонемы зависит от количества моделей нейтрализации;

5. Члены парадигмы фонемы находятся в иерархических отношениях, отличаются по различительной способности и делятся на сильный (=главный) и слабые;

6. Сильный член возглавляет парадигму, так как он имеет полный набор ДП — такой же, как сама фонема в инвентаре. Сильный член функционирует только в ситуациях максимального фонеморазли-

чения, когда данная фонема противопоставлена всем остальным, которые, в свою очередь, не нейтрализуются друг с другом. Для гласных такая ситуация возможна под ударением, для согласных — перед гласным;

7. Слабые члены выступают в ситуациях нейтрализации, когда ДП нейтрализованы и, следовательно, обладают меньшим набором ДП. Иногда ДП видоизменяются: так, оппозиция гласных «верхний / средний / нижний подъем» в безударных слогах может трансформироваться в «верхний / неверхний подъем»;

8. Слабый член может появляться в сигнификативно сильной позиции: хотя фонема и равна сама себе, ее различительная способность неизбежно ослабляется из-за нейтрализации остальных фонем. Такова особенность слабых членов у, и, э, а;

9. Члены парадигмы фонемы позиционно чередуются друг с другом в пределах морфемы и не способны противопоставляться в тождественных позициях.

Переосмысление идей Р.И. Аванесова, предложенное К.В. Горшковой, связано не просто с терминологической стороной вопроса, а с сутью самого подхода к описанию фонологического уровня, с попыткой осмыслить связь фонемы с морфемой и словоформой в таком учении, которое избегало бы плюралистических решений с выделением нескольких фонологических единиц. Вывод о структурированности фонемы, впервые сделанный в этой статье, был дальше развит автором в ряде других работ [Горшкова, 1985; 1996] и сложился в отдельное учение, в самостоятельную теорию.

Значимость теории К.В. Горшковой определяется, во-первых, ее методологической универсальностью, возможностью применения ее постулатов к новой произносительной норме, к другим языкам.

Во-вторых, данная теория расширяет возможности типологического описания языковых систем. Дело в том, что характер структуры фонемы отнюдь не случаен. Фонемы имеют довольно сложное строение при наличии в языке разнообразных моделей их нейтрализации (как в русском языке), и, наоборот, в случае преимущества параллельных чередований формулы фонемных парадигм окажутся простыми (как в английском языке). Кроме того, было замечено, что многочленные парадигмы фонем фиксируются в тех языках, которые обладают широкими словообразовательными и словоизменительными парадигмами значимых единиц, что позволяет говорить о возможности выявления новых закономерных связей между уровнями языковой системы, в частности между фонетикой и грамматикой. Отметим еще одну особенность: знание о характере парадигмы фонемы в языке позволяет сделать прогноз масштабности

и направления необходимой орфоэпической работы. Чем сложнее парадигма фонемы, тем шире окажется разброс варьирования реализаций в речи, тем продуманнее потребуется регламентация с точки зрения литературной нормы.

В-третьих, функциональный метод исследования позволяет увидеть значимость таких изменений, которые с точки зрения артикуляционно-акустических особенностей произношения звуков могут оставаться незаметными, но являться революционными для системы в целом (как, например, факт утраты в древнерусском языке фонемы <ы> при сохранении звука [ы]).

Список литературы

1. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
2. *Бархударова Е.Л.* Русский консонантизм: Типологический и структурный анализ. М., 1999.
3. *Большева Е.М.* Парадигма фонемы и механизм ее определения // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. — Москва, 2001.
4. *Горшкова К.В.* Заметки о фонологии в контексте современной научной парадигмы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1996. № 2.
5. *Горшкова К.В.* О фонеме в языке и речи // *Slavia orientalis*. Warszawa, 1980. DXXIX. № 1/2.
6. *Горшкова К.В., Мустейкис К.В., Тихонов А.Н.* Современный русский язык. Вильнюс, 1985.
7. *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.

Ekaterina Bolycheva

**ON THE PHONEME PARADIGM THEORY
WITHIN THE CONTEXT OF THE TEACHING
OF THE MOSCOW PHONOLOGICAL SCHOOL
(commentary to Klavdiya Gorshkova's article
"On the Phoneme in Language and Speech")**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article seeks to tell the reader about the famous work by Soviet philologist Klavdiya Gorshkova, an outstanding scholar, whose 100th anniversary is celebrated

in 2021. “On the Phoneme in Language and Speech” is published in Russia for the first time, despite having been written in 1980. This work is an academic discovery and is known as the first one to formulate K. Gorshkova’s famous idea about the paradigmatic, i.e. hierarchical, structure of the phoneme as the only unit of the phonological level of the language system. The further development and deepening of this idea led to the emergence of a new theory, inextricably linked with the name of K. Gorshkova. This introductory article examines the essence of the phenomenon discovered in 1980. According to K. Gorshkova, the formulas of the so-called phonemic sets (*fonemnye ryady*) suggested by R. Avanesov in 1956 describe the internal structure of each phoneme. In other words, its paradigm consists of strong and weak members responsible for maximum phonemic differentiation and different models of neutralization of phonemes in the word form. Since the symbols used by R. Avanesov are quite complex, and the pronunciation described is largely outdated, to facilitate the perception of the material, generalizing tables were compiled, which makes it convenient for evaluating the functioning of phonemes in the word form and for identifying neutralization models in their connection with the paradigm formula for each phoneme. In addition, the reader is offered a summary of K. Gorshkova’s main thoughts, so that none of them is left unnoticed when getting acquainted with the original text. The end of the introductory article summarizes the methodological and theoretical significance of K. Gorshkova’s theory for phonology and typological studies.

Key words: Moscow Phonological school; phoneme paradigm; internal structure of the phoneme; strong and weak members of the phoneme paradigm; functioning of phonemes in word forms; neutralization model; differential features; connection of phonetics and grammar; phonemic sets [*fonemnye ryady*].

About the author: *Ekaterina Bolycheva* — PhD (in Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: 129-130@mail.ru).

References

1. Avanesov R.I. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phonetics of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow University Press], 1956. 240 p.
2. Barhudarova E.L. *Russkij konsonantizm: Tipologicheskij i strukturnyj analiz* [Russian Consonantism: Typological and Structural Analysis]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1999. 160 p.
3. Bolycheva E.M. Paradigma fonemy i mekhanizm ee opredeleniya [Phoneme paradigm and its definition mechanism]. *Yazykovaya sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve: Sbornik nauchnyh statej k 80-letiyu professora Klavdii Vasil'evny Gorshkovej* [The language system and its development in time and space: Collection of scientific articles dedicated to the 80th anniversary of Professor Claudia Vasilyevna Gorshkova]. Moscow, 2001. (In Russ.)
4. Gorshkova K.V. *Zametki o fonologii v kontekste sovremennoj nauchnoj paradigmy* [Notes on phonology in the context of the modern scientific para-

- digm]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow State University Bulletin]. Series 9, Philology.* 1996, № 2. (In Russ.)
5. Gorshkova K.V. O foneme v yazyke i rechi [On the phoneme in language and speech]. *Slavia orientalis.* Warszawa, 1980. DXXIX. № 1/2.
 6. Gorshkova K.V., Mustejkis K.V., Tihonov A.N. *Sovremennyj russkij yazyk* [Modern Russian language]. Vilnius, 1985. 460 p.
 7. Panov M.V. *Russkaya fonetika* [Russian Phonetics]. Moscow, 1967. 440 p.

Е.Л. Бархударова

О ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ КЛАВДИИ ВАСИЛЬЕВНЫ ГОРШКОВОЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена анализу научных взглядов одного из самых ярких представителей Московской фонологической школы (МФШ) Клавдии Васильевны Горшковой на две значимые для типологической характеристики звукового строя русского языка проблемы: 1) соотношение консонантизма и вокализма в фонетической системе; 2) роль парадигматических и синтагматических закономерностей в фонетике.

В научных и учебно-методических трудах К.В. Горшковой, статьях, монографиях, учебниках и учебных пособиях по исторической грамматике и исторической диалектологии русского языка, было показано, что динамика фонетических изменений, обуславливающих усиление консонантизма и ослабление вокализма в звуковом строе русского языка, проявилась прежде всего в укреплении противопоставления согласных по твердости-мягкости. В то же время об этой динамике свидетельствует и ряд других показателей: пропорциональное изменение соотношения согласных и гласных, увеличение количества нейтрализаций в системе вокализма, появление и усиление позиционной зависимости гласных от согласных и, наоборот, ослабление позиционной зависимости согласных от гласных.

Рассматривая соотношение парадигматики и синтагматики в русской фонетической системе, К.В. Горшкова исходила из того, что фонетический уровень языка формирует одна единица — фонема, которая определяется в границах морфемы, а функционирует в словоформе. Сказанное отличает концепцию К.В. Горшковой от большинства концепций МФШ, в которых предполагается выделение двух единиц на фонетическом уровне: фонемного ряда и сильной/слабой фонемы, парадигмо-фонемы и синтагмо-фонемы, фонемы и дифференциатора.

В трудах, посвященных анализу звукового строя современного русского языка, К.В. Горшкова показала, что фонема является единицей, определенным образом структурированной. Структурные свойства фонемы связаны с характером звукового строя языка и зависят от устройства значимых единиц

Бархударова Елена Леоновна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: e.barhudarova@mail.ru).

языка — морфемы и слова. В языках с преимущественно парадигматическим звуковым строем, к числу которых относится русский язык, фонема имеет парадигматическое устройство. Структурная организация является той особенностью, которую единицы более высоких ярусов, значимые единицы, способны передать единице низшего яруса — фонеме.

Ключевые слова: фонология; система; фонема; консонантизм; вокализм; парадигматика; синтагматика; парадигма фонемы.

Вопрос о фонологических взглядах Клавдии Васильевны Горшковой неоднократно поднимался в работах М.В. Панова, О.С. Широкова, Л.Л. Касаткина, Е.М. Большевой и других известных лингвистов. Тем не менее нельзя не согласиться с М.В. Пановым, писавшим в 2001 г. о том, что фонологические труды ученого «для невнимательного читателя нередко остаются в тени» [Панов, 2001: 411]. Между тем К.В. Горшкова — один из самых ярких и последовательных представителей Московской фонологической школы (МФШ). Выдвинутой К.В. Горшковой концепция парадигматического устройства русской фонемы последовательно отражена в изданных ею в 80-е — 90-е годы учебниках по исторической грамматике русского языка и современному русскому языку [Горшкова, Хабургаев, 1981; Горшкова, Мустейкис, Тихонов, 1985; Горшкова, Хабургаев, 1997], а также в серии статей, среди которых наиболее значимы статьи «О фонеме в языке и речи» [Горшкова, 1980], «О развитии фонологических идей» [Горшкова, 1990], «Заметки о фонологии в контексте современной научной парадигмы» [Горшкова, 1996], «Типы научно-лингвистических транскрипций как отражение развития теоретических идей МФШ» [Горшкова, 2000].

Фонологические взгляды К.В. Горшковой сформировались в рамках научной парадигмы, которая получила название структурной лингвистики и была связана «с пониманием языка как структуры» [Горшкова, 1996]: изучение единиц языка в рамках этой парадигмы понималось как исследование совокупности их отношений. При таком подходе языку свойственно «объединять в тождество единицы разного материального наполнения: разные звуки — в фонему, грамматические формы — в одно слово, хотя значения этих форм (например, падежные) лежат в разных областях» [Панов, 2001: 415]. Отсюда вытекает особый взгляд на фонологию: «Фонология не только область языкознания, но и способ лингвистического мышления, элемент лингвистического мировоззрения» [Аванесов, 1974: 8].

К.В. Горшкова подчеркивала, что считает фонологические идеи сформировавшейся на протяжении XX в. научной парадигмы «способными... к решению уже сформированных задач, а также задач новых» [Горшкова, 1996: 66]. В ее трудах и сочинениях ее последователей всесторонне разрабатываются две основные проблемы, значи-

мые для теории МФШ. Первая проблема определяется как проблема соотношения консонантизма и вокализма в звуковом строе языка. Вторая проблема связана с анализом соотношения парадигматики и синтагматики в фонетической системе.

В 1963 г. К.В. Горшкова пишет статью «Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка» [Горшкова, 1963], в которой с опорой на работы Р.О. Якобсона, А.В. Исаченко, Р.И. Аванесова и других знаменитых лингвистов показывает, что динамика фонетических изменений в истории русского языка шаг за шагом обуславливает усиление в его системе консонантизма и ослабление вокализма.

Разрешение противоречия в пользу консонантизма предполагало укрепление системы согласных и развитие в этой системе корреляции по твердости-мягкости. В этом случае одна согласная фонема как бы «расщеплялась» на две: твердую и мягкую. Твердые и мягкие согласные, условно [t] и [t'], находившиеся в древнерусском языке в отношениях дополнительной дистрибуции, после падения редуцированных приобретали статус разных фонем.

В противовес языкам, в которых усиливался вокализм, и развивались прежде всего такие дифференциальные признаки, как высота тона и длительность гласных (сербохорватскому, словенскому, чешскому), в русском языке укрепилось противопоставление согласных по твердости-мягкости, охватив максимальное количество локальных рядов (противопоставление согласных по месту образования), модальных серий (противопоставление согласных по способу образования), позиций. Исследование звукового строя русского языка на иноязычном фоне показывает, что ни в одном другом языке корреляция по твердости-мягкости не получила такое последовательное развитие, как в русском.

Соотношение консонантизма и вокализма в русской фонетической системе лежит в основе конкретных фонологических решений, связанных с определением состава фонем современного русского языка и признаков, характеризующих русскую фонетическую систему. Так, вопрос о дифференциальных признаках системы современного русского вокализма решался в трудах К.В. Горшковой однозначно: к их числу следует отнести подъем и наличие/отсутствие лабиализации, а признак ряда перестает быть дифференциальным в системе русского вокализма в силу развития корреляции твердых и мягких согласных. Как известно, по данному вопросу существуют разные точки зрения; К.В. Горшкова подходит к нему диалектически и рассматривает его в контексте происходящих в фонетической системе русского языка изменений, среди которых одним из важ-

нейших является изменение в области позиционной зависимости согласных и гласных друг от друга.

Вторая проблема, связанная с изучением соотношения парадигматики и синтагматики в звуковом строе языка, была для большинства ученых МФШ еще более значимой, чем первая. В статье «О двух типах фонетических систем» М.В. Панов предложил разделить все языки на два типа в зависимости от соотношения в их звуковом строе парадигматики и синтагматики [Панов, 1977]. Языковую синтагматику в соответствии с концепцией М.В. Панова составляют законы сочетания звуковых единиц, а языковую парадигматику — законы их чередования [Панов, 1967: 286].

Язык, звуковой строй которого характеризуется доминанцией парадигматических закономерностей, обладающий системой разнообразных позиционных чередований звуковых единиц, относится к числу преимущественно парадигматических. Язык, в звуковом строе которого действуют в основном синтагматические закономерности и значимыми оказываются ограничения на сочетаемость звуковых единиц, является преимущественно синтагматическим [Панов, 1977: 23].

Анализ языков с различным соотношением парадигматических и синтагматических закономерностей показывает, что в преимущественно парадигматических и преимущественно синтагматических языках разную роль играют два принципиально различных типа чередований, обозначенных в книге Р.И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка», — параллельный и пересекающийся [Аванесов, 1956: 23–31].

Первый тип чередований не приводит к нейтрализации, так как реализующий фонему звук может реализовать только одну фонему и не может реализовать в соответствующей позиции никакую другую. Например, чередование звуков [x]//[ɣ] в фонетических словах *огло[x](оглох)* — *огло[ɣб]ы(оглох бы)* следует рассматривать как параллельный тип чередований: звуки [x] и [ɣ] реализуют одну фонему <x> точно так же, как одну фонему <ц> и одну фонему <ч> реализуют соответственно глухой и звонкий звуки в фонетических словах *отец* — *отец бы* и *дочь* — *дочь бы*. Такие чередования образуют «параллельные или во всяком случае не пересекающиеся друг с другом ряды, не имеющие общих членов» [Аванесов, 1956: 23].

Второй тип чередований — это чередования, приводящие к нейтрализации, «образующие ряды, частично пересекающиеся друг с другом, т.е. имеющие один или несколько общих членов» [Аванесов, 1956: 23]. Примером чередования второго типа служит чередование звонких и глухих согласных, которые в русском языке фонологически противопоставлены, например, чередование [д]//[т]

в фонетических словах *пло*[д]ы (*плоды*) — *пло*[т] (*плод*). В этом случае пересекаются ряды позиционно чередующихся звуков, принадлежащие двум разным фонемам, — фонеме <т> и фонеме <д>, в результате чего одинаково произносятся слова *плод* и *плот*, *код* и *кот*, *род* и *рот*, *год* и *гот*.

Параллельный тип позиционных чередований присущ всем фонетическим системам, пересекающийся тип — мало значим для фонетических систем преимущественно синтагматического характера и играет важную роль в фонетических системах преимущественно парадигматического характера — таких, как система русского языка.

Разная роль чередований пересекающегося типа определяет разный характер нейтрализации звуковых единиц в различных системах. В языках со звуковым строем преимущественно парадигматического характера нейтрализация сопряжена с чередованиями пересекающегося типа и является очевидной. При отсутствии чередований пересекающегося типа нейтрализация носит «скрытый» характер: имеет место ограниченная дистрибуция фонемы.

Очевидная нейтрализация звуковых единиц сопряжена с появлением омофонов. Так, в русском языке в абсолютном конце слова происходит позиционное чередование звонких и глухих согласных: парные звонкие и глухие фонемы реализуются одним и тем же звуком, что не может не приводить к омофонии. Например, фонемы <с> и <з> имеют в позиции абсолютного конца слова одну и ту же реализацию [с]: [кóзы] — [кóс] и [кóсы] — [кóс], [рóзы] — [рóс] и [раслá] — [рóс]. В немецком языке в абсолютном начале слова чередований глухих и звонких согласных, напротив, нет, но есть запрет на употребление звонких свистящих перед согласными и глухих свистящих — перед гласными. Очевидно, что в указанных позициях глухие и звонкие свистящие не противопоставлены, но нейтрализация их противопоставления носит «скрытый» характер. Как известно, Й. Вахек даже считал правильным называть такую нейтрализацию «мнимой» [Вахек, 1964], поскольку при отсутствии чередований звуковых единиц разные фонемы не могут иметь одинаковые позиционные реализации. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что в интерферирующей речи носителей немецкого языка, осваивающих русское произношение, скрытая нейтрализация глухих и звонких свистящих в позиции абсолютного начала слова становится очевидной, поскольку немцы одинаково произносят слова *слей* и *злей*, *смей* и *змей*, *суд* и *зуд*, *сияние* и *зияние*.

Теория МФШ, в которой всесторонне рассматриваются проблемы исследования парадигматических закономерностей в звуковом строе языка, является практически единственной теорией, в рамках которой возможно разграничение фонетических систем в зависи-

мости от доминанции в них парадигматики или синтагматики. Это обусловлено не только пониманием фонемы как функционального тождества, представленного рядом позиционно чередующихся звуков, но и разработанным в рамках МФШ учением о позиционных чередованиях, в котором фонетические позиционные чередования четко отграничены от всех остальных типов чередований.

Для К.В. Горшковой разграничение фонетических, обусловленных фонетической позицией, и нефонетических, происходящих под воздействием иных факторов, чередований, было настолько важным, что для первого типа чередований, т.е. чередований звуков, принадлежащих одной фонеме, в ее работах последовательно использовалось терминологическое понятие «позиционная мена звуков». Термин «чередование» К.В. Горшкова относила только к чередованиям фонем, которые имеют грамматическую функцию (*ne[k]y — ne[ç']ěшь*) или обусловлены историческими изменениями фонетической системы (*дру[г]а — дру[з']я*).

В своих трудах К.В. Горшкова неоднократно обращалась к концепции М.В. Панова и подчеркивала, что его идеи, изложенные в статье «О двух типах фонетических систем», «более глубокие и лингвистические по сути, чем идея о роли соотношения консонантизма и вокализма в типологической характеристике системы» [Горшкова, 2000: 12]; они «в большей степени характеризуют звуковые единицы как языковой факт, связывая фонетический уровень с более высокими уровнями языковой структуры» [Горшкова, 1996: 66].

В русском языке главенствует и укрепляется парадигматика, и один из самых ярких показателей ее доминанции — весьма значимая роль позиционной мены звуков пересекающегося типа. Опираясь на это положение и на разработанное Р.И. Аванесовым учение о фонемном ряде как высшей фонетической единице, К.В. Горшкова выдвинула концепцию парадигматического устройства фонемы: «Парадигма фонемы — это иерархически организованная система единиц, связанных отношением позиционной мены в пределах морфемы, заменяющих друг друга в различных позициях и не способных противопоставляться друг другу в тождественных позициях» [Горшкова, 1980: 80–81].

Парадигма фонемы не сводится к совокупности всех ее аллофонов. Аллофоны фонемы — это все типы реализации данной фонемы (основной представитель и различные модификации). Членами же парадигмы конкретной фонемы являются лишь единицы, которые, находясь в отношениях позиционного чередования, обладают разной степенью различительной способности и разной сочетаемостью. Например, парадигму фонемы <в> образуют сильный член парадигмы <<в>>, который связан с появлением фонемы в абсолютно силь-

ных позициях (*травá* [травá]) и слабые члены парадигмы <<в₁>>, <<ф₂>>, <<ф₃>>, которые соответственно выступают в позициях: 1) сильных по глухости-звонкости, но слабых по твердости-мягкости (*травнìк* [травн'ик]); 2) сильных по твердости-мягкости, но слабых по глухости-звонкости (*трав* [траф]); 3) слабых как по твердости-мягкости, так и по глухости-звонкости (*травкá* [трафкь]). Для обозначения членов парадигм фонем используются особые скобки <<>> (подробнее см. [Бархударова, 1999]).

Важно, что, в отличие от целого ряда других теорий, принадлежащих ученым МФШ, в концепции К.В. Горшковой не выделяются две единицы на одном уровне (фонемный ряд и сильная/слабая фонема, парадигмо-фонема и синтагмофонема, фонема и дифференциатор). Соотношение парадигматики и синтагматики в языке рассматривается с исходной предпосылкой, согласно которой основной звуковой единицей является фонема, которая определяется в границах морфемы, а функционирует в слове. В языках преимущественно парадигматического звукового строя фонема имеет парадигматическое устройство. Каждый из членов парадигмы фонемы уже на звуковом, фонетическом уровне в зависимости от фонетического окружения может быть представлен несколькими вариантами. Иными словами, каждый член парадигмы «реализуется в речи своими аллофонами» [Горшкова, 1980: 81].

В своих работах К.В. Горшкова показала, что фонема структурирована так же, как структурированы значимые единицы того же языка: парадигматическое устройство фонемы сопряжено с парадигматическим устройством слова и парадигматическим устройством морфемы [Горшкова, 2000: 12]. В языках со сложной парадигматикой словообразования и словоизменения будет сложным и устройство фонемы [Горшкова, 1990].

В русле этой концепции ученым рассматривался вопрос об основаниях «вхождения фонетической системы языка в его общую структуру». Фонетическая система «не является автономной по отношению к системам значимых единиц, не является природной, а, оставаясь несемантизированной, получает основания входить в структуру языка именно благодаря своей структуре, идентичной структурам значимых единиц — прежде всего морфологической» [Горшкова, 2000: 12]. Фонема структурирована и имеет такое же формальное устройство, как единицы, образующие более высокие ярусы языка, единицы семантизированные. В этом состоит связь фонемы с морфемой и словом и одно из проявлений структурной зависимости фонетического строя от грамматического и лексического, занимающих более высокое место в языковой иерархии.

В рамках учения о парадигматическом устройстве фонемы в русском языке К.В. Горшкова сформулировала положение, исключительно важное для практики обучения произношению. В статье «О фонеме в языке и речи», а позднее — в написанном в соавторстве учебнике «Современный русский язык. Ч. I: Учебник для студентов педагогических институтов Литвы» К.В. Горшкова указала на то, что для носителей русского языка характерно достаточно жесткое отношение к орфоэпической норме. Такое отношение объясняется ролью, которую играет в системе русского языка парадигматика звуковых единиц: «... характер парадигмы фонемы как бы предсказывает закономерности поведения данной фонемы в речи. Так, оказывается, что чем больше членов у парадигмы, чем сложнее ее устройство, тем больший разброс варьирования данной фонемы в речи. И лишь строгая орфоэпическая норма закрепляет данный (один или два) вариант из всех возможных вариантов для данного коллектива говорящих в данную историческую эпоху» [Горшкова, 1980: 82].

В системах с господством парадигматики, к числу которых относится русская фонетическая система, значимость чередований пересекающегося типа и регулярная нейтрализация звуковых единиц затрудняют выполнение фонемой функции отождествления: «При широком варьировании, допускаемом самой системой, орфоэпическая норма закрепляет лишь один (максимум два) из возможных вариантов произношения» [Горшкова, Мустейкис, Тихонов, 1985: 72].

Напротив, в системах с господством синтагматики, где преобладает параллельный тип позиционной мены звуков, а нейтрализации редки или даже совсем отсутствуют, проблема орфоэпической нормы не слишком актуальна: «При минимальном варьировании норма как бы оформляет ту, порой единственную, возможность системы, которая определяется законами ее функционирования. Такая норма не нарушается, она может быть «не строгой», эта норма социально не выразительна. Ср., например, правила произношения русских безударных [и] и [у]» [Горшкова, Мустейкис, Тихонов, 1985: 72].

Описание русского языка на иноязычном фоне, как и практика преподавания русского языка как иностранного, подтверждают правильность этого положения. Достаточно вспомнить слова Л.В. Щербы о том, что «в немецком языке колебания в произношении гораздо более значительны», чем в русском, и «для иностранцев, изучающих немецкий язык, создается прямо-таки безвыходное положение: какое же произношение изучать?» [Щерба, 2002: 146].

Отношение к норме, сформировавшееся под влиянием языковой ситуации, в которой человек вырос, существенно влияет на степень успешности, с которой усваивается произношение в чужом языке.

Из опыта преподавания русского языка в иноязычной аудитории мы знаем, что обучение русскому произношению нередко бывает осложнено возражениями учащихся против слишком жесткого, на их взгляд, нормативного режима: большинство иностранцев настроены на «либеральное» отношение к орфоэпической норме, к которому привыкли в родном языке.

Следствием яркой орфоэпической вариативности в иноязычных системах оказывается вариативность фонетического акцента учащихся, являющихся носителями одного и того же языка. Более того, в иноязычной аудитории нередко приходится наблюдать иное отношение к диалектному произношению, нежели то, которое характерно для носителей русского языка. Для образованного китайца, например, владение родным диалектом является обязательным. На практике это приводит к тому, что преподаватель, работающий в формально однородной в языковом отношении аудитории, на самом деле имеет дело не с одним, а с разными фонетическими акцентами у носителей разных диалектов китайского языка (подробнее см., например, [Бархударова, Чжу, 2017]).

Таким образом, работающий в иноязычной аудитории фонетист должен учитывать как особенности русской орфоэпической ситуации, так и отношение к произносительной норме, типичное для контингента, с которым он работает, что обуславливает целый ряд практических выводов. Их рассмотрение не входит в задачу настоящей статьи, однако, несомненно, что научные взгляды К.В. Горшковой в области фонологии получили закономерное практическое развитие. В свое время Л.В. Щерба писал о своем учителе И.А. Бодуэне де Куртене, что он, сам специально не занимаясь методикой преподавания иностранных языков, «был абсолютно чужд научного высокомерия и всячески поощрял у своих учеников занятия тем или другим видом приложения своей науки к практике», «насаждал интерес к живому языку и к практической фонетике, что является одной из характерных черт его школы» [Щерба, 2002: 13]. Эти слова Л.В. Щербы можно безо всяких сомнений отнести ко всем крупным ученым-теоретикам.

Список литературы

1. *Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. 287 с.
2. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. 240 с.
3. *Бархударова Е.Л.* Русский консонантизм: типологический и структурный анализ. М., 1999. 160 с.

4. *Бархударова Е.Л., Чжу Ю.* Анализ фонетики родного диалекта в контексте создания национально ориентированных методик обучения русскому произношению // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». 2017. № 4 (25). С. 25–35.
5. *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964. 350 с.
6. *Горшкова К.В.* Заметки о фонологии в контексте современной научной парадигмы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 2. С. 66–76.
7. *Горшкова К.В.* О развитии фонологических идей // Язык: система и подсистемы: К 70-летию М.В. Панова. М., 1990. С. 13–21.
8. *Горшкова К.В.* О фонеме в языке и речи // Slavia orientalis. Warszawa, 1980. DXXIX. № 1/2. С.79–83.
9. *Горшкова К.В.* Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка // Славянская филология. Вып. 5. М., 1963. С. 40–53.
10. *Горшкова К.В.* Типы научно-лингвистических транскрипций как отражение развития теоретических идей МФШ // Фортунатовский сборник. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы: 1987–1997 гг. М., 2000. С. 8–13.
11. *Горшкова К.В., Мустейкис К.В., Тихонов А.Н.* Современный русский язык. Ч. I: Учебник для студентов педагогических институтов Литвы. Вильнюс, 1985. 459 с.
12. *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981. 359 с.; 2-е изд. М., 1997. 383 с.
13. *Панов М.В.* О двух типах фонетических систем // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977. С. 14–24.
14. *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967. 438 с.
15. *Панов М.В.* Фонологические взгляды К.В. Горшковой // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001. С. 411–415.
16. *Щерба Л.В.* Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: Учеб. пособие для студ. филол. ф-тов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. 160 с.

Elena Barkhudarova

PHONOLOGICAL VIEWS OF KLAVDIA GORSHKOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the scientific views of Klavdiya Gorshkova, one of the most outstanding representatives of the Moscow Phonological School. Two important

problems in the context of typological characteristics of the sound system of the Russian language are under consideration: 1) the ratio of consonantism and vocalism in the phonetic system and 2) the role of paradigmatic and syntagmatic rules in phonetics. It was illustrated in the works of K. Gorshkova that the dynamics of phonetic changes in Russian language phonetic system, causing the strengthening of consonantism and weakening of vocalism, manifested itself primarily in the development of the opposition of consonants in terms of hardness and softness, proportional change in the ratio of consonants and vowels, an increase in the number of neutralizations in the vocal system, the emergence and strengthening of the positional dependence of vowels on consonants and weakening of the positional dependence of consonants on vowels. Analyzing the relationship of paradigmatic and syntagmatic rules in the Russian phonetic system, K. Gorshkova relied on the fact that the phonetic level of the language is formed by one unit — the phoneme, which is defined within the boundaries of the morpheme, but is realized in the word. This set-up distinguishes the concept of K. Gorshkova from the most of other concepts of the Moscow Phonological School in which it is assumed that two units are distinguished at the phonetic level: a phonemic series and a strong/weak phoneme, a paradigm-phoneme and a syntagmophoneme, a phoneme and a differentiator. In her works on the phonetic system in modern Russian K. Gorshkova showed that a phoneme is a unit structured in a definite way. The structural characteristics of the phoneme are associated with the nature of the sound structure of the language and depend on the structure of the significant units of the language — morphemes and words. In languages with a predominantly paradigmatic sound structure, including the Russian language, the phoneme has a paradigmatic structure. The structural organization is the feature that units of higher tiers, significant units, are able to convey to a unit of the lower tier — the phoneme.

Key words: phonology; system; phoneme; consonantism; vocalism; paradigmatic relations; syntagmatic relations; phoneme paradigm.

About the author: *Elena Barkhudarova* — Prof., Dr., Head of the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: e.barhudarova@mail.ru).

References

1. Avanesov R.I. Russkaya literaturnaya i dialekt'naya fonetika [Russian literary and dialect phonetics]. Moscow, *Prosveshchenie*, 1974. 287 p.
2. Avanesov R.I. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Phonetics of the modern Russian literary language]. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 1956. 240 p.
3. Barhudarova E.L. Russkij konsonantizm: tipologicheskij i strukturnyj analiz [Russian consonantism: a typological and structural analysis]. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 1999. 160 p.
4. Barhudarova E.L., Chzhu Yu. Analiz fonetiki rodnogo dialekta v kontekste sozdaniya nacional'no orientirovannyh metodik obucheniya russkomu

- proiznosheniyu [Analysis of the phonetics of the native dialect in the context of creating nationally oriented methods of teaching Russian pronunciation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika i pedagogika"*, 2017, 4 (25), pp. 25–35.
5. Vahek J. *Lingvisticheskiy slovar' Prazhskoj shkoly* [Linguistic dictionary of the Prague School]. Moscow, *Progress*, 1964. 350 p.
 6. Gorshkova K.V. Zametki o fonologii v kontekste sovremennoj nauchnoj paradigmy [Notes on phonology in the context of the modern scientific paradigm]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 1996, 2, pp. 66–76.
 7. Gorshkova K.V. O razvitií fonologicheskikh idej [On the development of phonological ideas]. Yazyk: sistema i podsistemy: K 70-letiyu M.V. Panova [Language: system and subsystems: To the 70th anniversary of M.V. Panov]. Moscow, *Institut russkogo yazyka Akademii nauk SSSR*, 1990, pp. 13–21.
 8. Gorshkova K.V. O foneme v yazyke i rechi [About phoneme in language and speech]. *Slavia orientalis, Warszawa*, 1980, DXXIX, 1/2, pp. 79–83.
 9. Gorshkova K.V. Sootnoshenie vokalizma i konsonantizma v istorii drevnerusskogo yazyka [Correlation of vocalism and consonantism in the history of the Old Russian Language]. *Slavyanskaya filologiya. Vyp. 5* [Slavic philology. Issue 5]. Moscow, *Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR*, 1963, pp. 40–53.
 10. Gorshkova K.V. Tipy nauchno-lingvisticheskikh transkripcij kak otrazhenie razvitiya teoreticheskikh idej Moskovskoy fonologicheskoy shkoly [Types of linguistic transcriptions as a reflection of the development of theoretical ideas of the Moscow Phonological School]. *Fortunatovskij sbornik. Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly: 1987–1997 gg.* [Fortunatovsky digest. Proceedings of the scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Moscow Linguistic School: 1987–1997]. Moscow, *Editorial URSS*, 2000, pp. 8–13.
 11. Gorshkova K.V., Mustejkis K.V., Tihonov A.N. *Sovremennyy russkiy yazyk. Chast' I. Uchebnik dlya studentov pedagogicheskikh institutov Litvy* [Modern Russian language. Part I. Textbook for students of pedagogical institutes of Lithuania]. Vil'nyus, *Mokslas*, 1985. 459 p.
 12. Gorshkova K.V., Haburgaev G.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, *Vysshaya shkola*, 1981. 359 p.; 2nd ed. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 1997. 383 p.
 13. Panov M.V. O dvuh tipah foneticheskikh sistem [On two types of phonetic systems]. *Problemy lingvisticheskoy tipologii i struktury yazyka* [Problems of linguistic typology and structure of language]. Leningrad, *Nauka*, 1977, pp. 14–24.
 14. Panov M.V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, *Prosveshchenie*, 1967. 438 p.
 15. Panov M.V. *Fonologicheskie vzglyady K.V. Gorshkovej* [Phonological views of K.V. Gorshkova]. *Yazykovaya sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve: Sbornik nauchnykh statej k 80-letiyu professora Klavdii Vasil'evny Gorshkovej*

- [Language system and its development in time and space: Digest of scientific articles for the 80th anniversary of Professor Klavdia Vasilyevna Gorshkova]. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 2001, pp. 411–415.
16. Shcherba L.V. Prepodavanie yazykov v shkole: Obshchie voprosy metodiki: Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. [Teaching languages at school: General questions of methodology: Textbook for students of philological faculties]. 3rd ed., revised and expanded. Moscow, *Academia*, 2002. 160 p.

СТАТЬИ

Е.М. Чекалина

НАСТУПАЕТ ЛИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ?

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
19991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются особенности выражения будущего в прошедшем в шведском языке в их соотношении с футуральными конструкциями, которые употребляются в плане настоящего. Как и в других языках с двухфокусной временной перспективой, для этого используются аналитические конструкции, в которых первым компонентом маркируется гипотетическая отнесенность к будущему. Эту функцию выполняет в шведском языке форма претерита модального глагола внешнего долженствования *skulle* в сочетании с инфинитивом. Однако, в отличие от других германских языков, при этом не наблюдается полной симметрии в выражении футуральной отнесенности в плане настоящего и прошлого. Семантика *skulle* с инфинитивом как способа выражения гипотетического будущего в прошедшем реализуется по-разному, в зависимости от контекста. В одних случаях эта конструкция имеет темпоральное значение следования ситуативному моменту, лишенное субъективно-модальных коннотаций, в других случаях она выступает претеритальным трансформом модально-проспективного будущего со *skall*, обусловленного внутренним волеизъявлением субъекта действия. Возможны и такие контексты, в которых сохраняется исходная модальная семантика первого компонента, не исключающая, однако, отнесенности к будущему. Наряду с этим в шведском языке имеется усложненная конструкция *skulle komma att* + инфинитив, которая служит для выражения наступления будущего относительно прошлого. В ее структуру трансформированы оба способа выражения будущего в плане настоящего — как прогностического (*kommer att* с инфинитивом), так и модального с презентной формой глагола внешнего долженствования (*skall* с инфинитивом). При этом *skulle* выполняет функцию «переключателя», маркирующего «сдвиг времен» при отнесенности предстоящих событий к прошлому, в то время как инхоативная

Чекалина Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: etch1@yandex.ru).

семантика акциональной конструкции с *komma att* выражает неизбежность наступления будущего в прошедшем.

Ключевые слова: шведский язык; аналитическая конструкция; будущее время; будущее в прошедшем; прогностическое будущее; модальное будущее; гипотетическое будущее.

Введение. В германских языках выражение предшествования и следования в плане прошлого предполагает ориентацию на «двухфокусную временную перспективу» — относительно грамматического момента речи и относительно ситуативного момента [Смирницкая, 1978: 118]. При этом в большинстве случаев для передачи будущего и будущего в прошедшем используются симметричные средства выражения — аналитические формы и конструкции с инфинитивом, в состав которых входит один и тот же первый компонент, так или иначе ориентированный на «сдвиг времен» [Есперсен, 1958: 340]. В немецком языке для этого используется глагол становления *werden* в формах презенса индикатива и претерита конъюнктива, в английском языке — формы презенса и претерита модальных глаголов *shall/will*, в датском и норвежском языках — аналогичные формы модальных глаголов *skulle/ville*¹. В шведском языке, напротив, подобной симметрии не наблюдается, что, возможно, обусловлено отсутствием унифицированного способа выражения будущего относительно момента речи в настоящем. Интерпретация событий, обозначающих реляционное будущее участника ситуации относительно дейктически локализованного в прошлом ситуативного момента, во всех случаях носит гипотетический характер, который обусловлен лексико-грамматической семантикой претеритальной формы первого компонента. Вместе с тем и в английском, и в скандинавских языках формы претерита модальных глаголов входят в состав других грамматизованных конструкций с гипотетической семантикой, близкой значению сослагательного наклонения в русском языке.

1. Функционально-семантические особенности аналитических средств выражения будущего. В современном шведском языке имеются две аналитические конструкции с футуральной семантикой различного субстантного состава. При выражении прогностического будущего, обусловленного объективными предпосылками, не зависящими от субъекта речи, используется конструкция *kommer att* + инфинитив, первым компонентом которой является предельный глагол *komma* ‘приходить, наступать’ в форме презенса. Она возникла в результате грамматизации устойчивого глагольного сло-

¹ О различиях в семантике и употреблении этих конструкций в датском и норвежском языках см. [Локштанова, 1984: 95–116; Стеблин-Каменский, 1957: 115].

восочетания со значением начинательно-результативного способа действия *komma att* + инфинитив, которое выражает случайное, неожиданное наступление процесса. Это словосочетание, первый компонент которого может иметь формы претерита (чаще всего), перфекта, презенса и инфинитива, употребляется только в высказываниях с одушевленным смысловым субъектом, что является основным критерием его разграничения с аналитической футуральной конструкцией, которая возможна при любом грамматическом субъекте: Budgetförhandlingarna som inleds i morgon *kommer att pågå* hela helgen [Hultman, 2008: 269] ‘Обсуждение бюджета, которое начинается завтра, будет проходить все выходные’ (здесь и далее перевод мой. — Е. Ч.); Träden *kommer att vara* så här höga om fem år ‘Деревья будут такой высоты через пять лет’; Det *kommer nog att regna* senare ‘Дождь, скорее всего, будет позже’ [SAG, 1999: 244].

В последние десятилетия наблюдается тенденция к употреблению конструкции без инфинитивной частицы *att* в разговорной и неформальной письменной речи, особенно в предложениях с инверсией, когда между финитной формой и инфинитивом помещается грамматический субъект: Sammanlagt *kommer* drygt trettio filmer *visas* under festivalens elva dagar [SAG, 1999: 244] ‘В общей сложности в течение одиннадцати дней на кинофестивале будет показано более тридцати фильмов’.

Аналитическая конструкция с формой презенса модального глагола *ska(II)*² и инфинитивом возникла на основе переосмысления семантики внешнего долженствования первого компонента. Она употребляется для обозначения модально окрашенного будущего, обусловленного установкой субъекта действия, при выражении намерения или обещания: Han blir kvar i styrelsen och han *skall arbeta* med de fortsatta förhandlingarna med staten [Hultman, 2008: 269] ‘Он останется в правлении и продолжит/собирается продолжить переговоры с государством’. При этом регулируемому синтагматическими факторами разграничению подвергаются не модальность и футуральность, образующие единый смысловой комплекс, а различные оттенки широкого модально-перспективного значения. Наиболее благоприятным контекстом для такого употребления являются высказывания с грамматическим субъектом в 1 и 2 лице: I kväll *ska vi gå* på bio ‘Вечером мы пойдем в кино’; *Jag ska följa* med henne till England ‘Я поеду с ней в Англию’ [SAG, 1999: 247]; *Ska du inte bli jurist?* ‘Разве ты не собираешься стать юристом?’ [Hultman, 2008: 268]. При употреблении с местоимением 1 лица нередко выражается обещание: *Jag*

² Конечный согласный давно перестал произноситься; со второй половины прошлого века он чаще всего не пишется в большинстве текстов неформального стиля.

ska ringa perukmakaren genast *och höra* hur fort han kan greja en peruk åt dig [Hultman, 2008: 268] ‘Я прямо сейчас позвоню мастеру и узнаю, как скоро он (с)может сделать тебе парик’.

Таким образом, одним из важных прагмасемантических различий между аналитическими конструкциями, выражающими прогностическое и субъектно-ориентированное модально-перспективное будущее, является установка говорящего. Употребление *skall* с инфинитивом не содержит информации о возможной реализации запланированного действия в будущем, в то время как в высказываниях с *kommer att* говорящий допускает вероятность прогноза, основанного на достоверно известных ему объективных предпосылках. Это различие особенно заметно в позиции сильного контраста при параллельном употреблении временных форм со значением настоящего или прошлого, образованных от той же глагольной леммы, что инфинитив. *Kommer att* + инфинитив сохраняет при этом лишнюю модальных коннотаций футуральную отнесенность даже в тех случаях, когда субъект речи прогнозирует собственное будущее: *Pengarna är* (презент) *mig likgiltiga, har alltid varit* (перфект) *och kommer alltid att vara* så (Bergman, 1987: 38)³ ‘Я равнодушен к деньгам и вещам, всегда был и останусь таким’; *Någon befäller mig att stiga ut och följa dem. Lyder, känner* (презент) *ingen fruktan, kommer inte att känna, kände* (претерит) *inte* (Aspenström, 1968: 134) ‘Кто-то приказывает мне выйти и следовать за ними. Повинуюсь, не чувствую страха, не буду чувствовать и не чувствовал прежде’.

При употреблении *skall* с инфинитивом в таких случаях на первый план выступает модальная семантика: *Vad som har hänt* (перфект) *dig, det skall inte hända mig* (Moberg, 1933: 54) ‘То, что случилось с тобой, не должно случиться со мной’; *Du hörde* (претерит) *väl inget du inte ska höra* (Jersild, 1982: 187) ‘Ты ведь не слышал того, что тебе не положено слышать’; *Tiden är inte mogen. Den kommer* (презент). *Den skall komma* (Evander, 1980: 281) ‘Время еще не пришло. Оно придет. Оно должно придти’.

В последнем примере отнесенность к будущему, выраженная говорящим с достаточной степенью уверенности, передается презентной формой⁴ предельного глагола *komma*, в то время как первый компонент словосочетания с тем же глаголом сохраняет исходное лексическое значение внешнего долженствования⁵.

³ Источники примеров из произведений художественной литературы с указанием года издания и страницы приводятся здесь и далее в круглых скобках.

⁴ Футуральный презент используется при выражении актуальных для говорящего событий, прогнозируемых с достоверностью безусловного факта; см. подробнее в [Чекалина, 1996: 28–41].

⁵ О семантике и употреблении различных способов выражения будущего в шведском языке см. также [Толстая, 1973].

Различия в интерпретации будущего выявляются и при параллельном употреблении аналитических конструкций: *Ett snabbt agerande kan då avgöra dels om personen i fråga ska överleva, dels hur myndigheterna i landet kommer att agera* [Hultman, 2008: 269] ‘От быстрого реагирования может в таком случае зависеть, с одной стороны, выживет ли указанное лицо, а с другой стороны, то, как будут действовать органы власти’.

Употребление *skall* с инфинитивом обусловлено здесь тем, что субъект речи не может и не хочет прогнозировать судьбу пострадавшего и вместе с тем выражает скрытое волеизъявление и надежду на то, что он выживет. Напротив, выраженный конструкцией *kommer att* с инфинитивом прогноз о предстоящих действиях органов власти вполне вероятен, хотя и не зависит от его воли⁶. Следует при этом отметить, что в ряде случаев при переводе футуральных конструкций на русский язык в обоих случаях используются формы будущего времени, как в приведенном здесь примере. Это обусловлено тем, что в русском языке имеются унифицированные грамматические формы будущего времени совершенного и несовершенного вида. Функционально-семантические особенности футуральных аналитических конструкций в шведском языке важны для анализа и интерпретации способов выражения будущего в прошедшем.

2. *Skulle* + инфинитив как способ выражения гипотетического будущего в прошедшем. Будущее в прошедшем выражается в шведском языке конструкцией *skulle* + инфинитив с претеритальной формой модального глагола внешнего долженствования, который в форме презенса *skall* с инфинитивом выступает с модально-перспективным значением. Однако, в отличие от будущего относительно настоящего, способ выражения которого определяется установкой субъекта речи, имеющего возможность выбора между футуральным презенсом, *kommer att* и *ska(//)* с инфинитивом, выражение будущего в прошедшем обусловлено определяющим временной дейксис претеритальным контекстом: *USA krävde i tisdags att förhandlingarna skulle avbrytas i 24 timmar* ‘США потребовали во вторник, чтобы переговоры были прекращены в течение 24 часов’; *Det var pengar som skulle användas i utbildningssyfte* [Hultman, 2008: 269] ‘Это были деньги, которые предстояло использовать для образовательных целей’.

При одушевленном субъекте действия *skulle* с инфинитивом часто получает значение намерения, выступая претеритальным трансформом модально-перспективного будущего со *skall*: *Då åskan slog ned, skulle hon just ringa* [Bolander, 2004: 121] ‘Когда ударил гром, она как раз собиралась позвонить’.

⁶ Нужно отметить, однако, что автор грамматики, в которой приводится этот пример, считает обе конструкции в данном контексте синонимичными, что, на наш взгляд, не вполне правомерно.

Типичным для *skulle* с инфинитивом как способа выражения будущего в прошедшем является употребление в придаточных изъяснительных при передаче косвенной речи: Jag *talade* om för dem att jag *skulle stanna här och vänta* på Elisabeth (Ekman, 1984: 28) ‘Я сказала им, что останусь здесь и буду ждать Элисабет’; En blåsig vinterdag ringde mor och *berättade* att far tagits⁷ in på sjukhus och *skulle opereras* (Bergman, 1987: 9) ‘Однажды ветреным зимним утром позвонила мать и сообщила, что отца положили в больницу и будут оперировать’.

В первом примере переосмыслению модально-гипотетической семантики *skulle* способствует совпадение субъекта речи и субъекта ситуации. Футуральная семантика *skulle* с инфинитивом во втором примере поддерживается параллельным употреблением формы плюсквамперфекта с относительным значением предшествования ситуативному моменту речи.

Благоприятным контекстом, способствующим футуральному осмыслению *skulle* с инфинитивом, является также употребление наречия *sedan* со значением реляционного следования: Han måste stå där, tills orkan tog slut, och *sedan skulle* det inte *finnas* någon Birk Borkason (Lindgren, 1982: 40) ‘Он должен был стоять там, пока не кончится ураган, а потом уже больше не будет/не было бы никакого Бирка сына Борки’; Han lämnade Kenneth ett ansevärt arv — ett arv som de båda livskamraterna *sedan skulle spendera* (Månadsjournalen, 10, 1986: 27) ‘Он оставил Кеннету приличное наследство — наследство, которое закадычным друзьям впоследствии предстояло истратить’.

Ориентиром будущего относительно прошлого могут быть события, выраженные формами не только претерита, но и плюсквамперфекта, что позволяет представлять как будущие события, в действительности предшествующие уже наступившим в прошлом: Det var dumt av honom att överhuvudtaget dricka det för han sa efteråt att han *vetat*⁸ att han *skulle bli sjuk* (Ekman, 1984: 92) ‘С его стороны было вообще глупо пить это, так как он потом говорил, что знал, что заболит’; Det *var* i de stora möjligheternas land jag *skulle förtjäna* så mycket pengar, att jag *kunde göra mig fri*⁹. Jag *hade förtjänat* pengarna —

⁷ Здесь наблюдается опущение вспомогательного глагола в аналитической форме плюсквамперфекта (*hade tagits*), которое допускается синтаксической нормой шведского языка в придаточных предложениях.

⁸ В этом высказывании вспомогательный глагол в форме плюсквамперфекта *hade vetat* опускается (см. сноску 7).

⁹ Здесь употребляется экспрессивно-выделительная конструкция, имеющая структуру сложноподчиненного предложения: *det var* (букв. ‘это было’) + выделяемый член предложения + придаточное относительное с союзом *som*, в которое входят остальные компоненты «исходного» высказывания, в данном случае осложненного придаточным изъяснительным с союзом *att*. Формы претерита в главной и придаточной частях выделительной конструкции обусловлены употреблением конструкции *skulle* с инфинитивом, которая соотносится с формой плюсквамперфекта во втором предложении.

och kände mig som en fånge i Amerika (Moberg, 1973: 97) ‘Именно в стране больших возможностей я собирался заработать столько денег, что смог бы стать свободным. Я заработал деньги — и чувствовал себя в Америке пленником’.

Локализация ориентира футуральной отнесенности в плане действительного прошлого предполагает употребление *skulle* с инфинитивом в контекстах, содержащих указание как (1) на дальнейшую реализацию действия в будущем относительно прошлого, так и (2) на то, что оно не осуществилось:

(1) Joe beslöt tidigt för att inte bli som han eller som de. Han *skulle bli* en annan — och *blev* det (Månadsjournalen 11, 1987: 12) ‘Джо рано решил, что не станет таким, как он или как они. Он собирался стать другим и стал им’;

(2) Du förlät aldrig! Du glömde inte! Du sa, att du *skulle göra* det, men *gjorde det aldrig!* (Moberg, 1933: 121) ‘Ты так и не простил! Ты так и не забыл! Ты говорил, что сделаешь это, но так никогда и не сделал!’.

Второй вариант интерпретации будущего относительно прошлого особенно часто встречается в сложноподчиненных предложениях с придаточными изъяснительными, когда опорным словом является глагол с выраженной гипотетической семантикой: Jag åkte tidigt nästa morgon och *trodde* när jag kom fram på kvällen att jag *skulle finna* honom i lägenheten. Men där var det mörkt (Ekman, 1984: 23) ‘Я отправилась на другой день рано утром, и когда приехала вечером того же дня, то думала, что найду его в квартире. Но там было темно’; Han stod kvar mitt på köksgolvet och *önskade* att hon *skulle säga* något, men det gjorde hon inte (Evander, 1980: 12) ‘Он по-прежнему стоял посреди кухни, желая, чтобы она что-нибудь сказала, но она не сделала этого’.

Встречаются также контексты, предполагающие оба варианта развития событий в будущем: Och nu vet hon att det är hopplöst, hopplösare än hon trodde, därför att hon inte har någonting att vänta på nu, därför att allting ligger bakom henne och därför att det som hon väntade på, det som *skulle hända* henne, *kom och inte kom* samtidigt (Dagerman, 1945: 93) ‘И теперь она знает, что это безнадежно, безнадежнее, чем она предполагала, потому что теперь ей уже нечего ждать, потому что то, чего она ждала, что должно было (бы) случиться с ней, произошло и не произошло одновременно’.

Лексическое значение глагола *vänta*, как и весь контекст в целом, делает особенно заметной модально-гипотетическую семантику *skulle* с инфинитивом, которая не предполагает наступление будущего относительно прошлого.

В позиции прямого контраста с формами претерита и плюсквам-перфекта того же глагола, что инфинитив, заметно усиливается исходная модальная семантика *skulle* как глагола внешнего дол-

женствования, что не исключает выражения футуральной отнесенности: Allting *inträffade* utom det som *skulle inträffa* (Moberg, 1973: 54) ‘Происходило все, кроме того, что должно было (бы) произойти’; Den handlade inte längre om vad som *hade hänt* under den gångna veckan utan om vad som *skulle hända* under den kommande (Lindqvist, 1981: 37) ‘Речь шла уже не о том, что случилось на минувшей неделе, а о том, что произойдет/должно было (бы) произойти на предстоящей’.

Таким образом, семантика *skulle* с инфинитивом как способа выражения гипотетического будущего относительно прошлого реализуется по-разному, в зависимости от контекста. В одних случаях эта конструкция может передавать темпоральное значение следования ситуативному моменту, лишённое субъективно-модальных коннотаций, в других случаях она выступает претеритальным трансформом модально-проспективного будущего со *skall*, обусловленного внутренним волеизъявлением субъекта действия. Возможны и такие контексты, в которых сохраняется исходная модальная семантика первого компонента, не исключающая, однако, отнесенности к будущему.

3. Skulle komma att + инфинитив как способ выражения наступления будущего в прошедшем. В шведском языке существует также возможность выразить наступление предстоящих относительно прошлого событий конструкцией, в состав которой, наряду со *skulle*, входит инфинитив акционального словосочетания с глаголом *komma* и инфинитивом основного глагола [SAG, 1999: 245]. Как и в плане настоящего при выражении прогностического будущего конструкцией *kommer att* + инфинитив, значение внезапного или неожиданного наступления действия в этой конструкции нейтрализуется.

При выражении будущего в прошедшем в придаточных изъяснительных *skulle komma att* + инфинитив встречается после опорных глаголов или других предикатов главной части, в лексическом значении которых содержится сильный прогностический компонент: Jag, i min desperation, *försäkrade och försäkrade* om igen att jag med tiden *säkert skulle komma att förstå* (Lundell, 1976: 118) ‘Я же в отчаянии упорно продолжал твердить, что со временем, несомненно, стану понимать/пойму’; Så *blev det alldeles tydligt* att Tyskland *skulle komma att förlora* kriget (Dagerman, 1945: 211) ‘Стало совершенно очевидно, что Германия неизбежно проиграет войну’.

Указание на неизбежность наступления прогнозируемого события может содержаться также в придаточных изъяснительных после опорного глагола *veta* ‘знать’: Martin Beck *visste* att han *skulle komma att minnas* denna replik i årtal, kanske så länge han levde (Sjöwall, Wahlöö, 1986: 149) ‘Мартин Бек знал, что будет помнить эту фразу много лет, возможно, всю оставшуюся жизнь’.

Параллельное употребление (1) *skulle komma att* и (2) *skulle* с инфинитивом в (1) утвердительном и (2) отрицательном контексте наглядно демонстрирует различия в их семантике. При совпадении субъектов действия в главной и придаточной частях сложноподчиненного предложения *skulle* с инфинитивом выступает с выраженной модальной коннотацией:

Vi visste redan innan vi flyttade till Småland att vi (1) *skulle komma att bo* i huset på gården, men vi visste inte när det (2) *skulle bli* aktuellt (2009)¹⁰ ‘Мы знали уже до того, как переехали в Смоланд, что будем жить в доме на этой усадьбе, но не знали, когда это станет актуальным’; Han visste helt enkelt inte vad han (2) *skulle säga*. Men han visste redan att han (1) *skulle komma att tänka* mycket och länge på detta kortfattade samtal (Sjöwall, Wahlöö, 1986: 150) ‘Он просто-напросто не знал, что сказать/что скажет. Но он уже знал, что будет много и долго думать об этом коротком разговоре’.

Прогностический компонент усиливается и при употреблении отрицательного наречия *aldrig* ‘никогда’: Jag visste bara att jag *aldrig skulle komma att gifta mig* med honom (Giron, 1975: 210) ‘Я знала лишь, что никогда не выйду за него замуж’; Han nämnde ingenting om den replik han *sedan aldrig skulle komma att glömma* (Evander, 1980: 124) ‘Он ничего не сказал об этой реплике, которую никогда потом не забывал’.

Skulle komma att + инфинитив используется в описаниях ретроспективного характера, когда автору известно об осуществлении событий, которые были предстоящими в определенный момент дистанцированного прошлого: Grekerna tog emot oss med sin välkända gästfrihet. De hjälpte oss tillrätta i det nya samhället där vi *skulle komma att bo* så många år (Axelsson, 1986: 99) ‘Греки приняли нас со свойственным им гостеприимством. Они помогли нам обосноваться на новом месте, где нам предстояло прожить так много лет’; En dag på landet 1960. Där *skulle vi komma att leva* åtta år av våra liv (Erkelius, 1972: 112) ‘Однажды в деревне в 1960. Там нам предстояло провести восемь лет жизни’.

В позиции прямого контраста модальная семантика первого компонента *skulle komma att* + инфинитив нейтрализуется, в отличие от *skulle* с инфинитивом, где она, напротив, становится более заметной, как было показано выше: Utan att närmare behöva diskutera saken sinsemellan visste de redan var för sig vad som *hade hänt* och vad som *skulle komma att hända* (Sjöwall, Wahlöö, 1986: 190) ‘Не обсуждая между

¹⁰ Примеры с датой употребления без указания на источник взяты из корпуса современного шведского языка, составляемого на Отделении компьютерной лингвистики Гётеборгского университета [www.spraakbanken.gu.se].

собой это дело в деталях, каждый из них уже знал, что произошло и что (неизбежно, обязательно) произойдет.’

Семантика неизбежного наступления будущего от прошлого вы-является при употреблении с глаголами, в лексическом значении которых содержится указание на характер протекания процесса. Стоит подчеркнуть, что приводимые ниже примеры из корпуса шведского языка зафиксированы в начале XXI в. и, таким образом, отражают современный узус. Особенно часто встречается конструкция с синонимичными предельными глаголами *ske* ‘случаться, происходить’ и *hända* ‘происходить, случаться’, выражающими наступление события:

ske — Jesus *visste vad som skulle komma att ske* i framtiden (2006) ‘Иисус знал, что произойдет в будущем’; Vi *misstänkte att någon förändring skulle komma att ske* (2013) ‘Мы подозревали, что произойдет какое-то изменение’; Föga *anade han vad som skulle komma att ske* med hans lilla postorderföretag (2017) ‘Он вряд ли предполагал, что произойдет с его маленьким предприятием, обслуживавшим клиентов по почтовым заказам’;

hända — Den här personen *var säkert själv rädd och orolig över vad som skulle komma att hända* framöver (2011) ‘Этот человек явно боялся и беспокоился о том, что случится в дальнейшем’; Nyss *skrev jag om vad som skulle komma att hända* i veckan, och nu är den redan över (2013) ‘Только что я писал о том, что произойдет на этой неделе, а теперь она уже прошла’.

Употребление конструкции с неопредельным глаголом *dröja* ‘проходить (о времени), длиться’ носит фразеологический характер. Она встречается в главной части сложноподчиненных предложений с союзом *innan* ‘прежде чем, до того как’ и обозначает обычно достаточно длительный отрезок времени, предшествующий событию, о котором говорится в придаточной части. Таким образом, в повествовании о прошлом то, что было предстоящим относительного одного ситуативного момента, может в то же время предшествовать другому ситуативному моменту. В рамках обсуждаемой проблематики особенно важно, что при таком употреблении в придаточной части всегда содержится указание на наступление будущего от прошлого: Det *skulle komma att dröja* ända till år 2000 *innan* ön fick nästa nya åretruntboende (2003) ‘Должно было пройти много времени до того, как в 2000 г. на острове вновь поселился постоянный житель’; På 400-talet föll öarna i glömska från den europeiska historien och det *skulle komma att dröja* många hundra år *innan* någon från Europa återupptäckte öarna (2017) ‘В V в. европейская история совершенно забыла про эти острова, и должно было пройти много сотен лет, прежде чем кто-либо из Европы вновь открыл их’.

Выбор модального предиката при переводе обусловлен безличным характером высказывания, исключающим употребление русского глагола 'предстоять' с инфинитивом, возможное только при соотнесенности с одушевленным лицом. В то же время это указывает на неполную десемантизацию первого компонента в шведской конструкции. Показательно, что в семантике модального предиката в русском языке также содержится указание на неизбежность наступления будущего¹¹.

Заключение. *Skulle* с инфинитивом как способ выражения гипотетического будущего в прошедшем выполняет функцию «переключателя», маркирующего «сдвиг времен» при отнесенности предстоящих событий к прошлому. Наряду с этим в шведском языке имеется усложненная конструкция, в которой инхоативная семантика *komma att* используется для выражения неизбежного наступления будущего в прошедшем. В ее структуру трансформированы оба способа выражения будущего в плане настоящего — как прогностического с *kommer att*, так и модального с презентной формой глагола внешнего долженствования *skall*. Можно предположить, что это обусловлено отсутствием унифицированного способа выражения грамматического будущего в шведском языке.

Список литературы

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / Под ред. С.А. Кузнецова. Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2000.
2. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
3. *Смирницкая О.А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977. С. 5–127.
4. *Стеблин-Каменский М.И.* Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957.
5. *Толстая Н.Н.* Способы выражения будущего действия в современном шведском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1973.
6. *Чекалина Е.М.* Функционально-смысловая интерпретация прошлого и будущего в шведском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 5. С. 28–41.
7. *Bolander M.* Funktionell svensk grammatik. Falköping, 2004.
8. *Hultman T.G.* Svenska Akademiens språklära. Stockholm, 2008.
9. *Lokshanova L.* Forbindelser med 'ville' og 'skulle' i det danske verbuds paradigme // RASK. Internationalt tidsskrift for sprog og kommunikation. Oktober 1994. № 1. S. 95–116.
10. SAG — *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Band 4. Satser och meningar. Stockholm, 1999.

¹¹ См. помету в толковом словаре современного русского языка — О том, что **совершится обязательно, непременно** (выделено мной. — Е.Ч.): *Всё на земле должно измениться мало-помалу* (Чехов) [БТСРЯ, 2000: 271].

Источники примеров

1. *Aspenström W.* Motsägelser. Stockholm, 1968.
2. *Axelsson S.* En fattig student // Berättelser ur bakfickan. Värnamo, 1986. S. 97–106.
3. *Bergman I.* Laterna Magica. Stockholm, 1987.
4. *Björkman G.* Vid 20 blev hon söt. Södertälje, 1983.
5. *Dagerman S.* Ormen. Stockholm, 1945.
6. *Ekman K.* En stad av ljus. Stockholm, 1984.
7. *Erkelius P.A.* Hemma i Sverige. Stockholm, 1972.
8. *Evander P.G.* Se mig i mitt friska öga. Stockholm, 1980.
9. *Giron T.* Begravd i tysthet. Stockholm, 1975.
10. *Jersild P.C.* Barnens ö. Stockholm, 1977.
11. *Jersild P.C.* Efter floden. Stockholm, 1982.
12. *Jersild P.C.* Stumpen. Kungsbacka, 1977.
13. *Lindgren A.* Ronja rövardotter. Aarhus, 1982.
14. *Lindqvist S.* En älskares dagbok. Stockholm, 1981.
15. *Lundell U.* Jack. Stockholm, 1976.
16. *Moberg V.* Nybyggarna. Sista brevet till Sverige. Stockholm, 1987.
17. *Moberg V.* Otrons artiklar. Uddevalla, 1973.
18. *Moberg V.* Våld. Skådespel i fyra akter. Stockholm, 1933.
19. *Månadsjournalen.* Stockholm, 1980–2002.
20. *Sjöwall M., Wahlöö P.* Mannen som gick upp i rök. Lund, 1986.
21. URL: www.spraakbanken.gu.se

Elena Chekalina

DOES FUTURE-IN-THE-PAST HAPPEN IN SWEDISH?

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 19991*

The article discusses forms of expressing future-in-the-past in Swedish and their correlation with future tense constructions used from the perspective of the present. As in other languages with bifocal tense perspective, this involves analytical constructions in which the first component marks a hypothetical relation to the future. This is the function of the preterite forms of the modal verb of external obligation *skulle* with the infinitive. However, unlike other Germanic languages, in this case the expression of future reference in the present and in the past are not fully symmetrical. The semantics of *skulle* with the infinitive as a way of expressing hypothetical future-in-the-past is realized in different ways depending on the context. In one type of cases the construction has a temporal meaning of following the point of reference without subjective-modal connotations, in other cases it performs as a preterite transformation of modal-prospective future with *skall*, based on the agent's internal volition. Other contexts are also possible where

original modal semantics of the first component is preserved, which does not, however, exclude reference to the future. Apart from this, Swedish has a more complex construction *skulle komma att* + infinitive, which serves to express the onset of future-in-the-past. This structure employs both ways of expressing future in the present — prognostic future (*kommer att* with the infinitive) and the modal future with the present tense form of the verb of external obligation (*skall* with the infinitive). In this case *skulle* performs the function of a “switch”, marking a “tense shift” with upcoming events positioned in the past, whereas the inchoative semantics of the actional construction with *komma att* expresses the inevitable coming of the future-in-the-past.

Key words: Swedish; analytical construction; future tense; future-in-the-past; prognostic future; modal future; hypothetical future.

About the author: *Elena Chekalina* — Prof. Dr., Head of the Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: etch1@yandex.ru).

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. S.A. Kuznetsov. Saint-Petersburg, NORINT Publ., 2000, 1535 p. (In Russ.)
2. Jespersen O. *Filosofia grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoï literatury Publ. [Foreign literature Publ.], 1958, 404 p. (In Russ.)
3. Smirnitskaia O.A. *Evolutsiia vido-vremennoi sistemy v germanskikh iazykakh* [The evolution of the aspect-tense system in the Germanic languages]. *Istoriiko-tipologicheskaia morfologiia germanskikh iazykov. Kategorii glagola* [Historical-typological morphology of the Germanic languages. The category of verb]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 5–127 pp. (In Russ.)
4. Steblin-Kamenskii M.I. *Grammatika norvezhskogo iazyka* [A grammar of Norwegian]. Moscow–Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk Publ., 1957, 245 p. (In Russ.)
5. Tolstaia N.N. *Sposoby vyrazheniia budushego deistviia v sovremennom shvedskom iazyke* [Ways of expressing future action in modern Swedish]. Diss. ... kand. filol. [Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1973, 109 p. (In Russ.)
6. Chekalina E.M. *Funktsional'no-smyslovaia interpretatsiia proshlogo i budushego v shvedskom iazyke* [Semantic-functional interpretation of past and future in Swedish]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. Ser. 9. Filologia [Philology], 1996, no. 5, 28–41 pp. (In Russ.)
7. Bolander M. *Funktionell svensk grammatik* [Functional Swedish Grammar]. Falköping, Liber Publ., 2004, 191 p.
8. Hultman T.G. *Svenska Akademiens språklära* [The Swedish Academy grammar]. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag Publ., 2008, 342 p.
9. Lokshtanova L. *Forbindelser med 'ville' og 'skulle' i det danske verbs paradigme* [Constructions with 'ville' and 'skulle' in the Danish verb paradigm]. *RASK. Internationalt tidsskrift for sprog og kommunikation*. [International magazine for language and communication], oktober 1994, № 1, pp. 95–116.

10. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. *Svenska Akademiens grammatik* [The Swedish Academy grammar]. Band [Vol.] 4. Satsor och meningar [Clauses and sentences]. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag Publ., 1999, 977 p.

Sources of examples

1. Aspenström W. *Motsägelser* [Contradictions]. Stockholm, Bonniers Publ., 1968, 175 p.
2. Axelsson S. En fattig student [A poor student] // *Berättelser ur bakfickan* [Stories from back pocket]. Värnamo, Blombergs Bokförlag AB Publ., 1986, 97–106 pp.
3. Bergman I. *Laterna Magica*. Stockholm, Norstedts Publ., 1987, 337 p.
4. Björkman G. *Vid 20 blev hon söt* [At the age of 20 she became pretty]. Södertälje, Trevi Publ., 1983, 203 p.
5. Dagerman S. *Ormen* [The snake]. Stockholm, Norstedts Publ., 1945, 247p.
6. Ekman K. *En stad av ljus* [A town of light]. Stockholm, Bonnier Pocket Publ., 1984, 509 p.
7. Erkelius P.A. *Hemma i Sverige* [At home in Sweden]. Stockholm, Norstedts Publ., 1972, 176 p.
8. Evander P.G. *Se mig i mitt friska öga* [Look me in my healthy eye]. Stockholm, Bonniers Publ., 1980, 303 p.
9. Giron T. *Begravd i tysthet* [Buried in silence]. Stockholm, Norstedts Publ., 1975, 245 p.
10. Jersild P.C. *Barnens ö* [The children's island]. Stockholm, Bonniers, 1977, 301 p.
11. Jersild P.C. *Efter floden* [After the tide]. Stockholm, Bonniers, 1982, 266 p.
12. Jersild P.C. *Stumpen* [The stump]. Kungsbacka, Erlanders Boktryckeri AB Publ., 1977, 125 p.
13. Lindgren A. *Ronja rövardotter* [Ronja the robber's daughter]. Aarhus, Rabén & Sjögren Publ., 1982, 236 p.
14. Lindqvist S. *En älskares dagbok* [A lover's diary]. Stockholm, Bonniers Publ., 1981, 259 p.
15. Lundell U. *Jack*. Stockholm, Wahlström & Widstrand Publ., 1976, 426 p.
16. Moberg V. *Nybyggarna* [The settlers]. *Sista brevet till Sverige* [The last letter to Sweden]. Stockholm, Bonnier Pocket Publ., 1987, 364 p.
17. Moberg V. *Otrons artiklar* [Articles of disbelief]. Uddevalla, Bonniers Publ., 1973, 155 p.
18. Moberg V. *Våld* [Violence]. Skådespel i fyra akter [A play in four acts]. Stockholm, Bonniers Publ., 1933, 145 p.
19. *Månadsjournalen* [The monthly journal]. Stockholm, Åhlen & Åkerlund Publ., 1980–2002.
20. Sjöwall M., Wahlöö P. *Mannen som gick upp i rök* [The man who went up in smoke]. Lund, Lunds Pockettryck AB Publ., 1986, 169 p.

Ю.С. Калинкина

**СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЫБОР ПОЗИЦИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ
И ИЗМЕНЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА
(на материале переводов современной итальянской прозы
на французский язык)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются некоторые закономерности изменения аспектуальной структуры текста в переводах нарративных текстов. Очень часто аспектуальные характеристики действия рассматриваются только по отношению к концептам глагольных действий или изолированным глагольным формам, однако, при анализе переводов фрагментов нарратива мы сталкиваемся с несовпадением средств выражения определенных аспектуальных значений в близкородственных языках. Аспектуальные характеристики существуют как некий набор элементов понятийного уровня, характеризующих внутреннее время действия. И если взаимодействие аспектуальных признаков в рамках изолированной формы является объективным и предсказуемым, то комплексные аспектуальные значения на уровне фразы и текста, состоящие из элементов более низких уровней, обусловлены субъективным выбором сознания, создающего текст. На уровне текста существует фигура, отражающая движение сознания, создающего текст и обеспечивающая непрерывность восприятия этого текста. Перемещение точки зрения этой фигуры определяет аспектуальную структуру текста. Движение в тексте фигуры наблюдателя может быть отмечено не только глагольными формами, но и временными детерминативами. Отдельные аспектуальные значения регулярно взаимозаменяемы в переводах, их можно считать текстуально синонимичными. При противоположной направленности аспектуальных признаков различных составляющих текста возникают вторичные частные значения. В переводах аспектуальный рисунок оригинального текста может не сохраняться, изменения происходят в основном в моменты, когда фигура наблюдателя меняет стратегию, это обращение в план предпрошедшего и границы вставных элементов, таких, как СКД и дескриптивные фрагменты.

Калинкина Юлия Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: perfoto@mail.ru).

Ключевые слова: аспектология; романские языки; текстуальная синонимия; фигура наблюдателя; дескриптивные фрагменты; итальянский язык; французский язык.

0. Введение. В центре внимания в данной статье будут закономерности сохранения/изменения аспектуальной структуры нарративного текста на материале переводов с итальянского на французский язык нарративных текстов (рассказы Д. Буццати «Мыши», «Бомба», «Обвал» (в переводе М. Врейтмана)). Задачей статьи является описание некоторых наиболее часто встречающихся отличий в аспектуальном рисунке текста при переводе и их анализ. Строго ограниченный объем работы не позволяет подробно остановиться на всех обнаруженных закономерностях, но дает возможность наметить основные направления для дальнейших исследований. В процессе работы над статьей были проанализированы более 50 фрагментов текста, которые не вошли в окончательный вариант из-за ограничений по объему. Теоретическую основу метода исследования составляет теория аспектологии, включающая различные подходы, объединенные в рамках единой системы анализа от семантических характеристик концептов действий до комплексных семантико-морфологических значений и синтаксической аспектуальной структуры текста в целом. Вслед за многими другими исследователями мы будем считать исчерпывающим определение вида, данное Комри в его хрестоматийном труде «Аспект» [Comrie, Aspect, 1976: 5]: «Вид касается рассмотрения внутренней темпоральной структуры ситуации, существует различие между внутренним временем ситуации (aspect) и внешним временем ситуации (tense)». В литературе часто встречаются два основных подхода к описанию аспектуальной семантики. С одной стороны, выделяются семантические классы глаголов, с другой стороны видом называется, по сути, синтаксическое понятие перспективы [см. в том числе: Bertinetto, 1986: 239].

Родоначальником семантической классификации типов глагольного действия считается Аристотель. Самая известная семантическая классификация современной лингвистики принадлежит З. Вендлеру [Binnick, 1991: 183–184; Caudal, 2011]. Исследователями отмечается, что типы глагольных действий универсальны в языках различных групп. Это объяснимо, если считать, что в семантическую классификацию входят концепты действий. Они универсальны, так как являются своего рода десигнатами глагольных действий (в терминах теории знаков Соссюра и Морриса). В данной работе мы будем считать, что аспектуальные характеристики существуют как некий набор параметров понятийного уровня, одни из которых выражаются семантикой глагола, другие могут быть грамматикализованы, при этом если семантические характеристики более универсальны, то в фокус грамматикализации попадают различные признаки в зависимости от языка. В русском языке отмечается грамматикали-

зация признака завершенности действия как такового, в итальянском и французском языках можно говорить о грамматикализации признака внешней предельности действия (т.е. ограниченности не самого действия, а времени его протекания). Набор характеристик внутреннего времени действия представляет собой универсальную «матрицу», из которой каждый язык выбирает те или иные значения, которые реализуются в его аспектуальной структуре. Одни и те же комбинации компонентов значения могут «перемещаться» от одного способа выражения к другому на материале различных языков, поэтому методом их выявления и описания может быть сравнительный анализ формальных представлений того или иного значения в различных языках.

Аспектуальный потенциал в полной мере реализуется на уровне текста (и его более или менее протяженных фрагментов, начиная с фразы), где мы имеем дело уже не со взаимодействием характеристик в рамках изолированной формы, а со структурой, которая отражает интенции сознания, создающего текст. Эта структура является аспектуальной, так как отражает видение ситуаций в единой структуре нарратива, и это видение может претерпевать различные изменения, что особенно очевидно при анализе переводов. У истоков синтаксического понимания аспектуальности стоит работа Райхенбаха [Reichenbach, 1947], который выделил первоначально темпоральное понятие точки отсчета. Впоследствии было замечено, что понятие точки отсчета включает также способность соотносить события одного временного плана [Lo Cascio, 1995]. Это понимание стоит ближе к обнаружению аспектуальной составляющей точки отсчета, так как говорит о восприятии перфективных форм. Падучева идет дальше и говорит о том, что «при одном из пониманий точка отсчета по Райхенбаху — это ... позиция наблюдателя» [Падучева, 1996: 169].

1. Отражение в переводе аспектуальных значений на уровне фразы. Аспектуальная синонимия. Занимаясь исследованием аспектуальных характеристик действия в близкородственных языках, можно было бы предположить, что аспектуальный рисунок переводов будет лишь незначительно отличаться от оригинального текста, однако это не всегда так. При анализе примеров в данной работе будут приняты следующие условные обозначения: PRS-настоящее (время), PST-прошедшее (время), IPFV-имперфектив (аспект), PFV-перфектив (аспект), PART-причастие. При этом для рассматриваемых романских языков следует отметить, что в плане прошедшего изъявительного наклонения существуют три морфологические формы времени, одно из них аспектуально имперфективно (Imperfetto-в итальянском языке и Imparfait-во французском PST IPFV), а два других — аспектуально перфективны. Они различаются признаком референтности: Passato Prossimo в итальянском языке и Passé Composé во французском референтны к моменту речи (или принимаемому за него моменту

в тексте), а *Passato Remoto* в итальянском и *Passé Simple* во французском обладают особым типом текстуальной референтности и встречаются исключительно в нарративных контекстах. Мы будем обозначать первые PST R PFV, а вторые PST PFV. Использование *Passato Remoto* в качестве эквивалента *Passato Prossimo* в разговорной речи в некоторых областях Италии носит региональный характер и обычно не учитывается, если речь идет о современном литературном итальянском языке (*L'italiano standard*, см., в частности: Renzi, 1985, p. 196). Переводы на русский язык сделаны автором статьи и намеренно максимально приближены к буквальным, чтобы продемонстрировать наилучшим образом анализируемые явления. Литературные переводы существуют для оригинальных рассказов на итальянском языке, литературных переводов на русский язык французских фрагментов не существует, поэтому было отдано предпочтение более однородному изложению переводов на русский язык. Сравним, например:

(1) Hanno messo(PST R PFV) il muso da quando in casa non esistono più topi... Neanche il seme ci è rimasto (PST R PFV)! (Buzzati, 141 – 142)

Они ходят надутые (букв. «надулись») с тех пор, как в доме больше нет мышей... Даже семени здесь не осталось!

(2) Passato il primo gelido sbalordimento, il brusio della gente si faceva (PST IPFV) intanto piu' mosso e nutrito. (Buzzati, 131) Когда прошло первое ледящее потрясение, людской шум становился все более взволнованным и громким.

(1') Ils ne s'intéressent(PRS IPFV) plus à rien depuis qu'il n'y a plus de souris dans la maison... On n'en voit (PRS IPFV) même pas la trace! (Buzzati fr., 134)

Они ничем больше не интересуются с тех пор, как в доме нет больше мышей... И следа их не видно!

(2') Passé le premier ahurissement glacé le tapage de la foule se mit (PST PFV) à grossir. (Buzzati fr., 205)

Когда прошло первое ледящее потрясение, шум толпы начал возрастать.

В (1) формы PST R PRF имеют перфектное значение, т.е. обозначают переход в новое состояние и его наличие в точке отсчета (он приехал, следовательно, он здесь). Глаголы семантически предельны (класс достижений) и употреблены в перфективной форме. В переводе мы имеем семантический аспектуальный эквивалент этих значений — стативы в IPFV, обозначающие результирующее состояние. Когда переход в результирующее состояние находится в фокусе внимания (на это однозначно указывает контекст: “*vieni un po' a vedere*- иди-ка, посмотри”), в переводе сохраняется аспектуальный комплекс «моментатив+ PFV». Ср.:

(3) Vieni un po' a vedere... Da qualche mese si sono tutti riuniti (PST R PFV) qui sotto, nella fogna. (Buzzati, 144)

Иди-ка, посмотри... Вот уже несколько месяцев, как они собрались все здесь внизу, в канализации.

(3') Viens donc voir un peu... Depuis plusieurs mois, ils se sont tous réunis (PST R PFV) là, dans l'égoût. (Buzzati fr., 137)

Иди-ка посмотри... Вот уже несколько месяцев, как они собрались все здесь внизу, в канализации.

В (2) оригинальный итальянский фрагмент подчеркивает градуальное нарастание признака при помощи PST IPFV, во французском переводе акцентируется начало процесса, который показан глаголом *grossir* (нарастать) в градуальном прочтении.

Таким образом, исходные значения выражаются, но баланс достигается различными средствами.

Синонимичные аспектуальные значения могут выражаться не только различными аспектуальными комплексами (например, как мы видели, моментатив+ PFV \approx статив+ IPFV в качестве результирующего состояния), но и быть свернутыми/эксплицированными предикатами.

В переводе эксплицируются совершенно различные стадии свернутости предикативных выражений от герундиальных и причастных оборотов ((4)–(4')) до эллиптированных глагольных форм ((5)–(5')) и даже отдельных лексических единиц.

(4) *Sceso*(PART PST) di macchina Giovanni aprì la porta a vetri e sentì un intenso vociare... (Buzzati, 95)

Выйдя из машины, Джованни открыл стеклянную дверь и услышал громкий шум голосов.

(5) *Così per anni*. (Buzzati, 144)
И так-годами.

(4') Giovanni *descendit* (PST PFV) de voiture, *pénétra* dans l'auberge et se trouva environné d'un vacarme... (Buzzati fr., 302)

Джованни вышел из машины, проник в гостиницу и оказался окружен шумом.

(5') Cela *dura* (PST PFV) des années. (Buzzati fr., 137)

Это (про)длилось годы

В (5) мы видим квантификатор закрытого временного интервала “*per anni*”. Аспектуально значимые детерминативы могут согласовываться по признакам ограниченности и дуративности/процессности с аспектуальными комплексами (семантический класс глагола+ морфологическая форма), а могут, при сильном аспектуальном значении квантификатора, быть единственными носителями аспектуальных значений в ситуации, в случае эллипсиса глагольной формы, как в (5). В переводе глагольная форма восстанавливается—это ограниченное внешним пределом перфектива состояние «*dura*» (продлилось). В (4') разворачивается предикат, заключенный в PART PST (*sceso*). В тексте также регулярно встречаются номинативные группы, перевод которых раскрывается в предикативную конструкцию. Это может свидетельствовать о том, что французский язык предпочитает разворачивание потенциально предикативных оборотов. Однако мы не будем подробно останавливаться здесь на подобных примерах, это может быть темой отдельного исследования. Как становится очевидно из рассмотренных переводов, ситуации обладают определенным аспектуальным содержанием, которое может эксплицироваться или нет в соответствии с желанием говорящего акцентировать ту или

иную характеристику. Существует, таким образом, объективный аспектуальный потенциал, которым говорящий может оперировать, создавая комбинации значений в соответствии со своими интенциями. Говорящий строит не из типов ситуаций (подобную точку зрения находим у Smith, 2009), а из элементов более низкого уровня, аспектуальных признаков. Типы ситуаций уже обладают определенным набором признаков, с ними взаимодействуют аспектуальные характеристики грамматических форм и аспектуальное значение контекстов. Таким образом, говорящий¹ использует и согласует элементы всех уровней, и получает в качестве «готового продукта» единицу текста, обладающую аспектом, как комплексным значением на уровне фразы и, шире, на уровне текста. Он обладает большой свободой, субъективно воссоздавая ситуации реального мира, опираясь при этом на всю сумму объективных характеристик действия, и ограниченный только в случае абсолютной (часто прагматически продиктованной) их несовместимости.

2. Границы аспектуальных значений на уровне текста. Понимая вид как внутреннее время действия, основной характеристикой этого времени следует признать его ограниченность (предельность²). В зависимости от того, чем вызвана ограниченность внутреннего времени действия можно выделить предельность внешнюю (когда ограничено время протекания действия (*ha parlato per un'ora* — он проговорил час) и внутреннюю (достижение действием такого предела, после которого действие, как таковое, не может продолжаться (*è arrivato* — он приехал)). Характеристика внешнего ограничения времени действия принадлежит морфосинтаксическому уровню в романских языках.

Временные детерминативы могут относиться к внутреннему времени действия, ко времени астрономическому или ко времени текста. Показатели, относящиеся непосредственно к аспектуальному комплексу (семантический концепт глагольного действия + морфологическая форма), обладают такими аспектуальными характеристиками, как ограниченность и длительность, кроме того, они способны иметь и синтаксическую аспектуальную характеристику точки отсчета. Временные детерминативы могут служить катализаторами проявления контекстуальных аспектуальных значений, гасить или, напротив, фокусировать внимание на определенных потенциальных признаках.

¹ Мы используем здесь термин «говорящий», принятый во многих исследованиях для обозначения субъекта, создающего текст, хотя в нарративном тексте его следует, скорее, обозначить как наблюдателя (см. далее).

² В данной работе эти термины будут использоваться как синонимы [Калинина, 2000].

В литературе, посвященной рассмотрению аспектуальных характеристик на уровне текста, часто речь идет о внешней/внутренней перспективе, глобальном видении, ретроспективной/синхронной точке зрения, позиции наблюдателя. Рассматривая фигуру наблюдателя в перспективе текста следует отметить, что текст, в отличие от естественной ситуации общения, не наблюдается непосредственно, а нуждается в представлении его реципиенту, эту роль и выполняет в нарративе фигура наблюдателя. По определению Падучевой [Падучева, 2019: 48; 2006], «наблюдатель — это вторичный эгоцентрический субъект», «субъект вторичного дейсиса». Для целей данной работы несущественно, кто выступает в роли наблюдателя и сколько раз эта роль переходит от одного субъекта к другому (подробнее об этой трактовке понятия [см., например: Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004]). Наблюдатель — фигура, создающая движение текста, структуру его внутреннего времени и обеспечивающая непрерывность его восприятия, его движение отражает интенции сознания, создающего текст (понятие, не совпадающее с понятием «автор» [Paducheva, 2011: 13]).

Основным средством, которое использует наблюдатель для того, чтобы представить нам движение внутреннего времени текста, является соположение аспектуальных комплексов во взаимодействии с различными средствами контекста, чаще всего показателями времени. Фигура наблюдателя-аспектуальное явление текста, так как обуславливает структуру его внутреннего времени и отражает видение сознания, создающего текст. Следуя в основном закону линейного течения времени, наблюдатель может, однако, субъективно видоизменять аспектуальный рисунок текста, что хорошо заметно на материале переводов. Не раз было замечено, что формы PST IPFV не продвигают повествование, но в рамках нарративного текста существуют целые эпизоды, когда продвижения повествования (по крайней мере, линейного) не происходит. Это прежде всего диалоги и свободно-косвенный дискурс (СКД), который по своей природе является неким видом диалога (или монолога), включенного в текст. СКД в переводе может не сохраняться или видоизменяться.

Помимо диалогов и СКД встречаются отрывки собственно нарративной ткани, когда повествование не движется линейно. Мы будем называть такие эпизоды дескриптивными фрагментами. Текстуальный наблюдатель, как правило, останавливается «на пороге» дескриптивного фрагмента и пропускает его события мимо себя, находясь на точке зрения вводной формы («guardai — я посмотрел» в (6)):

(6) Guardai (PST PFV) ancora in giù. L'odioso oggetto era entrato (PST PST PFV) nell'alone di una lampadina. Era verniciato di azzurro scuro e c'era una quantità di scritte e etichette. (Buzzati, 131) Я еще посмотрел вниз. Ненавистный предмет попал в свет лампочки. Он был выкрашен в темно-синий цвет, и было некоторое количество надписей и наклеек.

(6') Je me penchai (PST PFV) de nouveau sur la rampe. L'objet odieux se trouvait (PST IPFV) sous l'éclairage d'une ampoule électrique. Il était peint en bleu foncé et recouvert d'une quantité d'étiquettes. (Buzzati fr., 206)

Я перегнулся снова через перила. Ненавистный предмет находился в свете электрической лампочки. Он был выкрашен в темно-синий цвет и покрыт некоторым количеством наклеек.

Дескриптивный фрагмент в данном случае полностью сохранен в переводе. Единственное отличие оригинала представляет собой то же явление текстуальной аспектуальной синонимии, о которой мы упоминали ранее (ср. (1)), результирующее состояние моментального перехода приравнивается к состоянию без указания его источника в плане прошлого.

Несогласование точки отсчета формы глагола и точки отсчета временного показателя (когда оно не ведет к аграмматичности), дает обычно различные частные текстуальные значения. Позиция наблюдения как бы дwoится (например, в настоящем нарративном или в нарративном имперфекте). Подобные употребления в рамках отдельного высказывания и в рамках целых фрагментов текста могут не сохраняться в переводе на близкородственные языки, даже при наличии в этих языках возможности их выражения. Дескриптивные фрагменты, как элементы, не продвигающие глобальное время текста, также могут частично или полностью утрачиваться при переводе, таким образом, изменяется его аспектуальная структура. Выбор аспектуальной структуры текста находится на субъективном уровне сознания, создающего текст.

Рассмотрим еще пример, где аспектуальный рисунок оригинала и перевода не совпадает:

(7) E contento ? Eccola qui, se la guardi pure, la sua maledetta frana! Fece a un certo punto il contadino fermandosi; e col mento in segno di odio e spregio, indicava (PST IPFV) la deprecata cosa. Giovanni si trovò (PST PFV) sul margine di un campicello ... Lo spazio era però invaso almeno per un terzo da uno smottamento di terra e sassi (Buzzati, 98)

(7') Vous êtes satisfait ? La voilà vous pouvez la regarder, votre maudite avalanche ! dit soudain le paysan en s'arrêtant.

Et il désigna (PST PFV) du menton en signe de haine et de mépris la chose qui lui apportait tant de souci. Giovanni se trouvait (PST IPFV) à l'entrée d'un petit champ... L'endroit était cependant envahi sur un bon tiers par un amoncellement de terre et des cailloux... (Buzzati fr., 307–8) Вы удовлетворены? Вот он, можете на него посмотреть, на ваш проклятый обвал! — сказал вдруг крестьянин, останавливаясь.

Вы довольны? Вот он здесь, смотрите себе на него, на ваш проклятый обвал! — сказал в определенный момент крестьянин, останавливаясь, и подбородком, в знак неприязни и презрения, указывал на ненавидимый предмет. Джованни оказался на краю маленького поля... Это пространство было как минимум на треть занято оползнем из земли и камней.

И он указал подбородком в знак ненависти и презрения на то, что доставляло ему столько неудобств. Джованни находился у входа на маленькое поле ... Это место было занято на хорошую треть оползнем из земли и камней.

В переводе (7') изменению внутренней структуры текста подчинено и внешнее строение фразы. Форма PST PFV «он указал» начинает новый абзац и является вводной формой для следующего за ним дескриптивного фрагмента. В итальянском отрывке вводной формой последующего дескриптивного фрагмента является как раз форма «оказался», которая в переводе рассматривается уже как часть дескриптивного фрагмента. Границы дескриптивного фрагмента смещены в переводе, и этим объясняется использование перфектива в одном случае и имперфективной формы в другом. Аспектуальный рисунок перевода не изменяется, если формы не находятся на границе дескриптивного фрагмента.

Заключение. При анализе переводов нарративной прозы современных итальянских авторов на французский язык наблюдаются закономерности изменения аспектуального рисунка текста, связанные со стратегией движения в тексте наблюдателя. Движение текста в основном осуществляется за счет перемещения наблюдателя от одного перфективного события к другому. Помимо перфективных событий позицию наблюдателя могут отмечать временные детерминативы, иногда в отсутствие эллиптированных глагольных форм. Отдельные аспектуальные значения регулярно взаимозаменяемы как в направлении оригинал → перевод, так и наоборот, их можно считать текстуально синонимичными. При противоположной направленности аспектуальных признаков, принадлежащих различным составляющим фрагмента текста, мы имеем дело с созданием вторичных частных значений.

Проблема субъективности выбора того или иного значения относится к уровню высказывания и, шире, текста, т.к. на уровне аспектуальных характеристик семантического и морфологического уровней мы имеем вполне объективные и предсказуемые варианты взаимодействий. Если субъективный выбор сопоставляет элементы, которые обладают сочетаемостью, мы объективно присутствуем при создании естественного значения, если элементы несочетаемы — результатом является или запрет значения, или эффект, основанный на необычности сопоставляемых элементов. Субъективность при

выборе аспектуального рисунка текста проявляется в основном моменты, когда наблюдатель меняет стратегию, это обращения в план предпрошедшего, границы вставных элементов, таких как СКД и дескриптивные фрагменты.

Методы исследования переводов, намеченные в данной статье, могут быть использованы в перспективе и на более широком материале для выявления и описания закономерностей изменения структуры текста под влиянием интенций создающего текст сознания.

Список литературы

1. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
2. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке, М., 1996.
3. *Падучева Е.В.* Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции «ДИАЛОГ–2006». М., 2006.
4. *Падучева Е.В.* Эгоцентрические единицы языка. М., 2019.
5. *Bertinetto P.M.* Tempo, Aspetto e Azione nel verbo italiano, Firenze, 1986.
6. *Binnick R.I.* Time and the verb. Oxford, 1991.
7. *Buzzati D.* Il meglio dei racconti. Mondadori; Milano, 1995.
8. *Buzzati D.* L'écroulement de la Baliverna, Gallimard, 2001 (цит. по: Buzzati fr.).
9. *Caudal P.* Contribution aspectuelle des temps et de la phrase: des affinités électives, 2011.
10. *Caudal P.* Vers une approche constructionnelle des structures au conditionnel // Langue Française 200. 2018: 49–61.
11. *Chandekar A.* Grammatical uniformity of tense and aspect: Encoding narrator's perspective and vantage point through Tense Shift. Narrative Inquiry. Vol. 30:2, 2020. P. 381–403.
12. *Comrie B.* Aspect. Cambridge, 1976.
13. *Corre E.* The different grammars of event singularisation: a cross-linguistic corpus study // Tense, Aspect, Modality and Evidentiality: Cross-linguistic perspectives. Amsterdam, 2018.
14. *Lo Cascio V.* On the relation between tense and aspect in romance and other languages. Temporal reference. Aspect and Actionality. Torino, 1995.
15. *van Krieken K., José Sanders J. and Sweetser E.* Linguistic and cognitive representation of time and viewpoint in narrative discourse. Cognitive Linguistics 2019; 30 (2): 243–251.
16. *Paducheva E.* The linguistics of narrative: The case of Russian. Moscow, 2011.
17. *Renzi L.* Nuova introduzione alla filologia romanza. Il Mulino, 1985.
18. *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. N.Y.: The MacMillan Co, 1947.
19. *Smith C.S.* A speaker-Based Approach to Aspect, R.P. Meier et al. (eds.) Text, Time and Context, Springer, 2009.
20. *Verhagen A.* Shifting tenses, viewpoints, and the nature of narrative communication. Cognitive Linguistics, 2019.

Julia Kalinkina

**STYLISTIC CHOICE OF OBSERVER POSITION
AND CHANGE IN THE ASPECTUAL STRUCTURE OF TEXT
(based on translations of modern Italian prose into French)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Drawing on translations of narrative texts from Italian into French (narratives by D. Buzzati and novel by I. Calvino), the article studies some patterns of change in the aspectual structure of text. Very often, aspectual characteristics of situations are considered only in relation to verb action concepts or isolated verb forms, however, when analyzing translations of elements of narrative, we encounter a mismatch in the means of expression of certain aspectual meanings in closely related languages. Aspectual characteristics exist as a certain set of conceptual level elements characterizing internal time of action. And although interaction of aspectual signs within the framework of an isolated form is objective and predictable, complex aspectual meanings at the level of phrase and text, consisting of elements of lower levels, are determined by the subjective choice of consciousness that creates text. At the text level, there is a figure reflecting the movement of consciousness that creates the text and ensures continuity of perception of this text. The aspectual structure of the text is determined by the movement of point of view of this figure. The movement of the observer in the text can be denoted not only by verb forms, but also by temporary determinants. Certain aspectual meanings are regularly interchangeable in translations; they can be considered textually synonymous. Particular meanings arise due to opposite direction of aspectual features of various components of the text. In translations, aspectual drawing of the original text may not be preserved. Changes occur mainly at the time when the observer's figure changes strategy, which refers to the previous temporal plan and the boundaries of insertion elements, such as FID and descriptive elements.

Key words: aspectology; Latin languages; textual synonymy; observer figure; descriptive elements; Italian; French.

About the author: *Julija Kalinkina* — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: perfoto@mail.ru).

References

1. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaja grammatika russkogo yazyka*. [A communicative grammar of Russian] Moscow, 2004. (In Russ.)
2. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke*. [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian] Moscow, 1996. (In Russ.)

3. Paducheva E.V. Nablyudatel': tipologiya i vozmozhnye traktovki [The observer: typology and possible interpretations] // *Trudy mezhdunarodnoj konferencii «DIALOG–2006»*. Moscow, 2006. (In Russ.)
4. Paducheva E.V. *Egocentricheskie elementy yazyka* [Egocentric units of language], Moscow, 2019. (In Russ.)
5. Bertinetto P.M. *Tempo, Aspetto e Azione nel verbo italiano*, Firenze, 1986.
6. Binnick R.I. *Time and the verb*. Oxford University Press, 1991.
7. Buzzati D. *Il meglio dei racconti*. Mondadori, Milano, 1995.
8. Buzzati D. *L'écroulement de la Baliverna*. Gallimard, 2001.
9. Caudal P. *Contribution aspectuelle des temps et de la phrase: des affinités électives*, 2011.
10. Caudal P. Vers une approche constructionnelle des structures au conditionnel. *Langue Française* 200, no. 4, 2018: 49–61.
11. Chandekar A. Grammatical uniformity of tense and aspect: Encoding narrator's perspective and vantage point through Tense Shift. *Narrative Inquiry*. Vol. 30:2, 2020, pp. 381–403.
12. Comrie B. *Aspect*. Cambridge, 1976.
13. Corre E. *The different grammars of event singularisation: a cross-linguistic corpus study*, in *Tense, Aspect, Modality and Evidentiality: Cross-linguistic perspectives*. Amsterdam, 2018.
14. Lo Cascio V. On the relation between tense and aspect in romance and other languages. *Temporal reference. Aspect and Actionality*, Torino, 1995.
15. van Krieken K., José Sanders J. and Sweetser E. Linguistic and cognitive representation of time and viewpoint in narrative discourse. *Cognitive Linguistics* 2019; 30 (2): 243–251.
16. Paducheva E. *The linguistics of narrative: The case of Russian*. Moscow, 2011.
17. Renzi L. *Nuova introduzione alla filologia romanza*. Il Mulino, 1985.
18. Reichenbach H. *Elements of symbolic logic*. N.Y.: The MacMillan Co, 1947.
19. Smith C.S. *A speaker — Based Approach to Aspect*, R.P. Meier et al. (eds.) Text, Time and Context, Springer, 2009.
20. Verhagen A. *Shifting tenses, viewpoints, and the nature of narrative communication*. Cognitive Linguistics, 2019.

О.Ю. Школьникова

РЕРАЙТИНГ А. БАРИККО «ГОМЕР. ИЛИАДА»: ЭВОЛЮЦИЯ РЕЦЕПЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В современной итальянской литературе в последнее десятилетие наблюдается всплеск интереса к классическим текстам и появление целой серии переработок произведений мировой литературы, что в первую очередь связано с именем Алессандро Барикко. Писатель, драматург, журналист, музыкант и литературный критик, участник синтетических проектов, поставивший обучение писательскому ремеслу на коммерческую основу в Scuola Holden, Барикко организовал серию “Save the Story”, в которой крупнейшие итальянские писатели пересказывали произведения мировой классики, «чтобы спасти их от забвения». Предметом нашего исследования является собственная переработка Барикко — роман «Гомер. Илиада», стоящий особняком в ряду переделок. Будучи «побочной продукцией» устного представления «Илиады» на сцене, роман Барикко был опубликован и обнаружил ряд трансформаций, которые писатель внес в гомеровский текст, кардинально изменив стилистику, структуру и даже жанр. Самым важным новшеством Барикко стало исключение из сюжета олимпийских богов, что упростило картину мира поэмы и сделало ее более доступной для современного читателя. Лирический характер эпической поэме сообщает превращение «песен» в монологи, окрашенные антивоенным пафосом. Барикко «дает слово» женским персонажам, выдвигая их на первый план. Ряд фрагментов был добавлен: их чужеродность по отношению к оригинальному тексту подчеркивается выделением курсивным шрифтом. Прозаический перевод М.Г. Чани, ставший основой текста романа, подвергается синтаксическому упрощению и стилистической нейтрализации; снижение регистра достигается также введением разговорной и даже просторечной лексики, дискурсивов, призванных установить коммуникативную связь с аудиторией. В статье рассматриваются трансформации текста поэмы, а также особенности восприятия романа со стороны критики и читателей.

Ключевые слова: итальянская литература; Алессандро Барикко; литературные переделки; «Илиада» Гомера.

Школьникова Ольга Юрьевна — профессор кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: chkolnikova@mail.ru).

Феномен “rewriting”: краткий исторический очерк. Феномен переработки уже существующего текста с давних пор был неотъемлемой частью литературного процесса, принимая в разные эпохи различные формы и вызывая различное отношение к себе в среде интеллектуалов. В античной культуре основополагающим было понятие имитации, копирование существующих шедевров как реализация связи с предшествующими эпохами и как возможность соревнования с авторитетными творцами.

Являясь переработкой предшествующих ей устных сказаний о событиях более чем трехсотлетней древности, поэма Гомера сама явилась источником для последующей богатой литературной традиции. Можно вспомнить о Троянском цикле — поэмах VIII—VI вв. до н.э., и о сочинениях IV—VI вв. уже нашей эры: «Повести о разрушении Трои» Дарета Фригийского и «Дневнике Троянской войны» Диктиса Критского, послуживших в свою очередь основой для средневекового «Романа о Трое» Бенуа де Сент-Мора (XII в.).

Латинская литература родилась и «росла» на греческих текстах, ими же питалась. Так, на принципах имитации и переделки основывается в своем творчестве Луций Ливий Андроник — родоначальник латинской литературы и метода адаптационного перевода, который взяли на вооружение, например, Плавт и Энний. «Возрастающее влияние греческой литературы и культуры, с одной стороны, и осмысление их переработки в латинской культурной среде уже на рубеже III—II вв. приводит к критике качества латинских переработок, полемике об эллинизме, и литературной реакции, после которой “работа” с греческим материалом продолжилась, но уже на новом качественном уровне» [Моммзен, 1937: 405]

В Средние века распространение христианства стимулировало интерес к языческим авторам; обмен текстами в Европе в этот период достигает невиданных объемов, и доля переводных текстов составляет от 87 до 99% [Алексеева, 2004: 66]. При этом понятие авторства толкуется очень абстрактно, и авторские тексты перерабатываются и объединяются, превращаясь в безымянные компиляции.

В эпоху Возрождения открытие Античности и подражание ей стали основным эстетическим принципом европейских интеллектуалов, который выражался понятиями *imitatio* и *aemulatio*. Теоретиком имитации древних выступил Петрарка, который утверждал, что возвращение к классикам наполняет новыми смыслами старые идеи. В письме к Боккаччо от 28 октября 1365 г. он рассуждает о том, что подражание похоже на оригинал, но не идентично ему, подражание — не рисунок или слепок с изображаемого человека, но сходство отца и сына, которые, различаясь в чертах и членах, имеют что-то общее в облике. «Я уверен, что он <имитатор> будет развивать

силу своей мысли и выразительность и, в результате своих опытов, выработает свой собственный стиль» (Петрарка «Письма», XXIII, 19) [Petrarca, 1898]. Сам Петрарка становится «иконой стиля» для целого направления поэтов XVI в. («петраркизм»).

Во второй половине XVIII в. идея имитации античных памятников вновь выходит на первый план: «Единственный путь для нас стать великими, и даже, если возможно, неподражаемыми, это подражание древним» [Винкельман, 1992: 29].

Просвещение привносит новое видение творчества, которое получит у романтиков дальнейшее развитие в идеях автономии и индивидуальности творца. Развитие экономики, идей материализма и формирование рынка способствуют пониманию художественной и литературной продукции как частной собственности. На первый план выходит понятие индивидуальности, источником творчества признается вдохновение, а не копирование: «подлинное подражание — это не искусственное воспроизведение внешней формы или мощное воздействие, оказываемое великим и сильным на беспомощные души, но усвоение духа, истины, красоты и добра с любовью, пониманием и деятельной силой, усвоение свободы» [Шлегель, 1983: 83].

В контексте постмодернизма и концепции интертекстуальности обращение к классическим текстам стало восприниматься как мост, соединяющий фрагменты культуры, далеко отстоящие друг от друга во времени, для того чтобы живое высказывание классических авторов приобретало новые смыслы, включаясь в современную литературную полемику. По-итальянски литературные переработки обозначаются как *rilettura* или *riscrittura*, которые отражают две стороны литературной переработки текста. *Riscrittura* восходит к глаголу *rescribere*, который в латинском языке, кроме значения «переписывать», значил также «отвечать на написанное»; здесь есть важная для постмодернизма идея диалогичности вторичного текста, его взаимодействия с оригиналом и современной средой. Термин “*riscrittura*” «можно употреблять, когда <...> когда отсылки к первому тексту не ограничиваются тем, что делают второй более интересным, но в конечном итоге изменяют само восприятие более старого текста» [Brignoli, 2020: 118].

В современной литературе переработка классических текстов может носить разный характер. Во-первых, очень востребованы и поощряются издательскими домами адаптации для детей и юношества. Так, в 2010 г. в Италии появляется серия под амбициозным названием “*Save the Story*”, в рамках которой крупнейшие итальянские писатели и менее известные пересказывают классические произведения, в числе таких пересказов “*La storia de I Promessi sposi raccontata*

da Umberto Eco”, “La storia di Don Giovanni raccontata da Alessandro Baricco”, “La storia de Il naso raccontata da Andrea Camilleri”, “La storia di Cyrano de Bergerac raccontata da Stefano Benni”, “La storia de Delitto e castigo raccontata da Abraham B. Yehoshua”, “La storia di Antigone raccontata da Ali Smith”. Эта серия, организованная Алессандро Барикко под эгидой «Библиотеки» “L’Espresso” — “La Repubblica” и туринской школы сторителлинга “Scuola Holden”, позиционируется как призванная «срочной необходимостью спасти великие истории от забвения и передать наследие Великих Классиков международной литературы молодым читателям»¹.

Второй тип ререйтинга представляют также популярные в настоящее время продолжения классических произведений, написанные современными писателями, в которых известные герои действуют в новых обстоятельствах. «...Новая встреча с уже известным персонажем в новых приключениях — это одно из самых бесспорных средств соблазнения читателя. В сложном издательском механизме эта стратегия, без сомнения, выгодна», — пишет Лаура Бриньоли, исследующая новую вариацию «Опасных связей» Ш. де Лакло, осуществленную бельгийским писателем Л. де Гревом (“Le mauvais genre”, 2000) [Бриньоли, 2020: 116].

На этом фоне особняком стоит книга Барикко “Omero, Piade”, название которой не дает ясного понимания о жанре и характере текста.

В предисловии Барикко объясняет, как появилась идея написать эту книгу: «Некоторое время назад я подумал, что было бы замечательно прочесть на сцене “Илиаду” целиком. Когда я нашел тех, кто мог это сделать <...> мне вдруг стало ясно, что на самом деле в том виде, в котором он существует, текст прочесть невозможно: потребовалось бы часов сорок и действительно очень терпеливая публика. Тогда я решил переделать его под сценическое прочтение»² [Baricco, 2014: 7].

Трансформации текста. Изменения, внесенные в текст «Илиады», как мы увидим, нашли отражение практически на всех уровнях текста: в ритме, структуре, сюжете, жанре и стиле произведения.

Структурно-сюжетный уровень. Изменения в структуре и сюжете в первую очередь бросаются в глаза. Из двадцати четырех песен «Илиады» в романе получается шестнадцать глав. Автор убирает многие элементы, лежащие в основе эпического характера поэмы. Наиболее показательным новшеством становится исключение

¹ “È una missione in forma di collana: salvare le grandi storie dall’oblio raccontandole alle nuove generazioni. Nasce da un’urgenza: quella di salvaguardare la trasmissione del patrimonio dei Grandi Classici della letteratura internazionale ai giovani lettori” (URL: http://temi.repubblica.it/iniziative-save-the-story/?refresh_ce).

² Все итальянские цитаты представлены в нашем переводе. — *О.Ш.*

из повествования олимпийских богов, которые у Гомера активно участвуют в событиях и руководят действиями героев: «я вырезал все явления богов. <...> Это фрагменты, возможно, самые чуждые современному восприятию, они часто раскалывают повествование на части, заставляя его терять динамичность, которая в противном случае была бы исключительной. Я бы все же их не вырезал, если бы был уверен, что они необходимы. Но — как ни плохо это звучит — они таковыми не являются» [Baricco, 2014: 8].

Устранение богов лишает текст эпичности и отражается на сюжете: многие события теперь лишаются своего объяснения или происходят случайно. Например, в сцене битвы Париса и Менелая Парису помогает Афродита, разрывая ремень, закрепляющий шлем:

Кожу вола, пораженного силой, она разорвала:
Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая

[Гомер, 1990: 46].

У Барикко читаем:

... кожаный ремень, крепко державший шлем на шее, порвался,
шлем пустой оказался в руке Менелая [Baricco, 2014: 33].

Барикко ориентируется на материализм современного читателя или слушателя, который не верит в потусторонние силы и многие события склонен объяснять случайностью.

Однако не всегда удается просто «изъять» богов из повествования, иногда ему приходится самому придумывать мотивировку поступков героев и, надо сказать, у него это получается хуже, чем у Гомера. В той же «Третьей песне» после того, как Парису удается благополучно избежать поражения от Менелая и скрыться в Трое, Афродита находит Елену, наблюдавшую за поединком у Скейских ворот, и требует, чтобы та немедленно шла к Парису. Елена пытается сопротивляться, тогда

Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:
«Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я, оставив,
Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.
Вместе обоих народов, троян и ахеян, свирепство,
Я на тебя обращаю, и погибнешь ты бедственной смертью».

[Гомер, 1990: 413–417]

В версии Барикко вместо Афродиты появляется некая прядильщица, которая пугает Елену и заставляет ее вернуться домой к Парису: «Тогда эта женщина сорвала с меня платок и заговорила. Это была старая прядильщица, она приехала со мной из Спарты, и шила для меня замечательные одежды. Она любила меня, а я ее боялась», — рассказывается от лица Елены. «“Осторожнее”, — говорила она

мне. — “И не заставляй меня сердиться. Я могу оставить тебя здесь, ты знаешь, и сеять ненависть повсюду, пока ты не умрешь страшной смертью”. *Она пугала меня, я уже сказала, старики часто внушают страх*». [Varicco, 2014: 33]

Усечению подвергается и перечисление ахейских вождей из второй песни, воплощавшее в тексте Гомера историческую память и сообщавшее определенный исторический масштаб описываемым событиям.

Подробные описания предметов, еще один из эпических топосов, также исчезают, например, знаменитое описание щита Ахилла уместается всего в три строки: «Он взял щит: тот был огромным и мощным, сверкал как луна. На нем была выгравирована вся вселенная: земля и воды, люди и звезды, живые и мертвые» [Varicco, 2014: 124].

К шестнадцати главам, передающим события эпической поэмы, добавляется глава “Demodoco», в которой рассказывается о Троянском коне и падении Трои. Барикко на основе дополнительных источников («Одиссеи» и более поздних текстов, описывающих взятие Трои) «дописывает» «Илиаду», придавая произведению сюжетную завершенность. О коне, предвеляя события, говорит Нестор: «Эту войну мы выиграли с помощью деревянного коня, огромного, заполненного воинами. Мы победили хитростью, а не поединком в открытом бою, честно, как рыцари. А это им, молодым, не нравилось никогда. Но я был стар. И Одиссей был стар. Мы знали, что эта старая война, которую мы вели, была долгой, и что победит в ней тот, кто будет способен сражаться по-новому» [Varicco, 2014: 58].

Стилистический уровень. Идея итальянского писателя заключалась в возрождении исконного способа представления поэмы Гомера, для которого она и была создана: чтения на публике. При этом поэма парадоксальным образом теряет свой декламационный характер: в версии Барикко, основанной на замечательном, но прозаическом итальянском переводе М.Г. Чани, утрачивается узнаваемый эпический ритм гомеровского текста.

Изменения в стилистическом оформлении ярко проявляются на синтаксическом и лексическом уровнях. Торжественный синтаксис гомеровской фразы, с разветвленной структурой, разнообразными придаточными, повторами и риторическими фигурами, восклицаниями и риторическими вопросами, превращается в подчеркнуто нейтральный синтаксис короткого простого предложения, с минимальным количеством придаточных и полным отсутствием риторических украшений. Эту синтаксическую, стилистическую и эмоциональную компрессию можно проиллюстрировать примером сцены отречения от гнева Ахилла в 19 Песне.

Вот как звучит речь Ахилла в классическом переводе В. Монти:

Tutti adunati, Achille surse e disse:
Atride, a te del par che a me sarìa
meglio tornato che tra noi non fusse
mai surta la fatal lite che il core
sì ne róse a cagion d'una fanciulla.
Dovea Diana saettarla il giorno
ch'io saccheggiai Lirnesso, e mia la feci,
ché tanti non avrian trafitti Achivi,
mentre l'ira io covai, morso il terreno.
Ettore e i Teucri ne gioîr, ma lunga
rimarrà tra gli Achei, credo, ed amara
de' nostri piati la memoria. Or copra
obblio le andate cose, e il cor nel petto
necessità ne domi. Io qui depongo
l'ira, né giusto è ch'io la serbi eterna.
Tu ridesta le schiere alla battaglia.
Vedrò se i Teucri al mio venir vorranno
presso le navi pernottar.

[Оmero, 1990]

Ср.: «Ахилле si alzò. Tutti tacquero. “Агамемноне”, disse. “Non è stata una grande idea litigare, io e te, per una ragazza. Fosse morta subito, appena salita sulla mia nave, tanti Achei non avrebbero morso la terra infinita mentre io sedevo lontano, prigioniero della mia ira. Comunque sia andata, è ora di dominare il cuore nel petto, e dimenticare il passato. Oggi io abbandono la mia ira e torno a combattere. Tu raduna gli Achei ed esortali a combattere con me, perché i Troiani la finiscano di dormire sotto le nostre navi”» [Baricco, 2014: 122]³.

Лексическое богатство гомеровского стиля оказывается не востребованным. Синонимические ряды, перифразы, поэтизмы и возвышенная лексика заменяются нейтральными лексемами, а иногда и словами, принадлежащими разговорному стилю, или даже жаргонизмами. В качестве примера приведем слова Диомеда, обращенные к троянцу Долону: сурово-торжественный гомеровский текст очень сильно понижается в регистре.

Da che ti spinse in poter nostro il fato,
Dolon, di scampo non aver lusinga,
benché tu n'abbia rivelato il vero.
Se per riscatto o per pietà disciolto
ti mandiam, tu per certo ancor di nuovo

³ «Ахилл поднялся. Все замолчали. “Агамемнон”, — сказал он, — “это была плохая идея — нам с тобой ссориться из-за девушки. Если бы она погибла, как только вошла на мой корабль, столько ахейцев не грызли бы бесконечную землю, а я бы не сидел вдалеке, в плену у собственного гнева. Как бы там ни было, теперь пора укротить сердце в груди и забыть прошлое. Сегодня я оставляю гнев и возвращаюсь в бой. Собирай ахейцев и воодушевляй их сражаться вместе со мною, хватит троянцам ночевать под нашими кораблями”» [Baricco, 2014: 122].

alle navi verresti esploratore,
o inimico palese in campo aperto.

[Omero, 1990: URL]

Диомед Барикко, пересказывающий свои собственные слова, обращается к публике (при помощи дискурсивного маркера “capito?”) и использует разговорные выражения (cavarsela — ‘выкрутиться’, un sacco di cose — ‘куча всего’, scappare — ‘сбежать’, schiacciare — ‘прикончить’):

«Pensava di cavarsela così, capito? “Pensi di cavartela così, Dolone? Scordatene. Ci hai detto un sacco di cose utili, grazie. Ma il fatto è che purtroppo sei nelle mie mani. Se ti lascio scappare, sai cosa succederà? Che domani ti ritrovo qui a fare la spia, o peggio, ti ritrovo davanti a me in battaglia, tutto armato, e con l’idea di uccidermi. Se invece ti schiaccio, adesso, domani non succederà niente di tutto questo”»⁴.

Как написал в своей рецензии М. Руджьери: «... в общем, Барикко, всегда бодрый и ясный, немного поучил писательскому ремеслу дурака Гомера, который, как все знают, иногда задремывает» [Ruggieri, 2004].

Жанровые сдвиги. Вместе с богами Барикко упраздняет также и самого Гомера. В его произведении нет повествователя, вместе с которым утрачивается и эпическая дистанция. Повествование ведется от лица героев, что должно, по мнению автора, актуализировать повествование. Барикко намеренно меняет историческую перспективу, получается «репортаж с места события». О событиях рассказывают от первого лица разные герои, как главные (например, Агамемнон, Одиссей, Эней, Елена), так и второстепенные (например, Хризеида, Терсит или Андромаха), безымянная кормилица и река. Им приписываются определенная гражданская позиция (антивоенная) и лирические переживания. Так, Хризеида недовольна тем, что ее вернули отцу. Барикко честно выделяет курсивом придуманные для нее переживания:

«Вы можете представить себе, во что превратилась потом моя жизнь? Иногда мне снится пыль, оружие, богатство и молодые герои. И всегда одно и то же место, на берегу моря. Запах крови и мужчин. Я живу там, и царь царей не жалеет своей жизни и жизни своих воинов ради меня: ради моей красоты и моего изящества. Когда я просыпаюсь, вижу рядом с собой отца. Он утешает меня и говорит: все позади, дочь моя. Спи. Все позади» [Baricco, 2014: 18].

⁴ «Он думал так выкрутиться, как вам? “Ты думаешь так выкрутиться, Долон? Забудь об этом. Ты рассказал нам кучу всего полезного, спасибо. Но дело в том, что ты у меня в руках. Если я дам тебе сбежать, знаешь, что будет? Завтра ты опять придешь сюда шпионить или, что еще хуже, я встречу тебя в бою, при оружии и с мыслью убить меня. Если же я сейчас прикончу тебя, завтра не произойдет ничего такого”». [Baricco, 2014: 78]

Таким образом, эпическое начало ослабляется, а лирическое усиливается, приближая рассказываемую историю к современному зрителю, что должно, по замыслу автора, сделать ее более понятной и легко воспринимаемой.

Иногда рассказчики повествуют о событиях, при которых они не могли присутствовать. Так, Хризеида, отправленная к отцу на корабле в сопровождении Одиссея, не может знать о том, что происходило в палатке Ахилла, тем не менее рассказ об этом ведется от ее лица.

Не всегда естественно от первого лица звучит саморепрезентация героев. Терсит говорит:

«Все меня знали. Я был самым уродливым человеком среди осаждавших Трои: кривой, хромой, с кривыми плечами, вывернутыми на грудь: остроконечная голова, покрытая редкими волосами». [Baricco, 2014: 19]

Нравственная и социально-философская позиция. Героическая эпическая поэма превращается в пацифистский роман. На первый план выдвигаются женские образы Елены и Андромахи, воплощающие антивоенный пафос. К ним присоединяются образы других героев, например, Терсита и Нестора, в монологи которых курсивом включены размышления о войне. Терсит говорит так:

«Я хочу рассказать вам о том, что я знаю, чтобы вы также поняли то, что понял я: Война — это мания стариков, которые посылают молодых сражаться в ней». [Baricco, 2014: 19]

И в конце, уже от лица автора, добавлен эпилог “Un'altra bellezza. Postilla sulla guerra”, в котором автор рассуждает о том, каким образом можно воспеть мир, говоря о войне:

«“Илиада” заставляет нас вспомнить нечто неприятное, но беспощадно истинное: тысячелетиями война была для людей обстоятельством, при котором интенсивность — красота — жизни вырывалась во всей своей силе и правде». [Baricco 2014: 19]

Своей задачей Барикко видит не отрицание этой красоты, а создание альтернативы для нее: «... задача настоящего пацифизма сегодня — не демонизация войны, а понимание того, что только когда мы будем способны создать другую красоту, мы сможем обойтись без той, которую война нам дарит испокон веков. [Baricco, 2014: 162]

Рецепция трансформаций и их причина. Книга Барикко имела большой успех: впервые вышедшая в 2004 г., она ежегодно переиздается и не по одному разу. Представленная как текст перформанса, она постепенно превратилась в самостоятельное литературное произведение, жанр которого читатели определили как *rivisitazione* или *rilettura*.

Сочетание двух известных имен — Гомера и Барикко — обеспечивает успех, и этот расчет, конечно, работает, и, очевидно, создает

дополнительный экономический эффект, оживляя продажи текстов самого Гомера. С точки зрения роли автора и авторских прав произошло перераспределение между фигурами Гомера и Барикко — Гомер представлен как часть творческого замысла итальянского писателя.

Представляет ли рерайтинг в данном случае угрозу для оригинального произведения, как считает Л. Бриньоли? Ей вторит Ирен Фантапье: «Переписать текст — значит взять его и подарить ему новую жизнь, но это значит одновременно забрать у него оригинальную форму и таким образом уничтожить» [Fantappiè, 2014: 139]. Перестанут ли читать «Илиаду» Гомера? Такого опасения филологи не выражают, хотя к роману Барикко отнеслись единодушно резко отрицательно, о чем можно судить, например, по язвительным рецензиям, собранным на сайте издательства «Фельтринелли». М. Руджери назвал произведение Барикко «бесполезной книгой с претензией» «светского демократического пацифиста». [Ruggieri, 2004] «Читаешь и не понимаешь, что читаешь. Гомер превращается в Барикко, Барикко становится Гомером. Преимущество у Барикко и промахи у Гомера. Книга претендует на то, что в конце концов позволит широкой публике заметить, что «Илиада» существует, что она переведена и ее даже можно прочитать. Со всей значительностью человека, придумавшего знаменитую школу письма “Холден”, Барикко предлагает нам себя как замену Гомеру» [Berardinelli, 2004].

Мнения читателей, напротив, резко разделяются⁵. Эмоциональные рецензии противников, они называют роман Барикко мусором, оскорблением культуры, коммерческим издательским проектом, бесполезным и опасным нанесением увечья поэме Гомера. Поклонники же текста Барикко отмечают, что им интересно читать роман, что он легко читается, более доступен и короче, чем оригинал, пробуждает интерес к тексту Гомера и помогает оценить красоту оригинала. На сайте *ibs.it*, где рецензентам предлагалось оценить книгу по пятибалльной шкале, положительных рецензий приблизительно в два раза больше, чем отрицательных.

Безусловно, спрос на такого рода литературную продукцию связан с прагматизмом современной реальности. Динамичность жизни, постоянная и всеобщая нехватка времени и привычка к информации как к легкой добыче выдвигают новые требования к культурной продукции. Антропоцентризм, атеизм и материализм современного человека обуславливают другое восприятие действительности, при котором события не требуют онтологического осмысления,

⁵ URL: <https://www.ibs.it/omero-iliade-libro-alessandro-baricco/e/9788807490316/recensioni>; URL: <https://www.unilibro.it/libro/baricco-alessandro/omero-iliade/9788807490316/recensioni>; URL: <https://www.sololibri.net/Omero-Iliade-Alessandro-Baricco.html>

достаточно объяснение случайностью. Всеобщая доступность и демократизация знания и эстетического содержания ведет к их выхолащиванию и примитивизации. Однако можно посмотреть на данный феномен и с другой стороны и увидеть в романе Барикко новый тип «эстетического» рерайтинга — недаром Барикко говорит о новой красоте. Его роман противопоставлен «Илиаде» так же, как современное искусство противопоставлено произведениям старых мастеров. Оно не представляет угрозы существованию античных шедевров, но позволяет одной категории своих адресатов соотносить себя с миром и найти свое место в реальности пропорционально собственному культурному уровню и экзистенциальному опыту, для другой категории читателей представляет интересную пищу для размышлений. *Suum cuique.*

Список литературы

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.; СПб., 2004.
2. *Винкельман И.И.* Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре / Пер. И.Н. Кузнецова. М., 1992.
3. Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. Л., 1990.
4. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы / Рус. пер. под общ. ред. Н.А. Машкина. М., 1937.
5. *Шлегель Ф.* О ценности изучения греков и римлян // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., 1983.
6. *Berardinelli A.* Difendiamo la mozzarella e non l'Iliade // Il Foglio, 28 settembre 2004. URL: http://archivio.feltrinellieditore.it/SchedaTesti?id_testo=1454&id_speclibro=11630 (дата обращения 11.11.20)
7. *Brignoli L.* Riscrittura e maschere dell'io: Le Mauvais genre di Laurent De Graeve // Aisthesis. Pratiche, linguaggi e saperi dell'estetico. 13 (1). Firenze, 2020. P. 115–125.
8. *Fantappiè I.* Riscritture, nel coll. Letterature comparate a cura di Francesco de Cristofaro, Roma, 2014.
9. *Omero Iliade.* Trad. V. Monti. Milano, Rizzoli, 1990. [Электронный ресурс] URL: https://www.rodioni.ch/busoni/bibliotechina/nuovifiles/iliade_h/index.htm (дата обращения 02.01.21).
10. *Petrarch Fr.* Familiar Letters. From James Harvey Robinson, ed. and trans. Petrarch: The First Modern Scholar and Man of Letters. New York, 1898. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/files/48776/48776-h/48776-h.htm> (дата обращения 02.01.21).
11. *Ruggeri M.* I pacifisti del salotto buono arruolano pure Achille e Omero. // «Libero», 23 settembre 2004. [Available at] URL: http://archivio.feltrinellieditore.it/SchedaTesti?id_testo=1451&id_speclibro=11630 (дата обращения 10.10.20).

Olga Shkolnikova

**BARRICO'S REWRITING OF "THE ILIAD":
THE EVOLUTION OF THE RECEPTION
OF CLASSICAL LITERATURE**

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Over the past decade, in modern Italian literature one can observe a surge of interest in classical texts and the appearance of a whole series of reworkings of masterpieces of world literature, which fact is primarily associated with the name of Alessandro Baricco. A well-known Italian writer, playwright, journalist, musician and literary critic, participant in many synthetic projects, who put the training of writing on a commercial basis at Scuola Holden, Baricco has also organised "Save the Story" series, in which the most famous Italian writers retold works of world classics "to save them from oblivion". The subject of research is Baricco's reworking of "The Iliad", which stands alone in this series of alterations. As a "by-product" of the project of the oral presentation of *The Iliad* on stage, Baricco's novel was published and revealed a number of transformations that the Italian writer introduced into the Homeric text, radically changing its style, structure and even genre. The most important innovation of A. Baricco was the exclusion of the Olympic gods from the plot, which, according to the writer, simplified the picture of the poem's world and made it more accessible to the modern reader. The lyrical character of the epic poem communicates the transformation of "songs" into monologues, colored with a pronounced pacifist pathos. Baricco "gives the floor" to female characters, bringing them to the fore. A number of fragments were added, their foreignness in relation to the original text being emphasized by italics. The prosaic translation of M.G. Ciani, which became the basis of the text of the novel, is subjected to syntactic simplification and stylistic neutralization; lowering of the register is also achieved by the introduction of colloquial vocabulary; discourses designed to establish a communicative connection with the audience. The transformations of the text discussed in the article, as well as the peculiarities of the perception of Baricco's novel by critics and readers, become the basis to determine the type of rewriting used by the Italian writer.

Key words: Italian literature; Alessandro Baricco; literary alterations; Homer "Iliad".

About the author: *Olga Shkolnikova* — Prof. Dr., Departement of the Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: chkolnikova@mail.ru).

References

1. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenii.* [Introduction to Translation Studies. Text-

- book for students of philological and linguistic faculties of higher educational institutions.] Moskva, S. — Peterburg, *Academia*, 2004. 352 s.
2. Vinkel'man I.I. *Mysli o podrazhanii grecheskim proizvedeniyam v zhivopisi i skul'pture*. [Thoughts on imitating Greek works in painting and sculpture.] Per., I.N. Kuznetsova. M., *Institut Vseobshchei Istorii RAN*, 1992. 50 s.
 3. Homer *Iliad*. Per. N.I. Gnedicha. L., *Nauka*, 1990. 572 s.
 4. Mommmen T. *Istoriya Rima. T. 2. Ot bitvy pri Pidne do smerti Sully. Russkii perevod pod obshchei redaktsiei N.A. Mashkina*. [History of Rome. Volume 2. From the Battle of Pidna to the death of Sulla. Russian translation edited by N.A. Mashkin.] Moskva, *Gos. sotsial'no-ekonomich. izd-vo*, 1937. 445 s.
 5. Shlegel' F. *O tsennosti izucheniya grekov i rimlyan*. Shlegel' F. Estetika. Filosofiya. Kritika. Tom 1. [*On the value of studying the Greeks and Romans*. Schlegel F. Aesthetics. Philosophy. Criticism. Vol. 1] Moskva, *Iskusstvo*, 1983. 480 s.
 6. Petrarch Fr. *Familiar Letters*. From James Harvey Robinson, ed. and trans. Petrarch: The First Modern Scholar and Man of Letters. New York: *G.P. Putnam*, 1898. [Available at] URL: <https://www.gutenberg.org/files/48776/48776-h/48776-h.htm> (accessed on 02.01.21)
 7. Berardinelli A. Difendiamo la mozzarella e non l'Iliade. *Il Foglio*, 28 settembre 2004. [Available at] URL: http://archivio.feltrinellieditore.it/SchedaTesti?id_testo=1454&id_speclibro=11630 (accessed on 11.11.20)
 8. Brignoli L. *Riscrittura e maschere dell'io: Le Mauvais genre di Laurent De Graeve* In: Aisthesis. Pratiche, linguaggi e saperi dell'estetico. 13 (1). Firenze, 2020. P.115–125.
 9. Fantappiè I. *Riscritture, nel coll. Letterature comparate a cura di Francesco de Cristofaro*. Roma, *Carocci*, 2014, p. 139.
 10. Omero *Iliade*. Trad. V. Monti. Milano, *Rizzoli*, 1990. URL: https://www.rodioni.ch/busoni/bibliotechina/nuovifiles/iliade_h/index.htm (дата обращения 02.01.21)
 11. Ruggeri M. I pacifisti del salotto buono arruolano pure Achille e Omero. *Libero*, 23 settembre 2004. [Available at] URL: http://archivio.feltrinellieditore.it/SchedaTesti?id_testo=1451&id_speclibro=11630 (accessed on 10.10.20).

А.С. Ефимов

**ДИЛОГИЯ В.В. КРЕСТОВСКОГО «КРОВАВЫЙ ПУФ»
И ГОТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
(Константин Калиновский как «Проклятый скиталец»)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Дилогия В.В. Крестовского «Кровавый пуф» — «Панургово стадо» (1869), «Две силы» (1874) — один из первых этапов мифологизации и демонизации Константина Калиновского (1838—1864), революционера-социалиста, одного из руководителей Польского восстания 1863—1864 гг. У Крестовского он действует под псевдонимом «Василий Свитка», но в итоге и подлинное имя становится известным. «Кровавый пуф» уже обсуждался в связи с жанром русского антинигилистического романа 1860—1880 гг., но его литературные контексты остаются малоизученными, и в первую очередь это относится к готической прозе второй половины XVIII — первой половины XIX в. Между тем поэтика «ужаса и тайны» оказалась близка Крестовскому; во всяком случае, тема «проклятого скитальца» была использована при формировании образа Василия Свитки / Константина Калиновского. В дилогии ему сопутствуют мотивы «оборотничества», непрерывного странствия, межпространственных прыжков, договора с нечистой силой, подстрекательства, сеятеля смерти, неискупимости грехов, неуспокоенности, лжи и т.д. Они связаны с типично готическим сюжетом проникновения в страшную тайну героя-имморалиста и обнаружения сокрытого — жертв, результата нарушенных общечеловеческих табу, и в этом смысле преступление воспринимается как вызов мирозданию. Социально-политические процессы 1861—1864 гг. интерпретируются Крестовским с консервативных позиций. Предчувствуя приближающуюся революционную катастрофу, он воспринимал польское восстание как предвестие общерусской смуты, а потому, изображая нигилистов и польских инсургентов, стремился выявить и подчеркнуть их «демоническую» сущность, и с этой целью обращался к наследию готической литературы.

Ключевые слова: русский антинигилистический роман; Всеволод Крестовский; готическая проза; проклятый скиталец; Константин Калиновский; готический мотив; готический сюжет; русский нигилизм; революция.

Ефимов Антон Сергеевич — соискатель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: antonefimov33@gmail.com).

«Кровавый пух» В.В. Крестовского рассматривается в данной работе в связи с обширной темой влияния готической литературы¹ на русскую антинигилистическую прозу 1860—1880 гг. [Ефимов, 2019, 2020]. Ее связь с «готикой» не эфемерна. Их объединяет прежде всего общая тема тирании: насильственного навязывания своей воли. В первом случае это герои-иммориалисты, поставленные «вне общества, его законов и морали» [Вацура, 2002: 93], представленные в образах *трагических властителей, ведомых грешников, проклятых скитальцев*, преступающих табу. А во втором — нигилисты, изображавшиеся «маленькими диктаторами», пытавшимися навязать России революцию [Старыгина, 2003, 2017]; [Сорокин, 1964]. В отдельных готических романах, например, в «Монахе» (1796) Льюиса, «Мельмоте скитальце» (1820) Метьюрина, в «Доне Коррадо де Геррера, или духе мщения варварства гишпанцев» (1803) Н.И. Гнедича и др. содержатся отсылки к революционным событиям, в том числе — французским, воспринимаемым как явление негативное и в той же степени тираническое, что и несправедливая власть правителя. Показателен альманах Карамзина «Аглая» (1794—1795), где тема революции оказалась связана с «таинственным и ужасным». С одной стороны, в повестях «Остров Борнгольм» (1794), «Сиерра-Моррена» (1795), «Дремучий лес» (1795) обыгрывались мотивы и сюжеты готических романов, а с другой стороны, в письмах Филалета и Мелодора выдвигалась тема французской революции как предвестия гибели европейской цивилизации. В «Острове Борнгольме» «готическое» объединено с «антитираническим» / «антиреволюционным». Образам устрашающего замка, его мрачного властителя и таинственной пленницы предшествуют рассуждения повествователя о французской революции и ее последствиях: «Свет наук распространяется более и более; но еще струится на земле кровь человеческая — лиются слезы несчастных — хвалят имя добродетели и спорят о существовании ее» [Карамзин, 1794: 106].

В «Кровавом пухе» представление о революции как исторической катастрофе выдвигается как естественная и единственно возможная позиция [Склеинис, 2004]. Готическая литература стала для Крестовского источником приемов демонизации нигилистов. Готический «проклятый скиталец» был переосмыслен в контексте актуальной социально-политической проблематики, и одним из результатов этого переосмысления оказался обсуждаемый нами образ Константина Калиновского.

¹ Влияние «готики» распространилось и на другие произведения Крестовского, в частности на роман «Петербургские трущобы» (1864), написанный под влиянием «Парижских тайн» (1842) Сю, ориентировавшегося на литературу тайн и ужасов [Косоков, 1993: 43—44].

В «Кровавом пуфе» у него несколько имен — «Василий Свитка, Францишек Пожондковський», и только в конце романа «Две силы» выясняется, что под псевдонимами скрывался именно невымышленный Калиновский (польск. Wincenty Konstanty Kalinowski) (1838—1864), возглавлявший весной 1863 г. боевые действия повстанцев в Литве и Белоруссии, по приговору суда повешенный в Вильне 10 марта 1864 г. [Смирнов, 1963]. Сам Калиновский обычно представлялся Викентием, а в период Польского восстания 1863—1864 гг. действовал как Константин (Константын) [Гронский, 2008: 82—83]. В «Кровавом пуфе»: «У этого человека есть несколько имен, между прочим и имя Свитки; но кто он такой в сущности и как его подлинное имя — это мне известно столько же, сколько тебе» [Крестовский, 1904: 557]² — рассказывает Хвалынцев, одна из жертв хитроумного агента польской повстанческой организации «Ржонд народовы» («Народное правительство»). Василий Свитка — «оборотень», а «оборотничество» — мотив, характерный для готической литературы (ср. ситуацию в романе «Монах», где Сатана приказывает «мелкому, но ловкому» бесу принять облик прекрасной Мадонны и проникнуть в монастырь под видом монаха, чтобы совратить и погубить Амбросию, почитаемого за святого). Герой Крестовского перевоплощается, чтобы совращать умы, причем в процессе этих перевоплощений теряется даже его национальность. «Василий Свитка, из хохлов» (87) — представляется он, чтобы войти в доверие. Но Крестовский связывает его с Литвой: «О всем литовском он говорил и вспоминал не иначе как с похвалой и неким сладостным умилением. Чувство родины» (298).

«Оборотничество» Свитки выражается и в постоянных переодеваниях и имитации той или иной социальной принадлежности. В Славнобубенске (Казань) он в облики мещанина, «по делам зятя» (86), но никакого зятя у него нет, Калиновскому не более двадцати пяти лет. Он выдает себя и за студента, и за торговца (представителя неких предприятий). А в деревне Жегуля у Волги «скиталец» предстает перед селянами в образе крестьянина и оказывается неплохим артистом: «Свитка достал из котомки гармонику и заиграл на ней развеселую песню» (106). В Петербурге же образ другой: «Свитка, против обыкновения, щеголял теперь в не в чамарке, а в обыкновенном пиджаке» (277). А в лесах Польши, в родовом замке графов Маржецких (таинственное уединенное место в духе готических романов), герой появляется в партикулярном костюме гражданского делегата «Литовского Отделения» повстанческих сил.

² Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Свитка совершает «прыжки» между географическими точками (в этом он подобен герою «Мельмота скитальца») от Поволжья до Петербурга и Варшавы: «Константин [Хвалынцев] обернулся и просто ошалел от изумления. Перед ним стоял и улыбался Свитка, воочию тот самый Свитка, который давеча проводил его на железную дорогу и простился, так что Хвалынцев был убежден, что посвяtitель и ментор его остался в Петербурге, а он вдруг — на тебе! — через четыре часа пути является тут как тут [на станции Луга], неожиданный, негаданный» (295). Также «пред изумленными глазами Хвалынцева» он появляется и в Варшаве: «Что, небойсь, не ожидали такой встречи?» (443). А в Петербурге во время майских пожаров 1862 г. Свитка мгновенно исчезает, когда в нем и его «знакомце» нигилисте-еврее Фрумкине народ начинает подозревать поджигателей: «<...> тотчас же юркнул назад и затерялся в толпе» (278).

Сопутствуют Свитке / Калиновскому и мотивы договора с нечистой силой и подстрекательства, связанные в готической литературе, например, с образами Матильды из «Монаха», Мельмота, Басаврюка из «Вечера накануне Ивана Купалы», демона-незнакомца в «Страшном гадании» Бестужева-Марлинского и др. «Я ваш — и душой и телом!» (89) — говорит бывший гимназист Иван Шишкин, когда Свитка опутывает его лестью и очаровывает романтикой борьбы за свободу. Исключение Шишкина из гимназии тоже спровоцировано поляками. На публичном вечере его подтолкнули прочитать стихотворение «Орел», высмеивающее государственный герб. Так была подготовлена встреча юноши с «демоном-искусителем». Уже вдвоем они подстрекают «мужиков» в поволжских деревнях, убеждают, что воля (Манифест 19 февраля) дана абсолютная, но помещики это скрывают, поэтому нужно «подниматься». А в Петербурге Свитка «подогревает» взволновавшееся студенчество и сетует, когда молодые люди разбегаются при виде войск: «Ах, трусы, трусы! — злобно и презрительно ворчал себе сквозь зубы; — и тут постоять за себя не могут!.. А для довершения эффекта хорошо, кабы разик горошком хватило, — подумал он; последствия, даст Бог, были бы добрые... поднялось бы скорей» (132). Характерно, что Свитка, подобно демоническим персонажам «готики», не хочет пачкать руки сам, его задача — завладеть «душой». Поэтому на петербургском пожаре его возмущают подозрения в причастности поляков к поджогам: «<...> у них пока еще, слава Богу, есть другие средства борьбы; а на это дело и из своих, из русских, найдется достаточно героев» (277).

Тема революции непосредственно связана с мотивом вершения судеб. Свитка — прокурор Народного трибунала, выносящего смертные приговоры отступникам и врагам восстания (русским

чиновникам, офицерам и солдатам). Решение, кому жить, а кому нет — в «готике» связано прежде всего с образом *трагического властителя*. Ср. Манфреда из «Замка Отранто» (1764) Уолпола, героя «Ватека» (1782) У. Бекфорда, Монтони из «Удольфских тайн» (1794) Радклиф, старика в повести «Остров Борнгольм» Карамзина и др. Но и революционеры, как их изображает Крестовский, стремятся решать вопросы жизни и смерти. «Проклятый скиталец» «Кровавого пуфа» еще и радикал-социалист, он выступает против «белых» (аристократов) в командовании армией. «Главное дело, чтобы воеводские комиссары были из наших <...> трибунал должен быть неумолим, террористичен, с немедленной смертной карой за малейшее неповиновение!» (410). Радикалом был и исторический Константин Калиновский: «<...> призывал к геноциду дворян как сословия, не останавливаясь даже перед убийством грудных детей» [Гронский, 2008: 86]. В этом смысле он не слишком сильно отличался от русских нигилистов-революционеров, которые, впрочем, никогда не были настроены националистически. В прокламации «К молодому поколению» (1861) Шелгунова утверждается готовность «вырезать 100 тыс. помещиков» [Шелгунов, 1861: 339]. В «Молодой России» (1861) П.Г. Заичневского государство представляется как две партии: народная и императорская. И первая, безусловно, должна уничтожить вторую, организовав революционный террор [Заичневский, 1861: 144].

Одержимость — еще одна общая черта Свитки / Калиновского и готического «проклятого скитальца». Если, скажем, лорд Рутвен из «Вампира» Полидори одержим жаждой крови, то герой Крестовского — жаждой бунта. И когда Польское восстание проваливается, он не может обрести покой: «Калиновский окончательно потерял голову. <...> Это было теперь уже не дело, а скорее одна только безумная мечта мономана, фанатика революционной идеи» (573). Но вместе с одержимостью Свитке передалась и сентиментальность «проклятого скитальца», который настолько одинок, что привязывается к своим спутникам / жертвам. Подобно тому, как лорд Рутвен увидел друга в Обри, главном герое рассказа, а Павел из «Уединенного домика на Васильевском» А.С. Титова и Пушкина «приятельствует» с демоном Варфоломеем (образ которого, в свою очередь, связан с Рутвеном и с Мельмотом), Свитка привязывается к Хвалынцеву, которого переманил на сторону восставших и привез в Польшу. И когда молодого человека, разочаровавшегося в идеях революции, трибунал Ржонда приговаривает к смерти от руки кинжальщика (убийцы, нанятого в криминальном мире Варшавы), Свитка разбит: «Это я запутал его в дело... Я один виноват... <...> Вся вина его только в несходстве

убеждений с Паляницей³. Примените к нему статью кодекса об изгнании... <...> Спасите, если можете!» (480). Но ему отказывают, и Свитка смиряется, для него революция и восстание превыше дружбы. Он вынужден «пить кровь» и «собирать души».

Крестовский обратился к типу «готического» «проклятого скитальца», чтобы собрать в один сюжет социально-политические события 1861–1864 гг. и интерпретировать их с антиреволюционных позиций в ключе «таинственного и ужасного». С одной стороны, он стремился поддержать получившую широкое распространение в консервативной среде концепцию «управляемого нигилизма», нужного лишь для ослабления правительства и армии на фоне приближаемых вооруженных действий⁴. А с другой стороны, взгляд Крестовского на революцию как тиранию соответствует идеологии, которая была выдвинута еще французской монархической эмиграцией конца XVIII в., а также консервативно настроенной частью европейской общественности, и нашла отражение в готической прозе конца XVIII — первой половине XIX в. и в «Аглае» Карамзина.

Список литературы

1. Вацуро В.Э. Готический роман в России. М., 2002.
2. Гронский А.Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя // Беларуская думка. 2008. № 2. С. 82–87.
3. Ефимов А.С. Русский антинигилистический роман 1860–1870 гг. и «готический сюжет» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. С. 18–22.
4. Ефимов А.С. Повесть «Фатальная жертва» А.А. Дьякова (А. Незлобина) и мотив «нечестивого собрания» // Litera. 2020. № 3. С. 34–40.
5. Ефимов А.С. «Тайны современного Петербурга» В.П. Мешерского и «Уединенный домик на Васильевском» В.П. Титова и А.С. Пушкина // Litera. 2020. № 1. С. 124–134.
6. Заичневский П.Г. Молодая Россия. Прокламация // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М., 1997. С. 142–150.
7. Карамзин Н.М. Остров Борнгольм // Аглая. Москва: Университетская типография Ридигера и Клаудия, 1794. С. 92–118.
8. Катков М.Н. Беспорядки в высших учебных заведениях // Собрание передовых статей Московских ведомостей: 1869 год. М., 1897. С. 303–310.
9. Крестовский В.В. Кровавый пуф // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского: В 8 т. СПб., 1904. Т. 3.

³ Это еще один «исторический персонаж», его прототип А.А. Потенба (1838–1863), один из руководителей Комитета русских офицеров в Польше и варшавского отдела Земли и Воли.

⁴ Ср.: «Что такое нигилизм? Не создан ли он затем, чтобы служить средством для людей и партий не безразличных в выборе средств?» [Катков, 1869: 308–309]

10. *Косиков Г.К.* Два пути французского построманизма: символисты и Лотреамон // *Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора.* М., 1993. С. 284–421.
11. *Смирнов А.Ф.* Кастусь Калиновский. Минск, 1963.
12. *Сорокин Ю.С.* Антинигилистический роман // *История русского романа: В 2 т. Т. 1.* М.; Л., 1964. С. 97–120.
13. *Склейнис Г.А.* Жанровое своеобразие дилогии В.В. Крестовского «Кровавый пуф». Магадан, 2004.
14. *Старыгина Н.Н.* Контекстуальное содержание литературной ситуации в русской культуре 1850–1870 гг. // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2017. № 4. С. 225–233.
15. *Шелгунов Н.В.* К молодому поколению // *Н.В. Шелгунов, Л.Я. Шелгунова, М.Л. Михайлов. Воспоминания: В 2 т. Т. 1.* М., 1967. С. 332–349.

Anton Efimov

**“BLOODY HOAX” BY VSEVOLOD KRESTOVSKY
AND GOTHIC LITERATURE
(Konstantin Kalinovsky as “The Cursed Wanderer”)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Krestovsky’s work was discussed in domestic and foreign literary criticism in connection with the genre of Russian anti-nihilistic novel of 1860–1880. But its literary contexts were considered to a lesser extent, in particular, Gothic prose of the second half of the 18th — first half of the 19th centuries. The article examines the image of Konstantin Kalinovsky (1838–1864) from the point of view of exploiting the model of the Gothic cursed wanderer. The duology “Bloody Hoax” by Vsevolod Krestovsky is one of the first stages of mythologizing and demonising Kalinovsky, revolutionary socialist, one of the leaders of the Polish uprising of 1863–1864. In Krestovsky’s novels, he acts under the pseudonym Vasily Svitka, but as a result, his real name becomes known. The purpose of the article is to describe Gothic motives associated with this character. Comparative-historical and cultural-historical research methods are applied. Krestovsky combined the “gothic” with the “polemical” to depict nihilists and Polish-Lithuanian agents. Topics of anti-nihilist polemics such as secret revolutionary societies, terrorism, persecution of traitors within insurgent and revolutionary organizations, and the attitude to man as a material for a “common cause” (revolution) are interpreted in the spirit of a literature of secrets and horrors.

Key words: Russian anti-nihilistic novel; Vsevolod Krestovsky; gothic prose; cursed wanderer; Kastus Kalinovsky; gothic motive; gothic plot; nihilism; revolution.

About the author: *Anton Efimov* — PhD Student, Department of The History of Russian literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: antonefimov33@gmail.com).

References

1. Vatsuro V.E. *Goticheskij roman v Rossii* [Gothic romance in Russia]. Moscow: NLO, 2002. 542 p.
2. Gronskij A.D. Kastus` Kalinovskij: konstruirovaniye geroya [Kastus Kalinovskiy: building a hero]. *Belaruskaya dumka*. 2008. No. 2. P. 82–87.
3. Efimov A.S. Povest' "Fatal'naya zhertva" A.A. D'yakova (A. Nezlobina) i motiv "nechestivogo sobraniya" [The story "Fatal sacrifice" by AA Dyakov (A. Nezlobina) and the motive of the "unholy meeting"]. *Litera*. 2020. No. 3. P. 34–40.
4. Efimov A.S. Russkij antinigilisticheskij roman 1860–1870 gg. i "goticheskij syuzhet" [Russian anti-nihilistic novel 1860–1870 and "Gothic plot"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019. No. 12. P. 18–22.
5. Efimov A.S. "Tajny sovremennogo Peterburga" V.P. Meshcherskogo i "Uedinyonnyj domik na Vasil'evskom" V.P. Titova i A.S. Pushkina ["Secrets of modern Petersburg" by V.P. Meshchersky and "A secluded house on Vasilievsky" by V.P. Titov and A.S. Pushkin]. *Litera*. 2020. No. 1. P. 124–134.
6. Zaichnevskij P.G. *Molodaya Rossiya. Proklamaciya* [Young Russia. Proclamation]. *Revolucionnyj radikalizm v Rossii: vek devyatnadcatyj. Dokumental'naya publikaciya* [Revolutionary radicalism in Russia: the nineteenth century. Documentary publication]. Moscow: RAN. Institut Rossijskoj istorii. 1997. P. 142–150.
7. Karamzin N.M. Ostrov Borngol'm [Bornholm Island]. *Aglaya*. Moscow: *Ridiger and Claudia University Printing House*. 1794. P. 92–118.
8. Katkov M.N. *Besporjadki v vysshix uchebnyx zavedeniyax* [Riots in higher educational institutions]. *Sobranie peredovyx statej Moskovskix vedomostej: 1869 god* [Collection of leading articles of the Moscow Gazette: 1869]. Moscow. 1897. P. 303–310.
9. Krestovskij V.V. *Krovavyj puf* [Bloody hoax]. *Sobranie sochinenij Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo v 8 tomakh* [Collected works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky in 8 volumes]. Saint Petersburg, 1904. Vol. 3. 622 p.
10. Kosikov G.K. *Dva puti francuzskogo postromanizma: simvolisty' i Lotreamon* [Two ways of French post-Romanism: the Symbolists and Lautreamont]. *Poe'ziya francuzskogo simvolizma. Lotreamon. Pesni Mal'dorora. Isidor Dyukass* [Poetry of French Symbolism. Lautreamont. Songs of Maldoror]. Moscow: MGU, 1993. P. 284–421.
11. Smirnov A.F. *Kastus' Kalinovskij* [Kastus Kalinovskiy]. Minsk: *Gosizdat BSSR*. 1963. 200 p.
12. Sorokin Yu.S. *Antinigilisticheskij roman* [Anti-nihilistic novel]. *Istoriya russkogo romana* [History of the Russian novel]. Moscow, Leningrad: *Akademiya nauk SSSR*. 1964. Vol. 1. P. 97–120.
13. Sklejnjs G.A. *Zhanrovoe svoeobrazie dilogii V.V. Krestovskogo "Krovavyj puf"*. [Genre originality of V.V. Krestovsky "Bloody hoax"]. Magadan: *Kordis*. 2004. 122 p.
14. Starygina N.N. *Kontekstual'noe sodержanie literaturnoj situacii v russkoj kul'ture 1850–1870 gg.* [The contextual content of the literary situation in Russian culture 1850–1870].

- tion in Russian culture in 1850–1870]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2017. № 4. P. 225–233.
15. Shelgunov N.V. K molodomu pokoleniyu [To the younger generation]. N.V. Shelgunov, L. Ya. Shelgunova, M.L. Mixajlov. *Vospominaniya* [N.V. Shelgunov, L. Ya. Shelgunova, M.L. Mikhailov. *Memories*]. Moscow: *Hudozhestvennaya literatura*. 1967. Vol. 1. P. 332–349.

А.В. Маньковский

РЕЦЕПЦИЯ ЖАНРА РОМАНТИЧЕСКОЙ «МИСТЕРИИ» В ТВОРЧЕСТВЕ РАННЕГО И.С. ТУРГЕНЕВА

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам РАН»
117418, Москва, Нахимовский проспект, д.51/21*

В статье обсуждается жанровая природа некоторых ранних произведений И.С. Тургенева. Драматическую поэму «Стено» (1834) чаще всего сравнивают с «Манфредом» (1817) Байрона, а одноактную незавершенную драму «Искушение святого Антония» (1842) — с «Женщиной-дьяволом, или Искушением святого Антония» из цикла «Театр Клары Газуль» (1825) П. Мериме. Автор пытается показать, что оба произведения Тургенева, первое из которых по традиции печатают в Собраниях сочинений среди поэм, а второе — среди драматических произведений, принципиально относятся к одному и тому же жанру драматической поэмы, процветавшему в европейской литературе в эпоху романтизма и даже повлиявшему на генезис «Фауста» (1832) Гете; в русской литературе произведения этого жанра присутствуют в основном в литературе «второго ряда» 1830-х — нач. 1840-х годов.

Жанр драматической поэмы многолик, отсюда разнообразие его имен: романтическая «мистерия», лирическая драма, драматическая поэма, философско-символическая драма и др. Автор предлагаемой статьи перечисляет признаки жанра и обнаруживает их в произведениях Тургенева, прежде всего в «Искушении святого Антония»; «Стено» привлекается в основном для сопоставления и уяснения жанровой природы неоконченной драмы. Выводы, к которым приходит автор, открывают перспективы для анализа с указанной точки зрения некоторых других произведений классической русской литературы («Русалки» (1829–1832) Пушкина, «Снегурочки» (1873) Островского).

Ключевые слова: романтическая «мистерия»; драматическая поэма; романтизм 1830-х — начала 1840-х годов; И.С. Тургенев; «Стено»; «Искушение святого Антония».

В 1830-х и отчасти в 1840-х годах в русской литературе был в моде жанр романтической «мистерии» (другие названия: драматическая поэма, лирическая драма, позднее — философско-символическая

Маньковский Аркадий Владимирович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН (e-mail: arkadyumankovsky@yandex.ru).

драма и т.д.; см.: [Жирмунский, 1982: 24, 125, 126, 352, 353; Максимов, 1964: 203; Вацуро, 1982: 351–352]¹ и др.). Его главные признаки: двуплановость действия и картины мира; присутствие фантастических персонажей²; вставные *номера* как следствие применения «методики внежанровых (лирических и эпических) вкраплений» [Карельский, 1992: 78], почерпнутой романтиками у Шекспира; стилистически ярко окрашенные ремарки. Часто изображается, «по примеру Гете, символический жизненный путь героя-идеалиста, искателя смысла жизни, за душу которого борются небесные и демонические силы» [Жирмунский, 1982: 126]. Важна и подразумеваемая самим названием ориентация жанра на средневековый театр (мистерии и моралите)³.

К таким «мистериям» относится, прежде всего, «Ижорский» Кюхельбекера — самое, пожалуй, известное произведение жанра благодаря трудам Гынянова — и, возможно, его же пьеса-сказка «Иван, Купецкий сын». Другие произведения 1830-х — первой половины 1840-х гг., которые можно отнести к указанному жанру: «Pot-rouggi, или Чего хочешь, того просишь» В.С. Печерина; «Поэт», «Жизнь и смерть», «Последний день» и «Елизавета Кульман» А.В. Тимофеева; «Граф Мец» А.К. Жуковского (Е. Бернета); «Альма» В.И. Соколовского; «Ночь на распутье, или Утро вечера мудренее» В.И. Даля; «Жизнь чиновника» и, хотя бы отчасти, «Зимняя дорога» И.С. Аксакова. Возможно, к ним примыкает и «Азраил»⁴ Лермонтова. Сюда же относятся «Стено» (1834) молодого Тургенева и его же неоконченное «Искушение святого Антония» (1842), о которых мы и хотим поговорить подробнее.

На фоне неослабевающего интереса к творчеству Тургенева, в том числе и к его драматургии, эти произведения почти не становились предметом отдельных работ (см., однако, [Захарченко, 2005: 156–164; Исакова, 2011; Исакова, 2013: 12–21]; отдельные замечания и наблюдения встречаются в [Зорин, 2009: 71–72, 73; Модина, 2009: 51–52; Титова, 2018: 53–54]); и, во всяком случае, они не рассматривались под углом зрения, предлагаемым в данной статье.

¹ Теория жанра на обширном материале, правда, немецкой литературы дана в: [Карельский, 1992: 76–100, 136–139 и сл.].

² Наличие фантастического элемента нередко выражается указаниями на несомненные феерические эффекты (театральные «чудеса», машинные «трюки»), свидетельствующие о родстве литературного жанра «мистерий» и сугубо сценического жанра обстановочных спектаклей, который процветал на русской сцене начиная со второй половины XVIII в., а на сценах европейских театров — и того раньше [Ginisty, 1910].

³ См.: [Маньковский, 2008: 11–12]; см. также: [Маньковский, 2003: 122]. Данная работа служит продолжением этих статей.

⁴ См.: [Маньковский, 2012].

М.О. Гершензон, опубликовавший «Стено» ([Тургенев, 1913]), называет поэму *сколком* с «Манфреда»⁵ и прослеживает связь с замыслом Байрона на всех уровнях: от заимствования самой «идеи-образа человека, утверждающего свою самочинность пред лицом естества» [Гершензон, 1913: 261]⁶, до совпадения ряда сцен и прямой текстуальной зависимости.

«Стено» представляет интерес не только как проба пера будущего великого писателя. Тургенев вносит нечто свое в байроновский замысел, неуловимо меняя его, и эти изменения гораздо более значительны, чем, скажем, новации А.В. Тимофеева, так же, как и все почти творцы русских «мистерий», ориентировавшегося на Байрона. Так, он вводит в число персонажей женский образ, отсутствующий у Байрона, — предвестие других тургеневских женских образов. Тургенев отбрасывает большую часть символики «Манфреда», составляющей второй план поэмы: Духов, Парок, Аримана, Немезиду, Фею Альп и проч.⁷ (правда, во 2-м явл. II д. перед Стено предстает его Демон, а в заключительной сцене, в 3-м явл. III д. — над морем, в пространстве звучат таинственные голоса). При этом общая схема развития действия сохраняется. Такая интерпретация поэтики жанра и самого сюжета известного произведения имела свои последствия. Одно из них — неоправданность и необъяснимость некоторых поступков и состояний главного героя, оправданных и объяснимых в «Манфреде». Так, дойдя до высшей патетики в своем первом монологе, в Колизее (сцена I, д. I), Стено вдруг восклицает:

Мне дурно, сердце ноет... все темнеет...
Вокруг меня... О... Стено... это смерть! —

после чего «падает без чувств». У Тургенева это кажется не оправданным психологически, несмотря на попытку подготовить обморок в течение предыдущего монолога. Ключ к ситуации дают соответствующие сцены из «Манфреда», в одной из которых героиня также падает в обморок⁸, а в другой совершает попытку самоубийства. Но поступки и состояние героя у Байрона определяются его общением с духами. Эти мотивировки отброшены Тургеневым вместе с фантастическим элементом, по крайней мере в указанной сцене.

Господствующей формой драматической композиции в «Стено», как и в «монодрамах» Байрона, остается лирический монолог. В «Стено» больших лирических монологов героя несколько; один из них произносится в 1-м явл. III д. в келье монаха Антонио, к ко-

⁵ Автор в зрелые годы и сам сознавался в «рабском» подражании Байрону в этой поэме [Тургенев, 1983: 11].

⁶ Та же мысль сформулирована иначе в: [Гершензон, 1919: 9, 11 и сл.].

⁷ Ср.: [Алексеев, 1978: 548]. См. также: [Гершензон, 1919: 15].

⁸ Ср.: [Ямпольский, 1970: 7].

тому Стено приходит для исповеди. Именно к этому образу, по словам Л.М. Лотман, Тургенев прежде всего и возвращается в своем следующем замысле, возникшем через восемь лет после завершения «Стено», и делает «попытку создать драму с этим лицом в качестве главного персонажа» [Лотман, 1979: 533]. При этом эпизод исповеди Л.М. Лотман считает важнейшим в драматической поэме: «Уже в “Стено” центральным эпизодом является своеобразное “искушение” монаха-аскета встречей с грешником и воспоминанием о любимой женщине. В “Искушении святого Антония” эти мотивы видоизменяются. Однако образ монаха Антония, а также характер драматургии пьесы: обилие лирических монологов, участие фантастических фигур и персонифицированных сил природы в действии — свидетельствуют о том, что эти произведения близки не только в сюжетном, но и в стилистическом отношении» [там же]. Л.М. Лотман перечисляет важные признаки, сближающие обе пьесы не только стилистически, но и жанрово (обе являются «мистериями»), однако вывода о единстве их жанровой природы не делает.

Возникновение нового замысла у Тургенева связывают с его увлечением пьесами Мериме («Театр Клары Газуль», 1825), одна из которых носит название «Женщина-дьявол, или Испытание святого Антония» [Оксман, 1930: 224, 230–231; Гроссман, 1955: 550–551; Оксман, 1979: 689], однако Л.М. Лотман оспаривает мнение, что новая пьеса Тургенева относится к разряду «подражаний» Мериме и составляет в этом смысле единство с такими его пьесами, как «Неосторожность» (1843) и «Две сестры» (1844) [Лотман, 1979: 533–534]. В самом деле, сходство, по-видимому, ограничивается заимствованием идеи об inferнальной природе женского персонажа, выраженной в заглавии пьесы Мериме⁹, и перенесением сюжета, взятого из жития раннехристианского святого, в другую эпоху. К чертам сходства с пьесой Мериме, а также с названными выше пьесами самого Тургенева можно отнести одноактность «Испытания...»

Говорить о поэтике неоконченного произведения трудно, однако в «Испытании святого Антония» жанровая природа обозначилась вполне ясно. Почти все признаки романтической «мистерии» в «Испытании святого Антония» — налицо¹⁰. На первом плане пьесы действуют люди: Св. Антоний; Валерий; Карло Спада (если, конечно, он то, чем представляется, — воин и колдун, а не дьявол в облики

⁹ “Une femme est un diable ou La tentation de saint Antoine”. У Мериме, кстати, идея присутствует только в заглавии, так как сама пьеса — пародия, подвергающая осмеянию в том числе и серьезное восприятие этой идеи.

¹⁰ В большей степени, чем, напр., в неоконченном «Азраиле» Лермонтова, который продвинулся по пути конкретного воплощения замысла не так далеко, как Тургенев; ср. [Маньковский, 2008: 10–11; Маньковский, 2012: 346].

кондотьера¹¹, что могло бы выясниться лишь в дальнейшем); куртизанка Аннунциата (об этом персонаже, осуществляющем, подобно Русалке / Дочери мельника из неоконченной драмы Пушкина [Маньковский, 2003], связь между «мирами», скажем отдельно) и ее поклонники и гости. На втором плане действуют фантастические персонажи, олицетворенные силы природы: чертенята — 1-й и 2-й (присутствие этих персонажей свидетельствует о связи с фольклорной традицией); Журавль и Другой журавль; Улитка (которая не имеет партии, но в действии также участвует); Тучи — 1-я и 2-я, а еще представленные в ремарке, как и Улитка, однако вместе со своими репликами, «Большое белое облако» и «Черная грозовая туча»; Карло Спада (?) (в возможной перспективе, если это дьявол или его слуга); Аннунциата (в конце 2-й и 3-й, недописанной сцены); Голос Сатаны (дважды — в конце 2-й сцены).

Действие пьесы открывается сразу на втором плане: разговорами и песенкой чертенят возле пещеры Св. Антония, репликами олицетворенных персонажей¹². Морская «привязка» чертенят напоминает ситуацию пушкинского «Балды» (его напоминает и «простота» чертенят) — вообще русскую фольклорную традицию; русское начало, связанное с фольклором, выглядит в этой сцене как ироническая реплика на фоне сюжета, в целом ориентированного на западную традицию¹³. Морской берег как место действия в 1-й и 3-й сценах, где сталкиваются стихии и планы «мистерии», символически и событийно оправдывает себя и в дальнейшем.

Вся экспозиция представляет собой явление второго плана, взаимодействующего с первым лишь в одностороннем порядке (Св. Антоний или кто-либо другой из людей о его присутствии здесь

¹¹ Дьявол в облике солдата (рыцаря, воина) встречается в некоторых произведениях романтической литературы; таков, напр., дон Гарсия (сперва студент, потом воин) в новелле того же Мериме «Души чистилища» (1834); ср. с рыцарем Бертрамом из оперы Мейербера «Роберт-Дьявол» (1831). Образы эти, конечно, хотя бы отчасти, восходят к гетевскому Мефистофелю. В д. IV и V второй ч. «Фауста» (1832) появляется и более разительное (и прямолинейное) воплощение той же идеи — «Трое Сильных» (в пер. Н.А. Холодковского: Догоняй, Забирай и Держи-крепче).

¹² Кюхельбекер в предисловии к «Ижорскому» теоретически обосновывает этот прием ссылкой на средневековый театр: «В старинных мистериях, равно как и в произведениях живописи XIII и XIV веков, нередко случается, что глазам зрителей на одном и том же плане представляется двоякая или даже тройкая сцена, например, небо, земля и ад. Следы сего обыкновения еще находим в известном начерке (esquisse) <...> кисти Рубенса, представляющем Страшный суд, и в славном Рафаелевом Преображении. И мы подобную вольность позволили себе и, что всего хуже, — при самом начале, т.е. в 1-м явлении нашей мистерии» [Кюхельбекер, 1967: 747].

¹³ Ср. с ориентацией на ту же традицию «романтического баснословия», развернутого на втором плане «Ижорского», сюжет которого, наоборот, построен на русском материале.

не догадываются¹⁴; в других сценах дело обстоит иначе); закрытие второго плана («оба скрываются» (о чертенятах) — перед приходом Валерия) означает и конец экспозиции.

К ней же относится и монолог Св. Антония (5-стопный белый ямб на фоне прозаического диалога чертенят и коротких звуко- и ритмико-подражательных реплик олицетворенных персонажей). И в экспозиции, и в дальнейшем ходе действия есть моменты, продиктованные самой тематикой. Ю.Г. Оксман перечисляет восходящие непосредственно к житию св. Антония «данные пьесы о том, что в строгой отшельнической жизни Антоний провел, борясь с бесами, 20 лет, что пещера его была у берега моря, среди скал, что хлеб ему изредка приносили из отдаленного селения и т.п.» [Оксман, 1979: 689]. Однако есть моменты еще более важные и, так сказать, структурные — и как раз с точки зрения драматурга: тягостное состояние духа героя («богооставленность»), предшествующее искушению; воспоминания о прошлом — о молодости или о начале пустынноческой жизни, составившие как предмет его монолога (в том числе и первого), так и содержание дальнейшего действия.

Смысл всякой мистерии, как уже было отмечено, — во взаимодействии планов или миров, на этих планах представленных: духовного (горнего и преисподнего) и человеческого; это взаимодействие и есть действие мистерии, по крайней мере, оно определяет ее развитие. Средневековая мистерия в этом отношении ничем не отличается от своей стилизации эпохи романтизма.

В сцене 1-й «Искушения...» взаимодействие лишь намечено. Основное действие начинается с появлением Карло Спада в продолжение 1-й сцены и протекает на двух чередующихся сценических площадках: у пещеры Антония и в комнате Аннунциаты.

Вторая сцена — прозаический полилог, прерываемый дважды: вставным номером — песней Аннунциаты и ее же стихотворным монологом в конце. Сцена заканчивается проникновением второго плана в область первого: это Голос Сатаны, вызывающий Аннунциату (о том, что сама Аннунциата — также часть второго, фантастического плана, мы пока не знаем). Остается загадкой, что именно происходит в саду, за сценой, откуда, как сообщается в заключительной ремарке 2-й сцены, «раздается слитный крик 4-х молодых людей».

В сцене 3-й второй план проникает на исконную «территорию» первого уже зримо, причем взаимодействует с ним, а не просто открывается. Карло Спада вызывает дух Марцеллины, оказавшейся

¹⁴ Хотя, возможно, не все так просто, и Св. Антоний может слышать голоса природы, напр., ворчание пролетающей над ним «черной грозовой тучи» («Старый дурак... убила б его... да не смею... старый дурак...»), однако, в силу привычки, не придает этому значения. О наличии у героя «духовного зрения», позволяющего ему видеть «тайное», свидетельствует поведение чертенят, которые вынуждены прятаться каждый раз, когда Св. Антоний обращает взгляд в их сторону.

Аннунциатой (с чем, очевидно, и связано ее исчезновение в конце 2-й сцены из «роскошно убранной комнаты»). Событию предшествует рассказ Карло «о самоубийстве Марцеллины, отдавшей себя тем самым во власть сатаны (этим мотивируется в пьесе и превращение Марцеллины в Аннунциату)» [Оксман, 1979: 689].

Отмечалось, что «некоторые детали второй сцены “Искушения святого Антония” <...> навеяны известной сценой “Каменного гостя” Пушкина (вечер у Лауры)» [Оксман, 1979: 689]¹⁵. Можно указать на черты сходства пьесы Тургенева и с незавершенной «Русалкой». Главная героиня пушкинской «лирической трагедии» — Дочь мельника — круто останавливает «ход жизни, когда люди придают ему неверное направление» [Берковский, 1985: 117]: бросается в реку и там преображается в inferнальное существо, чтобы отомстить своему соблазнителю; при этом само отмщение остается за пределами исторически существующего текста пьесы.

Нечто подобное происходит и с Марцеллиной, написавшей в предсмертной записке: «Я иду к реке топиться, точно так же как прежде ходила по утрам за водой...» Причина самоубийства — любовь к Антонию, покинувшему возлюбленную. Собственные побуждения героини, уже в образе Аннунциаты, каковы бы ни были замыслы Сатаны, чьим орудием она является, в пьесе не раскрываются, однако можно предположить, что жажда возмездия — одно из таких побуждений, и морская стихия, к берегу которой привязано действие 1-й и 3-й сцен, может сыграть в этом отмщении роль (как воды Днепра в «Русалке» должны сыграть роль в отмщении Князю).

Главным содержанием действия неоконченной пьесы Тургенева должно было стать искушение, и форма этого искушения может заключаться лишь в проникновении inferнального мира в мир людей.

Экспансия второго плана («искушение») уже начала осуществляться с появлением Аннунциаты у входа в пещеру Антония. Покуда она выразилась в том не вполне ясном преобразении окружающей обстановки, похожем на сон, в котором Антоний видит себя вновь молодым, а свою монашескую жизнь почитает «странным сном» («...я помню морской берег, помню долгие, долгие годы...»).

Финал произведения отсутствует. Следует ли считать, что кульминация уже наступила в незавершенном фрагменте, который представляет собой существующий текст пьесы? Вероятней всего, что нет. Л. М. Лотман, как и некоторые другие исследователи, сближает поэтику «Искушения святого Антония» с поэтикой «маленьких трагедий» Пушкина¹⁶ (что не мешает пьесе быть еще и романтической

¹⁵ Впервые отмечено в: [Гроссман, 1955: 552].

¹⁶ Ср. у нее же об освоении Тургеневым стиля «Фауста» Гете в попытке создать пьесу, действие которой «отнесено к эпохе позднего Возрождения — к XV в.», а «герой был поставлен в ситуацию любовного соперничества с Сатаной» [Лотман, 1982: 479].

«мистерией»). По поводу следующей в хронологическом отношении пьесы Тургенева, «Неосторожности», Л.М. Лотман писала: «Одной из особенностей жанра “маленьких трагедий” у Пушкина является своеобразная “заостренность” финала. Подобно стихотворениям малой формы (например, эпиграммам) они имеют *pointe*. Их концовка остра, развязка наступает в момент кульминации и меняет характеристику героя и смысл ситуации» [Лотман, 1982: 486]. В «Искушении святого Антония» *pointe* отсутствует.

Мы уже обращали внимание на второстепенные признаки романтической «мистерии» (некоторые она разделяет с романтической драмой вообще): вставные номера (их три — по одному в каждой сцене: «песенка» чертенят и две «песенки» Аннунциаты); свободное чередование стихотворных и прозаических фрагментов; стилистически окрашенные ремарки, порой включающие реплики олицетворенных персонажей; феерические эффекты, служащие средством сценарной адаптации фантастического элемента, и т.д.

Усвоив своей драме поэтику «мистерии», Тургенев к ее элементам прибавил нечто выводящее «Искушение...» уже на следующий уровень. Определить это сложно, не впадая в банальности: «жизненная правда», «невыдуманные характеры» и т.п. Во многом это осталось в замысле, так как пьеса не завершена, но все же неуловимо повлияло на строй написанной части произведения. Здесь начат тот синтез, *преобразующий* элементы жанра в новое целое, который мы видим осуществленным в неоконченной «Русалке» Пушкина или в «Снегурочке» Островского.

Список литературы

1. *Алексеев М.П. et al.* Комментарии [к «Стено»] // Тургенев И.С. ПСС и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1978. С. 547–550.
2. *Берковский Н.Я.* «Русалка» — лирическая трагедия Пушкина // Берковский Н.Я. О русской литературе. Л., 1985. С. 112–154.
3. *Вацуро В.Э.* Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 327–367.
4. *Гершензон М.О.* Послесловие [к «Стено»] // Голос минувшего. 1913. № 8. С. 254–267.
5. *Гершензон М.* Мечта и мысль И.С. Тургенева. М., 1919.
6. *Гроссман Л.П.* Драматургические замыслы Тургенева («Две сестры» и «Искушение святого Антония») // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1955. Т. XIV. Вып. 6. С. 547–555.
7. *Жирмунский В.М.* Гете в русской литературе. Л., 1982.
8. *Захарченко Н.А.* Лирическое начало в творчестве И.С. Тургенева 40–50-х годов XIX века: Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2005.

9. *Зорин А.Н.* «Сюжеты в форме диалога»: жанровая ремарка пьес Тургенева. Интерпретационный аспект // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология. Вып. 2. С. 70–76.
10. *Исакова Я.Н.* Жанровое своеобразие драмы И.С. Тургенева «Искушение святого Антония» // Шуйская сессия студентов, аспирантов, молодых ученых: Сб. трудов IV Международной научной конференции: [В 2 т.]. Т. 2. М.; Шуя, 2011. С. 21–24.
11. *Исакова Я.Н.* Жанровая специфика драматургии И.С. Тургенева: Дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2013.
12. *Карельский А.В.* Драма немецкого романтизма. М., 1992.
13. *Кюхельбекер В.К.* [Предисловие к «Ижорскому»] // Кюхельбекер В.К. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1967. С. 747–750.
14. *Лотман Л.М.* Драматургия И.С. Тургенева [вступ. ст. к примечаниям] // Тургенев И.С. ПСС и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1979. С. 529–560.
15. *Лотман Л.М.* Драматургия И.С. Тургенева и натуральная школа 1840-х годов // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 474–513.
16. *Максимов Д.Е.* Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964.
17. *Маньковский А.В.* «Азраил» Лермонтова — незавершенная романтическая «мистерия» 1830-х гг. // Памяти Анны Ивановны Журавлевой: Сб. ст. М., 2012. С. 337–346.
18. *Маньковский А.В.* Романтическая «мистерия» в ее взаимодействии с другими жанрами: к проблеме генезиса философско-символической драмы в России (1800-е — начало 1880-х гг.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
19. *Маньковский А.В.* «Русалка» А.С. Пушкина и «Снегурочка» А.Н. Островского (о жанровой природе) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 3. С. 121–128.
20. *Модина Г.И.* История издания в России философской драмы Г. Флобера «Искушение святого Антония» // Библиотекословие. 2009. № 3. С. 50–55.
21. *Оксман Ю.Г. et al.* Примечания [к «Искушению святого Антония»] // Тургенев И.С. ПСС и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1979. С. 688–690.
22. *Оксман Ю.Г.* Примечания // Тургенев И.С. Соч.: В 12 т. Т. 3. М.; Л., 1930. С. 223–251.
23. *Титова Е.В.* Рамочная функция паратекста в драматургии И.С. Тургенева // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 48–57.
24. *Тургенев И.С.* Испытание святого Антония: Драма в 1-м действии // Тургенев И.С. ПСС и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1979. С. 483–512.
25. *Тургенев И.С.* «Литературные и житейские воспоминания»: 1854–1883 // Тургенев И.С. ПСС и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1983. С. 5–163.

26. *Тургенев И.С.* Стено: Драматическая поэма // *Голос минувшего*. 1913. № 8. С. 217–254.
27. *Тургенев И.С.* Стено: Драматическая поэма // *Тургенев И.С. ПСС и писем*: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1978. С. 333–383.
28. *Ямпольский И.Г.* Поэзия И.С. Тургенева; *Примечания* // *Тургенев И.С. Стихотворения и поэмы*. Л., 1970. С. 5–59, 393–460.
29. *Ginisty P.* *La Féerie*. Paris, [1910].

Arkady Mankovsky

RECEPTION OF THE GENRE OF ROMANTIC “MYSTERY” IN THE WORKS OF YOUNG I.S. TURGENEV

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
51/21 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418*

At the time of creation of his early works as well as in his mature years, Turgenev was already breathing the air of European culture. For example, his dramatic poem “Steno” (1834) is most often compared to “Manfred” (1817) by George Gordon Byron, while Turgenev’s one-act unfinished drama “The Temptation of St. Anthony” (1842) — with “Une femme est un diable ou La tentation de saint Antoine” from the cycle “Théâtre de Clara Gazul” (1825) by Prosper Mérimée. The article argues that both of these Turgenev’s works, the first of which is traditionally printed in the *Collected Works* among poems, and the second among dramatic works, belong to the same genre. This protean genre has many names. It is known as the Romantic “mystery,” dramatic poem, lyrical drama or the philosophical and symbolic drama. This genre flourished in European literature in the era of Romanticism and even influenced the genesis of Goethe’s “Faust” (1832). It also appeared in Russia, mainly among the second-order writers of the 1830s — early 1840s. Overviewing their work, the author of this article develops the principle features of poetics of the Romantic “mystery”. The article then turns to Turgenev’s early works and finds clear traits of the Romantic “mystery” such as: multiple planes of action (Heaven and Earth or Earth and Hell); fantastical characters and personified forces of nature as *dramatis personae*; portrayal of the symbolic path of the hero whose soul is at the center of the battle between Heaven and Hell. Some of these features can also be found in such masterpieces of Russian literature as “The Mermaid” (1829–1832) by Alexander Pushkin and “The Snow Maiden” (1873) by Alexander Ostrovsky.

Key words: romantic “mystery”; romanticism of the 1830s — early 1840s; I.S. Turgenev; “Steno”; “The Temptation of St. Anthony”.

About the author: *Arkady Mankovsky* — PhD, Senior Researcher (Literary Studies), Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (e-mail: arkadymankovsky@yandex.ru).

References

1. Alekseev M.P. et. al. Kommentarii [k “Steno”] [Comments on “Steno”]. Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]. In 30 vol. Soch. [Works]. In 12 vol. Vol. 1. Moscow, *Nauka Publ.*, 1978, pp. 547–550. (In Russ.)
2. Berkovskij N. Ja. “Rusalka” — liricheskaia tragedija Pushkina [“Mermaid” — a lyrical tragedy of Pushkin]. Berkovskij N. Ja. *Sbornik statej “O russkoj literature”* [Collection of articles “On Russian Literature”]. Leningrad, *Hudozh. lit. Publ.*, 1985, pp. 112–154. (In Russ.)
3. Gershenzon M.O. Posleslovie [k “Steno”] [Afterword to “Steno”]. *Golos minuvshego* [Voice of the past], 1913, no. 8, pp. 254–267. (In Russ.)
4. Gershenzon M. *Mechta i mys’ I.S. Turgeneva* [The dream and thought of I.S. Turgenev]. Moscow, *Knigoizdatel’stvo pisatelej v Moskve Publ.*, 1919. 170 p. (In Russ.)
5. Ginisty P. *La Féerie*. Paris: *Louis-Michaud [Édit.]*, [1910]. 238 p.
6. Grossman L.P. Dramaturgicheskie zamysly Turgeneva: (“Dve sestry” i “Iskushenie svjatogo Antonija”) [Turgenev’s dramatic designs: (“Two Sisters” and “The Temptation of St. Anthony”)]. *Izvestija AN SSSR. Otdelenie literatury i jazyka* [News of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language], 1955, vol. XIV, no. 6, pp. 547–555. (In Russ.)
7. Isakova Ja.N. Zhanrovoe svoeobrazie dramy I.S. Turgeneva “Iskushenie svjatogo Antonija” [Genre originality of the drama of I.S. Turgenev “The Temptation of St. Anthony”]. *Shujskaja sessija studentov, aspirantov, molodyh uchenyh: Sbornik trudov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Shuya session of students, graduate students, young scientists: Proceedings of the IV International Scientific Conference]. [In 2 vol.]. Vol. 2. Moscow, *Shujsk. fil. Ivanovsk. gos. un-ta Publ.*, 2011, pp. 21–24. (In Russ.)
8. Isakova Ja.N. *Zhanrovaja specifika dramaturgii I.S. Turgeneva* [Genre specificity of I.S. Turgenev’s dramaturgy]: dis. kand. filol. nauk. Ivanovo, 2013. 172 p. (In Russ.)
9. Jampol’skij I.G. Pojezija I.S. Turgeneva [Poetry of I.S. Turgenev]. Primechanija [Notes]. Turgenev I.S. *Stihotvoreniya i poemy*. [Poems]. Leningrad, *Sov. Pisatel’ Publ.*, 1970, pp. 5–59, 393–460. (In Russ.)
10. Karel’skij A.V. *Drama nemeckogo romantizma* [Drama of German Romanticism]. Moscow, *Medium Publ.*, 1992. 336 p. (In Russ.)
11. Küchelbecker W.K. [Predislovie k “Izhorskomu”] [Preface to “Izhorskiy”]. *Izbr. proizv.* [Selected works]. In 2 vol. Vol. 2. Moscow, Leningrad, *Sov. pisatel’ Publ.*, 1967, pp. 747–750. (In Russ.)
12. Lotman L.M. Dramaturgija I.S. Turgeneva [vstup. st. k primechanijam] [The dramaturgy of I.S. Turgenev (introductory article to the notes)]. Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]. In 30 vol. Soch. [Works]. In 12 vol. Vol. 2. Moscow, *Nauka Publ.*, 1979, pp. 529–560. (In Russ.)
13. Lotman L.M. Dramaturgija I.S. Turgeneva i natural’naja shkola 1840-h godov [The dramaturgy of I.S. Turgenev and the natural school of the 1840s].

- Istorija ruskoj dramaturgii: XVII — pervaja polovina XIX veka* [History of Russian drama: XVII — first half of the XIX century]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1982, pp. 474–513. (In Russ.)
14. Maksimov D.E. *Poezija Lermontova* [Poetry of Lermontov]. Moscow, Leningrad, *Nauka Publ.*, 1964. 266 p. (In Russ.)
 15. Man'kovskij A.V. “Azrail” Lermontova — nezavershennaja romanticheskaja “misterija” 1830-h gg. [“Azrael” by Lermontov — unfinished “romantic mystery” of the 1830s]. *Sbornik statej “Pamjati Anny Ivanovny Zhuravlevoj”* [Anna Ivanovna Zhuravleva: In memoriam]. Moscow, *Tri kvadrata Publ.*, 2012, pp. 337–346. (In Russ.)
 16. Man'kovskij A.V. *Romanticheskaja “misterija” v ee vzaimodejstvii s drugimi zhanrami: k probleme genezisa filozofsko-simvolicheskoj dramy v Rossii (1800-e — nachalo 1880-h gg.)* [Romantic “mystery” in its interaction with other genres: on the problem of the genesis of philosophical and symbolic drama in Russia (1800s — early 1880s)]: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Moscow, 2008. 27 p. (In Russ.)
 17. Man'kovskij A.V. “Rusalka” A.S. Pushkina i “Snegurochka” A.N. Ostrovskogo (o zhanrovoj prirode) [“Mermaid” A.S. Pushkin and “Snow Maiden” by A.N. Ostrovsky (about genre nature)]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2003, № 3, pp. 121–128. (In Russ.)
 18. Modina G.I. Istorija izdanija v Rossii filozofskoj dramy G. Flobera “Iskushenie svjatogo Antonija” [The history of publication in Russia of G. Flaubert’s philosophical drama “The Temptation of St. Anthony”]. *Bibliotekovedenie* [Library and Information science], 2009, no. 3, pp. 50–55. (In Russ.)
 19. Oksman Ju.G. et. al. Primechanija [k “Iskusheniju svjatogo Antonija”] [Notes for the play “The Temptation of St. Anthony”]. Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]. In 30 vol. Soch. [Works]. In 12 vol. Vol. 2. Moscow, *Nauka Publ.*, 1979, pp. 688–690. (In Russ.)
 20. Oksman Ju.G. Primechanija [Notes]. Turgenev I.S. *Sochinenija*. [Works]. In 12 vol. Vol.3. Moscow, Leningrad, *Gos. izd-vo Publ.*, 1930, pp. 223–251. (In Russ.)
 21. Titova E.V. Ramochnaja funkcija parateksta v dramaturgii I.S. Turgeneva [Paratext’s Frame Function in Turgenev’s Dramaturgy]. *Novyj filologicheskij vestnik* [The New Philological Bulletin], 2018, no. 4 (47), pp. 48–57. (In Russ.)
 22. Turgenev I.S. Iskushenie svjatogo Antonija: Drama v 1-m dejstvii [The Temptation of Saint Anthony: Drama in Act 1]. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]. In 30 vol. Soch. [Works]. In 12 vol. Vol. 2. Moscow, *Nauka Publ.*, 1979, pp. 483–512. (In Russ.)
 23. Turgenev I.S. “Literaturnye i zHITEjskie vospominanija” [Literary and everyday memories]: 1854–1883. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]. In 30 vol. Soch. [Works]. In 12 vol. Vol. 11. Moscow, *Nauka Publ.*, 1983, pp. 5–163. (In Russ.)
 24. Turgenev I.S. Steno: Dramaticheskaja pojema [Dramatic poem]. *Golos minuvshego* [Voice of the past], 1913, no. 8, pp. 217–254. (In Russ.)

25. Turgenev I.S. Steno: Dramatičeskaja pojava [Dramatic poem]. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]. In 30 vol. Soch. [Works]. In 12 vol. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 333–383.
26. Vatsuro V. Je. Istoričeskaja tragedija i romantičeskaja drama 1830-h godov [Historical tragedy and romantic drama of the 1830s]. *Istorija ruskoj dramaturgii: XVII — pervaja polovina XIX veka* [History of Russian drama: XVII — first half of the XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 327–367. (In Russ.)
27. Zaharchenko N.A. *Liričeskoe nachalo v tvorčestve I.S. Turgeneva 40–50-h godov XIX veka* [The lyrical beginning in the work of I.S. Turgenev 40–50-ies of the XIX cent.]: dis. kand. filol. nauk. Samara, 2005. 226 p. (In Russ.)
28. Zhirmunskij V.M. *Gete v ruskoj literaturni* [Goethe in Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 560 p. (In Russ.)
29. Zorin A.N. “Sjužety v forme dialoga”: zhanrovaja remarka p’es Turgeneva. Interpretacionnyj aspekt [“Plots in the Form of Dialogue”: Genre Remark of Turgenev’s Plays. Interpretive aspect]. *Izvestija Saratovskogo universiteta* [Saratov University Bulletin]. 2009, vol. 9. Series “Sociology. Political Science”, Iss. 2, pp. 70–76. (In Russ.)

Е.А. Ящук

**РУССКОЕ И ПОЛЬСКОЕ В РОМАНЕ М.Н. ЗАГОСКИНА
«ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ»**

*Тартуский Университет (Tartu Ülikooli),
Тарту, Эстония, Ülikooli 18, 50090*

Роман Загоскина «Юрий Милославский или Русские в 1612 году» (1831) рассматривается в контексте отношения к полякам и Польше в русском общественном сознании конца XVIII — начала XIX в. Опубликованный во время Польского восстания и посвященный эпохе исторического противостояния России и Польши, роман воспринимался как актуальное политическое высказывание. С учетом исторических источников, которыми пользовался автор, и на фоне высказываний современников, включая резко отзывавшихся о польской «измене» русских журналистов, естественно было бы ожидать от этого произведения острой полонофобии. Однако в действительности Загоскин избегает двойных стандартов и изображает и русских, и поляков в рамках единой системы моральных ценностей. Национальный характер и русских, и поляков, согласно Загоскину, не изменяется и един во все исторические эпохи. Это свидетельствует об исключительной значимости Российской империи для конструируемого Загоскиным национального мифа: русские и поляки не воспринимаются как «чужие» друг другу, поскольку исторические судьбы обоих народов, с точки зрения романиста, тесно связаны и в конечном счете ведут к включению Польши в состав российского государства.

Ключевые слова: исторический роман; М.Н. Загоскин; Российская Империя; польский вопрос.

Роман Загоскина «Юрий Милославский» (1829) был одним из самых популярных произведений своего времени: выдержал восемь прижизненных изданий, был переведен на шесть европейских языков и переделан в пьесу, в которой главную роль на сцене Малого театра сыграл Мочалов. Успеху способствовали не только занимательный сюжет, мастерство в изображении простонародных нравов, удачное перенесение жанровой модели романов Вальтера Скотта на русскую почву (см.: [Круглый, 1889; Скабичевский, 1890; Петров, 1962; Долинин, 1988; Альтшуллер, 1996]), но и сама литературная ситуация второй половины 1820-х годов. Кроме того, роман затрагивал «острую» политическую тему отношений России и Польши.

Ящук Екатерина Александровна — докторант кафедры русской литературы Тартуского университета (e-mail: qu.essais.je@gmail.com).

Рассмотрим роман «Юрий Милославский» в контексте высказываний современников о «польском вопросе» и установим, какую роль сыграл Загоскин в формировании представления о русском и польском национальных характерах. Автор, стоя на имперской позиции, трактует поляков не как опасных для русской нации «чужих», а как будущих подданных Российской империи.

Еще А.М. Скабичевский отмечал, что поляки в «Юрии Милославском» описаны «беспристрастно», и связывал это со временем написания большей части романа до польского восстания 1830–1831 гг. [Скабичевский, 1890: 692] Но достаточно взглянуть на образы поляков в произведениях Загоскина, написанных во время и после восстания, чтобы убедиться, что полонофобия не была свойственна автору ни до восстания, ни после него. Кроме того, в творчестве Загоскина национальные характеры неизменны во все эпохи. В романе «Рославлев» (завершенном в январе 1831 г.), в цикле повестей «Вечер на Хопре» (1834) есть как стереотипные образы «кичливых ляхов», так и персонажи-поляки и полячки, обладающие самыми высокими добродетелями: мужеством, верностью, милосердием.

В «Юрии Милославском» описаны события сбора второго ополчения и освобождение Москвы от поляков. Обращение к теме Смутного времени не было случайным. Еще в 1810-е годы в сознании русского общества сложилась историческая параллель между событиями 1612 и 1812 гг. История освобождения Москвы в 1612 г. отвечала схемам идеологического строительства 1810-х: Россия, разгромленная в Аустерлицком сражении, получала необходимую историческую перспективу [Зорин, 2004: 172–173]. В начале 1830-х годов стала формироваться официальная трактовка Смутного времени как периода возрождения российской государственности, и Загоскин стоял у истоков такой интерпретации («Юрий Милославский» описывает события 1612 г., а второй роман — «Рославлев» — события 1812 г.). 1812 г. для писателя оказывается событием, окончательно утвердившим незыблемость государственности, опирающейся на православие и народную любовь к отечеству и государю.

Польскую тему в романе нужно воспринимать в контексте отношения к Польше в общественном сознании. Отношение это было в своей основной тенденции негативным. Историческая память о разделах Польши и восстании Костюшко, о взятии Варшавы парадоксальным образом влияла на негативное восприятие поляков как ненадежных подданных, потенциальных мстителей. Екатерина II пишет М. Гримму: «продажные, испорченные, легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры <...> — вот вам живой портрет поляков» [цит. по: Фалькович, 2000: 47]. Известно и более позднее

высказывание П.Ю. Львова (1810) о «древней завистнице Российского царства, всегдашней ненавистнице Москвы, властолюбивой Польше, всегда искавшей нам бед» [Львов, 1810: 42–43].

Полонофильская политика Александра I вызывала в русском образованном обществе ревность и опасения. Император на первом Сейме в 1818 г. показал, что готов соединить с Царством Польским земли бывшей Речи Посполитой, которые были присоединены к Российской империи. Карамзин в записке царю «Мнение русского гражданина» 1819 г., в духе «дворянского национализма» [Миллер, Долбилов, 2006: 90; Миллер, 2006: 160], выступил против восстановления территории древнего Королевства Польского, потому что это противоречило имперским принципам России: «ни пяди <земли> ни врагу, ни другу».

На рубеже 1810–1820 гг. в Царстве Польском усилилась конспиративная деятельность [Миллер, Долбилов, 2006: 92]. Представлению о поляке как о враге российской государственности способствовала близость некоторых декабристов польским патриотам, по делу которых в феврале 1826 г. началось следствие (подробнее: [Медведская, 1954]). Интерес декабристов был не только политический, но и культурно-лингвистический: так, Рылеев переводил с польского и создал свои «Думы» под воздействием «Исторических песен» Ю. Немцевича. Мицкевич печатался в «Московском телеграфе» и был в центре литературной жизни Москвы и Петербурга в 1825–1829 гг.

А.Л. Зорин отмечает, что накануне войны 1812 г. русское общество видело в поляках «пятую колонну» [Зорин, 1999: 125–126]. Одной из жертв этой подозрительности, доходящей до шпиономании, стал министр иностранных дел Чарторижский: «Князь Адам Чарторижский, управлявший иностранными делами <...> сделался всем ненавистен. В средних классах называли его прямо изменником, а тайная радость его при виде неблагоприятных для нас событий не избежала также от глаз высшей публики» [Вигель, 1891: 2; 206]. Для самого Чарторижского такое отношение к нему не было неожиданным: «Поляк, пользующийся полным доверием императора и посвященный во все дела, представлял явление оскорбительное для закоренелых понятий русского общества» [Чарторижский, 1912: 130–131].

Существовало представление о Польше как о стране, хоть и лишенной независимости, но более просвещенной и «европейской». Здесь интересно свидетельство Ф. Вигеля о Киеве 1800-х годов, где в обществе существовало напряжение между поляками и русскими офицерами: «Итак, поле сражения и тут осталось за русскими. К стыду моему, должен признаться, что внутренне был я за поля-

ков, во-первых, как за побежденных, а во-вторых, как за людей, по мнению моему, *более образованных* <курсив наш. — Е.Я.> [Вигель, 1891: 200]. Ср. подобное свидетельство из салонной беседы княгини Лович и княгини Н. Голицыной, зафиксированное в дневнике последней [Филатова, 115].

Польше симпатизировала Франция — и это обостряло российско-французские отношения не только в 1812 г. Например, Костюшко в 1793 г. представил правительству Франции план преобразования Речи Посполитой в республику, и он был встречен сочувственно, однако реальной военной поддержки восстание Костюшко не получило, как позже и польское восстание 1830–1831 гг.

Все эти факторы формировали особое отношение к полякам в России (с одной стороны, они вызывали ощущение собственной неполноценности, с другой — подозрительность и желание ассимилировать «неверных» подданных). Во время польского восстания «русские писатели, критики, публицисты определяют свою позицию по отношению к Польше и полякам, к проводимой Россией политике в Польше» [Сабадаш, 2015: 11]. Н.П. Сабадаш анализирует официальные манифесты, материалы газет и журналов периода восстания 1830–1831 гг. и приходит к выводу, что «негативное и враждебное» отношение к западному соседу транслировалось отовсюду. Именно в этой атмосфере появился роман Загоскина.

«Юрий Милославский» вышел в свет в декабре 1829 г., когда русско-польские отношения стремительно менялись к худшему. Роман был опубликован до начала Польского восстания, но после того, как Николай I короновался в Варшаве (май 1829). Польская тема в русской литературе этого периода описана исследователями [см: Хорев, Сабадаш, Lis, Kępiński, Orłowski], но о месте первого русского исторического романа в формирующемся отношении к «польскому вопросу», на наш взгляд, говорится слишком упрощенно. Так, например, К. Лис называет романы и повести Загоскина «литературным проявлением официальной идеологии» [Lis, 1998: 28], а А. Кемьпинский утверждает, что Загоскин «смотрел на историю через призму официального патриотизма», что соответствовало читательскому ожиданию [Kępiński, 1990: 188].

Говоря об источниках, которыми пользовался Загоскин, А.М. Песков называет «Историю Государства Российского» Карамзина и «Новый летописец» [Песков, 1988: 692–693]. Еще Н. Полевой отмечал, что в используемой Загоскиным «Летописи о многих мятежах и о разорении Московского Государства» поляки имеют постоянное определение «окаянные», а король польский назван «крестопреступником Жигимонтом», и призывал отказаться от подобной однознач-

ности в современных произведениях [Полевой, 1831: 540]. Оценка Карамзина тоже однозначна: «вероломные ляхи» — извечные враги русских и «имеют нужду в злодейской измене» [Карамзин, 1829: 302] (о негативных коннотациях слова «лях» см. [Сабадаш, 2015: 66–68]).

Польша в романе Загоскина — прямая угроза русской государственности, что соответствовало исторической действительности Смутного времени. Однако, с точки зрения Загоскина, более опасным для Руси было отсутствие законного русского монарха. Вопрос веры также принципиален: католики называются в романе еретиками, поляки оскверняют православные церкви и ради забавы стреляют в иконы. Избрание королевича Владислава царем трактуется как вынужденное решение, которое раскололо русских патриотов. Так, Козьма Минин спрашивает Милославского:

Скажи мне, легко ль тебе было присягать польскому королевичу?

— Ах!.. видит бог, нет!

— А для чего ж ты это сделал?

— Для того что был уверен и теперь еще... да, и теперь еще надеюсь, что этой жертвою мы спасем от гибели наше отечество ([Загоскин, 1988: 177]; ниже роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках).

Как это свойственно романам, созданным по вальтерскоттовской модели, в «Юрии Милославском» присутствуют как исторические герои, так и вымышленные. Реальные исторические деятели с польской стороны — король Сигизмунд III, королевич Владислав, гетман Станислав Жолкевский, комендант Кремля Александр Гонсевский, бывший при нем Николай Струсь, гетман Ходкевич (командующий польскими войсками в битве под Москвой), гетман Сапега и Александр Лисовский (осаждавшие Троице-Сергиеву лавру). Сапегу и Лисовского «русские» персонажи называют грабителями и разбойниками, но не отказывают им в «воинской доблести и зверском мужестве». О гетмане Жолкевском Юрий говорит: «Если б все советники короля Сигизмунда были столь же благородны и честны, как он, то давно бы прекратились бедствия отечества нашего» (180). Исторические поляки — скорее фон для основного сюжета, и их упоминания не всегда сопровождаются полонофобскими комментариями.

Изображение вымышленных персонажей-поляков тоже далеко от полонофобии, что показала в своей работе Н.П. Сабадаш, проанализировав образы панов Копычинского и Тишкевича. Сабадаш отмечает парадокс в решении русскими писателями «польского вопроса»: строя преимущественно отрицательный образ поляка в своих произведениях, они не переносили этого негативного стереотипа на личные отношения и дружбу с конкретными поляками [Сабадаш,

2015: 152]. Так же и герой романа Загоскина, в целом негативно относясь к полякам, не переносит этого отношения на своего друга Тишкевича.

Русские характеры Загоскин строит, опираясь на ту же систему моральных ценностей. Не все русские в романе — патриоты. Боярин Кручина-Шалонский не скрывает, что служит «истинному русскому царю» (Сигизмунду), а не марионеточному Владиславу. Когда Мирославский отказывается пить за Сигизмунда как русского царя, Кручина-Шалонский готов применить силу. О защитниках Смоленска он говорит: «Бунтовщики и крамольники никогда не будут братьями Шалонского» (121). Однако в финале Кручина-Шалонский раскаивается и умирает как праведник, тогда как злодеи-поляки не «перевоспитываются».

В романе Загоскина два политических полюса: за Сигизмунда и — против. Причем вопреки «вальтерскоттовской» традиции, где у каждой стороны есть своя правда, — у Загоскина стороны четко обозначены как «правильная» русская и «неправильная» польская [Альтшуллер, 75—76]. Но на уровне отдельных персонажей Загоскин показывает сложную картину, где политическая сторона не связана с моральной оценкой, и даже существует некоторый диапазон мнений русских о своем будущем царе. Так, стрелец на постоялом дворе считает подходящей кандидатурой Лжедмитрия Второго, потому что хоть он и «тушинский вор», но «держится веры православной и не поляк». Истома-Туренин презирает нижегородскую «чернь», созывающую ополчение, и считает владычество Сигизмунда меньшим из зол: даже если удастся изгнать поляков, Русь погрязнет в междоусобной войне, потому что каждый боярин захочет быть царем (183).

Русские патриоты и поляки — два полюса в историческом противостоянии, но есть еще темная и политически инертная народная масса и разбойники — с ними связан мотив гражданской войны. Крестьянка, не понимая, поляки перед ней или русские, на вопрос, кого она больше любит, отвечает: «Кого прикажешь, батюшка» — и прибавляет: «Вас, батюшка, вас! А вы за кого стоите, господа честные?» (237—238). А земский ярыжка заявляет: «Что нам за дело, кто будет государствовать в Москве: русский ли царь, польский ли королевич? было бы нам легко» (51).

Автор романа создает сложный образ Смутного времени, где основной конфликт разворачивается не между двумя армиями, а между представителями самых разных этнических, социальных и религиозных групп. Именно в отсутствии национального единства, а не в польской интервенции Мирославский, устами которого говорит автор, и усматривает причину бед Руси.

Поляки в романе — действительно прямая угроза российской государственности, но не вследствие польского национального характера. С точки зрения Загоскина, успех поляков обусловлен нестроениями среди самих русских. Храбрость и благородство (равно как трусость и вероломство) могут быть присущи и полякам, и русским. Эта система моральных ценностей важнее политических различий. Конфессиональные различия важны скорее на политическом, чем на индивидуальном уровне: они становятся препятствием в русско-польских отношениях, когда предполагаемый царь Владислав медлит с принятием православия, но не мешают личной дружбе Милославского и Тишкевича.

А.М. Песков говорит о «притчевой ясности» в изображении отрицательных героев: Загоскин, согласно Пескову, убежден, что нравственные вопросы не требуют раздумий: добро есть всегда добро, а зло — всегда зло [Песков, 1988: 25].

Точка зрения Загоскина на историческую судьбу польского народа выражается в словах Милославского:

«Я уважаю храбрых и благородных поляков. Придет время, вспомнят и они, что в их жилах течет кровь наших предков славян; быть может, внуки наши обнимут поляков, как родных братьев, и два сильнейшие поколения древних владык всего севера сольются в один великий и непобедимый народ!» (81).

Мысль об объединении славянских народов в 1829 г. не была новой. Еще Гердер предсказал освобождение славянских народов и их большое историческое будущее [Гердер, 1977: 471]. Гердер не высказывает прямо идеи объединения славян, но до этого заключения остается буквально один логический ход, который вскоре был сделан представителями разных славянских народов. Широко известна пушкинская метафора: «Славянские ль ручьи сольются в Русском море? — Оно ль иссякнет? вот вопрос», восходящая к цепи переводов XX сонета из поэмы Я. Коллара «Дочь Славы» (“Slávy dcera”, 1824). [Миљчина, Осповат, 2010: 175]. Мысль о соединении русского и польского народов звучит и в стихотворении 1834 г. «Он между нами жил...», где Пушкин приписывает идею братского объединения русского и польского народов Мицкевичу.

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

В 1829 г., когда вышел «Юрий Милославский», близкий приятель Загоскина А.А. Шаховской написал трагедию «Смоляне в 1611 году», посвященную осаде Смоленска. Точки зрения Загоскина и Шаховского на отношения русских и поляков близки. В трагедии

Шаховского идею братства и будущей дружбы поляков и русских высказывают два положительных героя из разных лагерей — поляк Новодворский и русский Шеин.

Шеин:

Когда Небесный Судия
Меж нас погасит огонь раздора?

[Шаховской, 2005: 121].

Новодворский:

Так не уж ли же враждою,
В которой, может быть, и правых нет,
Мы будем ввек губить своих единокровных,
Чтоб чуждым племенам добычей быть.
Нет, я надеюсь, придет то время,
Когда, как братьев, нас любовь соединит.

[Шаховской, 2005: 83].

В «Борисе Годунове», «Юрии Милославском» и «Смолянах» формируется новый взгляд на собственную историю, подразумевающей не только героизацию российского прошлого, но и жалость к поверженному врагу. Это не противоречит отчетливой близости Загоскина к государственной идеологии. Загоскин стоит на имперской точке зрения, согласно которой империя — дом для всех ее народов, верных подданных русского царя. Загоскин использует идеологему «Святой Руси», отчасти следуя традиции соединения государственной и религиозной риторики, восходящей к эпохе 1812 г. [Киселева, 2007].

Обращаясь к эпохе противостояния Руси и Польши, поднимая острый для русской аудитории «польский вопрос», Загоскин трактует поляков не как опасных «чужих», а как будущих подданных Российской империи, которых объединяет с русскими героями романа общая историческая судьба.

Список литературы

1. *Кеpiński A.* “Lach i Moskal”. Z dziejów stereotypu. Warszawa; Kraków, 1990.
2. *Lis K.* Romantycy: powinowactwa rosyjsko-europejskie. Kielce 1998.
3. *Orłowski J.* Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej. Od wieku XVIII do roku 1917. Warszawa, 1992.
4. *Альтшуллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х гг. СПб., 1996.
5. *Вигель Ф.Ф.* Записки. Часть первая. Издание «Русского архива». (Дополнение с подлинной рукописи). М., 1891.
6. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
7. *Долинин А.А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988.

8. *Загоскин М.Н.* Юрий Милославский // Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 1.
9. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004.
10. *Зорин А.Л.* “Бескровная победа” князя Пожарского (События Смутного времени в русской литературе 1806–1807 гг.). Идеология литературы // НЛЮ. 1999. № 4. С. 111–128.
11. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 12. СПб., 1829.
12. *Киселева Л.Н.* Диалог Жуковского и Вяземского о Святой Руси // На меже меж голосом и эхом. М., 2007. С. 136–147.
13. *Круглый А.О.* Михаил Николаевич Загоскин. Биографический очерк // Сочинения М.Н. Загоскина: В 7 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 4–103.
14. *Львов П.Ю.* Пожарский и Минин. СПб., 1810.
15. *Медведская Л.А.* Южное общество декабристов и польское патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 276–319.
16. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006.
17. *Миллер А.И., Долбилов М.Д.* Западные окраины Российской Империи. М., 2006.
18. *Мильчина В.А., Ошоват А.Л.* Из полемики 1830-х гг. вокруг панславянской идеи (князь П.Б. Козловский против графа Адама Гуровского) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 168–183.
19. *Песков А.М.* Михаил Николаевич Загоскин // Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 5–32.
20. *Петров С.М.* Исторический роман // История русского романа. В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 203–250.
21. *Полевой Н.А.* Рославлев, или Русские в 1812 году. Сочинение М. Загоскина // Московский телеграф. 1831. Ч. 38. № 8. С. 534–545.
22. *Сабадаш Н.П.* Польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 89–93.
23. *Скабичевский А.М.* Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // Сочинения А. Скабичевского. Критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики: В 2 т. СПб., 1890. Т. 2. С. 653–792.
24. *Фалькович С.М.* Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 45–71.
25. *Филатова Н.М.* Русские и поляки в Королевстве Польском (1815–1830): стереотипы взаимного восприятия // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 110–118.
26. *Хорев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М., 2005.
27. *Чарторижский А.* Мемуары. М., 1912. Т. 1.
28. *Шаховской А.А.* Смолене // Театральное наследие. СПб, 2005. Вып. 1 (4): Публикации. Обзоры. Библиография. С. 35–142.

E. Iashchuk

RUSSIAN AND POLISH ISSUES IN MIKHAIL ZAGOSKIN'S NOVEL "YURY MILOSLAVSKY, OR RUSSIANS IN 1612"

*University of Tartu
Ülikooli 18, 50090 Tartu, Estonia*

Zagoskin's novel "Yury Miloslavsky, or Russians in 1612" (1831) is considered in the context of how Russian public consciousness in the late 18th — early 19th centuries perceived relations with the Poles and Poland. Published during the Polish uprising and depicting the era of historical confrontation between Russia and Poland, the novel was perceived as an actual political statement. Paying attention to the historical sources used by the author when writing the novel and against the background of statements by contemporaries, including Russian journalists who spoke sharply about the Polish "treason", it would be natural to expect acute polonophobia from this work. However, in reality, Zagoskin avoids double standards and portrays both Russians and Poles within the framework of a single system of moral values. The national characters of both Russians and Poles, according to Zagoskin, do not change and are uniform in all historical eras. This testifies to the exceptional importance of the Russian Empire for the national myth constructed by Zagoskin: Russians and Poles are not perceived as "strangers" to each other, since the historical fates of both peoples, from the point of view of the novelist, are closely connected and ultimately lead to the inclusion of Poland in the Russian Empire.

Key words: historical novel; M.N. Zagoskin; Russian Empire; Polish uprising.

About the author: *Ekaterina Iashchuk* — Research Associate, Department of Slavic Studies, Faculty of Arts and Humanities, University of Tartu (e-mail: qu.essais.je@gmail.com).

References

1. Al'tshuller M.G. Epokha Val'tera Skotta v Rossii: Istoricheskiy roman 1830-kh gg. [The Age of Walter Scott in Russia: A Historical Novel of the 1830s]. St. Petersburg, *Akademicheskiiy Proyekt Publ.*, 1996. 336 p.
2. Vigel' F.F. Zapiski. Chast' pervaya [Notes. Part one]. Moscow, *Universitetskaya tipografiya Publ.*, 1891. 840 p.
3. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1977. 703 p.
4. Dolinin A.A. Istoriya, odetaya v roman: Val'ter Skott i yego chitateli [A story dressed in a novel: Walter Scott and his readers]. Moscow, *Kniga Publ.*, 1988. 733 p.
5. Zagoskin M.N. Sochineniya [Works], vol. 1. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1988.
6. Zorin A.L. Kormya dvuglavogo orla...: Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney treti XVIII — pervoy treti XIX veka [Feeding

- the double-headed eagle ...: Literature and state ideology in Russia in the last third of the XVIII — the first third of the XIX cent.]. Moscow, 2004, *Novoye literaturnoye obozreniye Publ.* 415 p.
7. Zorin A.L. “Beskrovnaya pobeda” knyazy Pozharskogo (Sobytiya Smutnogo vremeni v russkoy literature 1806–1807 gg.). Ideologiya literatury [“Bloodless victory” of Prince Pozharsky (Events of the Time of Troubles in Russian literature 1806–1807). The ideology of literature]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1999, 38 (4), pp. 111–128. (In Russ.)
 8. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian State], vol. 1. St. Petersburg, 1829. *Tipografiya N. Gretscha*. 330 p.
 9. Kępiński A. “Lach i Moskal”. Z dziejów stereotypu [“Lach i Moskal”. From history of the stereotype]. Warszawa, Kraków, *Państwowe Wydawnictwo Naukowe*, 1990, 221 p.
 10. Kiseleva L.N. Dialog Zhukovskogo i Vyazemskogo o Svyatoy Rusi [Dialogue between Zhukovsky and Vyazemsky about Holy Russia]. *Na mezhe mezh golosom i ekhom*. Moscow, 2007, *Novoye izdatel'stvo*, pp. 136–147. (In Russ.)
 11. Kruglyy A.O. Mikhail Nikolayevich Zagoskin. Biograficheskiy ocherk [Mikhail Nikolaevich Zagoskin. Biographical sketch]. *Sochineniya M.N. Zagoskina*, vol. 1. St. Petersburg, 1889. *Tipografiya V.I. Shteyna*, pp. 4–103.
 12. Lis K. Romantycy: powinowactwa rosyjsko-europejskie [Romantics: Russian-European affinities]. Kielce, *Studia*. 1998.
 13. L'vov P. Yu. Pozharskiy i Minin [Pozharsky and Minin]. St. Petersburg, *Tipografiya V. Plavil'shchikova*. 1810, 206 p.
 14. Medvedskaya L.A. Yuzhnoye obshchestvo dekabristov i pol'skoye patrioticheskoye obshchestvo [Southern Society of the Decembrists and the Polish patriotic society]. *Ocherki iz istorii dvizheniya dekabristov*. Moscow, *Gospolitizdat*, 1954, pp. 276–319.
 15. Miller A.I. Imperiya Romanovykh i natsionalizm [Romanov Empire and nationalism]. Moscow, *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2006. 248 p.
 16. Miller A.I., Dolbilov M.D. Zapadnyye okrainy Rossiyskoy Imperii [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow, *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2006. 608 p.
 17. Mil'china V.A., Ospovat A.L. Iz polemiki 1830-kh gg. vokrug panslavyanskoy idei (knyaz' P.B. Kozlovskiy protiv grafa Adama Gurovskogo) [From the controversy of the 1830s. around the Pan-Slavic idea (Prince P.B. Kozlovsky versus Count Adam Gurovsky)]. *K istorii idey na Zapade: “Russkaya ideya”*. St. Petersburg, *Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Izdatel'skiy dom “Petropolis”*, 2010, pp. 168–183.
 18. Orłowski J. Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej. Od wieku XVIII do roku 1917 [From the history of anti-Polish obsessions in Russian literature. From the 18th century to 1917]. Warszawa, *Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne*. 1992. 243 p.
 19. Peskov A.M. Mikhail Nikolayevich Zagoskin [Mikhail Nikolaevich Zagoskin]. *Zagoskin M.N. Sochineniya*, vol 1, Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1988, pp. 5–32.
 20. Petrov S.M. Istoricheskiy roman [Historical novel]. *Istoriya russkogo romana*, vol. 1. Moscow, Leningrad, *Nauka Publ.*, 1962, pp. 203–250.

21. Polevoy N.A. Roslavlev, ili Russkiye v 1812 godu. Sochineniye M. Zagoskina: *Moskovskiy telegraf*, 1831. № 8, pp. 534–545. (In Russ.)
22. Sabadash N.P. Pol'skaya tema v russkoy literature nikolayevskoy epokhi (1826–1855 gg.), Moscow, 2015, pp. 89–93.
23. Skabichevskiy A.M. Sochineniya Kriticheskiye etyudy, publitsisticheskiye ocherki, literaturnyye kharakteristiki, vol. 2. St. Petersburg, *Tipografiya gazety "Novosti"*, 1890. T. 2. 896 p.
24. Fal'kovich S.M. Vospriyatiye russkimi pol'skogo natsional'nogo kharaktera i sozdaniye natsional'nogo stereotipa polyaka [Russian perception of the Polish national character and the creation of the national stereotype of the Pole]. Moscow, *Polyaki i russkiye v glazakh drug druga*, 2000. *Indrik*, pp. 45–71.
25. Filatova N.M. Russkiye i polyaki v Korolevstve Pol'skom (1815–1830): stereotipy vzaimnogo vospriyatiya [Russians and Poles in the Kingdom of Poland (1815–1830): stereotypes of mutual perception]. Moscow, *Rossiya — Pol'sha. Obrazy i stereotipy v literature i kul'ture*, 2002. *Indrik*, pp. 110–118.
26. Khorev V.A. Pol'sha i polyaki glazami russkikh literatorov: Imagologicheskiye ocherki [Poland and Poles through the eyes of Russian writers: Imagological essays]. Moscow, *Indrik*, 2005. 231 p.
27. Chartorizhskiy A. Memuary [Memoirs], vol. 1. Moscow, *K.F. Nekrasov Publ*, 1912. 362 p.
28. Shakhovskoy A.A. Smolyane [Smolensk residents]. *Teatral'noye naslediyeye: Publikatsii. Obzory. Bibliografiya*, 2005. 1 (4), pp. 35–142. (In Russ.)

К.Ю. Зубков

«... ВРЕМЯ КУКИШЕЙ В КАРМАНЕ МИНОВАЛОСЬ...»: РЕДАКЦИЯ «СОВРЕМЕННОГО», ЦЕНЗУРА И РОССИЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ СООБЩЕСТВО В 1856 г. СТАТЬЯ 1

*Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д.20*

Статья посвящена анализу сообщества российских профессиональных литераторов второй половины 1850-х годов и его реакции на деятельность цензурного ведомства. Изучение этих вопросов не только привлекает внимание к ранее не интересовавшим исследователей источникам, но и позволяет пересмотреть традиционные представления об отношениях цензуры и литературы в России середины XIX в., демонстрируя огромное влияние государственного аппарата на формирование литературного сообщества и его системы категорий и оценок. Если собственно цензурные документы, относящиеся к этому делу, неоднократно публиковались и интерпретировались учеными, то мнение на этот счет самих литераторов до сих пор не становилось объектом пристального внимания. Руководствуясь методологией, часто используемой в современных исследованиях по истории цензуры (прежде всего Р. Дарнтон), автор демонстрирует, что писатели этого периода воспринимали цензоров вовсе не как оппонентов, а как потенциальных союзников и единомышленников. Ответственность за нарушение негласного договора, существовавшего между писателями и цензорами, возлагалась именно на редакцию «Современника», а вовсе не на цензуру. Такое восприятие цензуры в первой части статьи объясняется специфическими отношениями между либеральной бюрократией и литературным сообществом в начале царствования Александра II, когда обе стороны надеялись на продуктивное взаимодействие. На фоне завершавшейся эпохи «мрачного семилетия» писатели с энтузиазмом реагировали на жесты либерального крыла правительства, демонстрировавшего готовность идти на контакт с обществом, в том числе приглашая литераторов участвовать в этнографических экспедициях или в отборе пьес для императорских театров.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов; Н.Г. Чернышевский; цензура; история литературы; литературные журналы; журнал «Современник».

В стихотворении «Кому холодно, кому жарко!», вошедшем в цикл «О погоде» (опубл. 1865), Некрасов писал:

Зубков Кирилл Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинского дома) (e-mail: k_zubkov@inbox.ru).

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялись писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!» [Некрасов, 1981: 194].

Образ цензора в этих строках, с одной стороны, соответствует традиционному представлению о не способном понимать поэтических произведений гасителе свободы, а с другой, демонстрирует сложные отношения между литературой и цензурным ведомством. Этот персонаж действительно механически ограничивает творческую свободу поэта, вероятно, руководствуясь страхом, что в стихи на невинную тему может прокрасться что-то неблагонадежное. В то же время цензор вторгается в обсуждение литературных вопросов: его волнует выдержанность темы и проч. Разговор поэта с цензором оказывается неизбежно оказывается беседой не о политике, а о поэзии. Своеобразное место цензора на границе литературного и чиновнического миров у Некрасова очень ясно выражается за счет стилистически абсурдного сочетания «поэтических» и бюрократических слов в его речи («*Воспевайте же данный предмет*»). Как кажется, эта двойственность — выражение не просто иронии Некрасова, а вполне реального опыта его столкновений с цензурой. Мы попытаемся показать своеобразие связей цензоров и литераторов на материале одного из самых известных цензурных эпизодов в творческой биографии Некрасова.

Статья будет посвящена скандалу 1856 г., когда, следом за выходом первого издания «Стихотворений» поэта, несколько его произведений («Поэт и гражданин», «Забытая деревня» и «Отрывок из путевых записок графа Гаранского») было перепечатано на страницах «Современника». В поле нашего внимания будет не только и не столько цензурное делопроизводство, уже достаточно изученное, сколько позиции представителей литературного сообщества. На основании многочисленных работ [Лемке, 1904: 312–314; Евгеньев-Максимов, 1921; 1936: 99–108; Бельчиков, 1922; П.А. Вяземский — цензор Некрасова, 1949; Гаркави, 1966: 98–101], посвященных этому эпизоду, складывается вполне определенная картина: в отсутствие опытного журналиста Некрасова, находившегося за границей, его стихотворения перепечатал руководивший журналом Чернышевский. Строго говоря, ничего формально нарушающего цензурный устав в этих стихотворениях не было, однако это не остановило развития событий. По всей видимости, толчком к ним послужили жалобы на Некрасова со стороны каких-то остав-

шихся неизвестными высокопоставленных сановников. Цензура, возглавляемая министром народного просвещения А.С. Норовым и товарищем министра народного просвещения П.А. Вяземским, воспринимала поэзию Некрасова как политически опасную и была возмущена и книгой стихотворений, и — еще более — републикацией их во влиятельном толстом журнале. В результате разбирательства И.И. Панаев, в отсутствие Некрасова формально руководивший «Современником», получил выговор от министра, а слывший либералом цензор В.Н. Бекетов, дозволивший печатать и книгу Некрасова, и соответствующий номер, едва не был вынужден уйти в отставку, журнал же был передан более придирчивому И.И. Лажечникову. Таким образом, исследователи создают картину произвола цензуры, жертвами которого становились и журналисты, и поэты, и даже либеральные сотрудники самого цензурного ведомства.

Однако в этой картине не находится места принципиально важным обстоятельствам, без учета которых смысл цензурного скандала 1856 г. понять затруднительно. Наиболее заметное из этих обстоятельств, практически всегда упускаемое исследователями из виду, — это совершенно неожиданная реакция литературного сообщества, резко выступившего именно против редакторов «Современника» — Некрасова и Панаева. Более того, даже сам Некрасов, похоже, был готов признать ответственность редакции «Современника». Неудивительно, что советские исследователи, исходившие из представлений о цензуре только как об агенте репрессивного правительства, не обращались к этому эпизоду: он едва ли укладывался в их представления об истории литературы этого периода. Впрочем, даже: в современных работах о Некрасове или об истории цензуры позиция современников практически не упоминается.

Неожиданным образом большинство литераторов считало виновниками конфликта не цензоров и не их руководство, а редакцию журнала, создавшую условия для конфликта с цензурой. Такая неожиданная позиция, как кажется, очень показательна для истории публичной сферы в России 1850-х годов, когда многие литераторы воспринимали государство не как оппонента, а как потенциального союзника в общественной жизни. В цензорах (по крайней мере, либеральных) эти литераторы были склонны видеть не столько врагов творческой свободы, которым необходимо по возможности противостоять, сколько значимых участников общественной жизни, с которыми требуется налаживать взаимодействие. Надеждам этим не было суждено сбыться, однако лишь очень немногие современники не верили в возможность построить новые отношения с цензорами.

Чтобы правильно понять реакцию русских писателей на конфликт «Современника» с цензурой, необходимо учитывать соци-

альные функции цензуры того времени. Согласно наблюдениям современных исследователей¹, институт цензуры в Европе XIX в. не ограничивался репрессивными действиями. Цензоры не только подавляли творческую свободу писателей, выполняя волю правительства (хотя, разумеется, это тоже неизбежно входило в круг их обязанностей), но и стремились направлять развитие литературы в выгодном властям и влиятельным общественным кругам направлении. Такая «образовательная» роль была, конечно, присуща цензуре и в России — недаром до середины 1860-х годов сотрудники общей цензуры официально были чиновниками Министерства народного просвещения. Большинство литераторов едва ли могло быть довольно таким отношением со стороны правительства, представляемого цензурой, и надеялось на скорое изменение отношений между государством и писательским сообществом.

Периодом наибольших ограничений литературы со стороны властей обычно считается так называемое Мрачное семилетие. Ужесточение цензурной политики и учреждение секретного Комитета 2 апреля 1848 г., призванного следить за упушениями цензуры и ужесточить контроль за печатью [см.: Лемке, 1904: 183–308; Старкова, 2000; Шевченко, 2003: 122–159; История Комитета, 2006], свидетельствовали о том, что литература воспринималась правительством прежде всего как субверсивная, опасная стихия, нуждающаяся в контроле. Примечательно, что и собственно цензуре император в этот период не доверял: тайный Комитет следил и за писателями, и за цензорами.

Однако начало царствования Александра II было отмечено последовательными попытками со стороны либерального крыла властей привлечь представителей общественности к управлению империей в первую очередь к подготовке реформ. Наиболее известным примером может служить попытка консультироваться с представителями дворянства в ходе подготовки крестьянской реформы, на которую дворянство ответило, среди прочего, попытками организовать сопротивление преобразованиям [см.: Захарова, 2008: 258–301; Христофоров, 2002: 89–98]. Либеральная правительственная политика была одновременно направлена на политические преобразования и на новый тип отношений с публичной сферой, которая некоторыми бюрократами рассматривалась как если не равноправный, то, по крайней мере, независимый партнер. Литераторов приглашали принять участие в статистических и этнографических исследованиях, помогать

¹ Наиболее радикальную попытку пересмотра сложившихся взглядов см.: [Holquist, 1994]. Более умеренную точку зрения см., напр. в работе [Дарнтон, 2017]. Компаративное исследование собственно европейской цензуры интересующего нас периода см. [The War for the Public Mind, 2000]. Пример исследования неоднозначных отношений цензоров и редакторов в России XIX в. см. [Бодрова, 2010].

дирекции императорских театров оценивать пригодность новых пьес для репертуара, и проч. [см.: Вдовин, 2014; Романова, 2018].

Со своей стороны, литературное сообщество в целом встретило новые предложения правительства с огромным энтузиазмом; большинство литераторов, которым предлагалось участвовать в правительственных проектах, во второй половине 1850-х годов отвечало согласием. Даже Герцен публично поддерживал позицию Александра II, критикуя оппонентов реформ. Примечательно, что в числе этих оппонентов он упоминал попечителя Петербургского учебного округа, то есть одного из руководителей цензурного аппарата: «Правда ли, что подозрительные люди, враждебные правительству, собираются всякую неделю у бывшего петербургского попечителя Мусина-Пушкина с целью порицания всех действий государя в пользу прогресса и развития» [Герцен, 1958: 19; статья «Правда ли?», 1857].

Многие «либеральные бюрократы» считали, что политика в области печати, в том числе цензурная политика, должна соответствовать новой ситуации. Цензор, согласно мнению, по крайней мере, многих руководителей ведомства, должен был быть ближе к литературному миру. Именно этим объясняются увольнение наиболее одиозных сотрудников этого ведомства, таких как Н.В. Елагин, и назначение на цензорские должности известных писателей, в том числе упомянутого выше Лажечникова, а также Гончарова и Тютчева, занявшего пост председателя Комитета цензуры иностранной [см.: Жирков, 2000; Фут, 2008]. Кадровые перемены по цензуре и отмена Комитета 2 апреля 1848 г. воспринимались некоторыми литераторами как значимая составляющая «духа времени» — эпохи реформ. Так, 8 декабря 1855 г. Е.Н. Эдельсон писал жене: «Петербург просто обдал меня благоприятными новостями: уничтожение негласного цензурного комитета, университет в Сибири, перемена цензоров — вот новости, которыми меня встретили»².

Отношение самих литераторов к цензуре, конечно, не было всецело одобрительным. Несмотря на симпатию к новому курсу правительства, многие писатели считали службу в цензуре зазорным занятием, по крайней мере, для одного из «своих» [Бодрова, Зубков, 2020]. В особенности последователен здесь был Герцен, на страницах «Колокола» неоднократно обличавший цензоров самых разных рангов, вплоть до Вяземского (см. названную выше статью). Продолжали вызывать всеобщее раздражение цензоры старой формации, склонные к произвольным и резким запретам [Фут, 2008].

Однако в целом писатели сохраняли определенную надежду на нормализацию отношений с цензурным ведомством. Это ожидание

² ОР РНБ. Ф. 1123. № 67. Л. 42.

было логично, если учесть убежденность в том, что государство настроено по отношению к ним доброжелательно. Очень высокой степенью поддержки пользовались в литературных кругах демонстративно «либеральные» цензоры. Так, Н.Ф. фон Крузе, вынужденный уйти в отставку именно из-за мягких решений, пользовался поддержкой широкого круга литераторов самых разных направлений [Репинецкий, 2011].

На этом фоне цензурный скандал 1856 г. мог восприниматься — и, как мы покажем в следующей статье, воспринимался — не как репрессивный акт, а как ненужная и вредная провокация со стороны «Современника», отвергнувшего предложения власти пойти на контакт. Литературное сообщество было в большинстве своем убеждено, что конфликт инициировали именно сотрудники журнала, а не цензоры, хотя и не могло прийти к единому мнению относительно персональной ответственности редакторов и причин, вызвавших столкновение. Более того, в целом не далек был от такого понимания и сам Некрасов, который, впрочем, не был склонен считать себя виноватым.

Список литературы

1. *Бельчиков Н.Ф.* Н.А. Некрасов и цензура // Красный архив. 1922. Т. I. С. 355–360.
2. *Бодрова А.С.* О журнальных замыслах, чуткой цензуре и повседневном быте московских цензоров: из истории раннего «Москвитянина» // Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2010. С. 350–371.
3. *Бодрова А.С., Зубков К.Ю.* Дух и детали: Практики цензурного чтения и общественный статус цензора в предреформенную эпоху (случай И.А. Гончарова) // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2020. Т. 65. № 1. С. 123–141.
4. *Вдовин А.В.* Русская этнография 1850-х годов и этос цивилизаторской миссии: случай «литературной экспедиции» Морского министерства // Ab Imperio. 2014. № 1. С. 91–126.
5. П.А. Вяземский — цензор Некрасова / Публ. В.С. Нечаевой // Литературное наследство. Т. 53–54. Н.А. Некрасов. <Кн.> III. М., 1949. С. 213–218.
6. *Гаркави А.М.* Н.А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1966. (Ученые записки Калининградского государственного педагогического института. Вып. XIII.)
7. *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. XIII. М., 1958.
8. *Дартон Р.* Цензоры за работой: как государство формирует литературу. М., 2017.
9. *Евгеньев-Максимов Е.В.* В цензурных тисках (Из истории цензурных гонений на поэзию Некрасова) // Книга и Революция. 1921. № 2 (14). С. 36–46.

10. *Евгеньев-Максимов Е.В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936.
11. *Жирков Г.В.* «Но мыслью обнял все, что на пути заметил...» // У мысли стоя на часах...: Цензоры России и цензура. СПб., 2000. С. 100–158.
12. *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 // Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 39–352.
13. История Комитета 2 апреля 1848 года в документах // Цензура в России: История и современность. Сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 224–246.
14. *Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
15. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2. Л., 1981.
16. *Репинецкий С.А.* Московский цензурный комитет и политика в отношении печати накануне отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 2. С. 109–116.
17. *Романова А.В.* И.А. Гончаров в Комитете, учрежденном для рассмотрения пьес к столетнему юбилею русского театра, и в Театрально-литературном комитете // Русская литература. 2018. № 2. С. 171–193.
18. *Старкова Л.К.* «Цензурный террор» 1848–1855 гг. Саратов, 2000.
19. *Фут И.П.* Увольнение цензора. Дело Н.В. Елагина, 1857 г. // Цензура в России: История и современность. Вып. 4. СПб., 2008. С. 150–171.
20. *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002.
21. *Шевченко М.М.* Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
22. *The War for the Public Mind: Political Censorship in Nineteenth-Century Europe* / ed. R.L. Goldstein. Westport; L., 2000.
23. *Holquist M.* Introduction: Corrupt Originals: The Paradox of Censorship // PMLA. 1994. Vol. 109. № 1. P. 14–25.

K. Zubkov

**“... TIME FOR HIDDEN MOCKERY IS OVER”:
EDITORIAL BOARD OF *THE CONTEMPORARY*,
CENSORSHIP AND RUSSIAN LITERARY COMMUNITY IN 1856**

*Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000*

The article analyses the community of Russian professional writers of the late 1850s and its reaction to the actions of the office of censorship. The examination of the position of authors on the censorship not only draws attention to the data that the scholars have not yet considered but allows to revise the traditional conceptions

of relations between the government and literature in mid XIXth century Russia. The article is mostly based on the private letters of the writers (mostly connected to St. Petersburg), which reflects their attitudes towards the scandal of 1856 when the publication of the “Poems” by Nikolay Nekrasov and the reprinting of several of his works in *The Contemporary* resulted in a turmoil in the agency of censorship. While the official documents related to the case have been extensively published and interpreted by the scholars, the opinion of most writers of the age has evaded serious consideration. Departing from the methods currently employed in the modern scholarship of the censorship (most notably by Robert Darnton) I attempt to show that the writers of 1850s usually saw the censor not as an opponent, but as a potential ally and sympathiser. The liability for breaking the peculiar hidden convention between writers and censors was usually imposed on the editors of *The Contemporary*, not the censor.

Key words: N.A. Nekrasov; N.G. Chernyshevsky; censorship; history of literature; literary journals; the Contemporary.

About the author: Kirill Zubkov — PhD, Associate Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); Research Fellow, Institute of Russian Language and Literature, Russian Academy of Sciences (Pushkin House) (e-mail: k_zubkov@inbox.ru).

References

1. Bel'chikov N.F. N.A. Nekrasov i cenzura [N.A. Nekrasov and the Censor]. *Krasnyj arhiv*, 1922, vol. I, pp. 355–360 (In Russ.)
2. Bodrova A.S. O zhurnal'nyh zamyslah, chutkoj cenzure i povsednevnom byte moskovskih cenzorov: iz istorii rannego “Moskvitjanina” [On the Plans of Journalists, Sensitive Censorship and Everyday Life of Moscow Censors: from the History of the Early Moscovite]. *Permjakovskij sbornik. Part. 2.* Moscow, OGI Publ., 2010, pp. 350–371.
3. Bodrova A.S., Zubkov K. Ju. Duh i detali: Praktiki cenzurnogo chtenija i obshhestvennyj status cenzora v predreformennuju jepohu (sluchaj I.A. Goncharova) [Spirit and Details: Practices of Censorial Reading and the Social Status of Censor during the Pre-Reform Era (The Case of I.A. Goncharov)]. *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, 2020, Vol. 65, № 1, pp. 123–141. (In Russ.)
4. Vdovin A.V. Russkaja jetnografija 1850-h godov i jetos civilizatorskoj missii: sluchaj “literaturnoj jekspedicii” Morskogo ministerstva [Nationalizing Science in Mid-Nineteenth Century Russia: Ideological Origins of the Naval Ministry's “Literary Expedition”]. *Ab Imperio*, 2014, № 1, pp. 91–126 (In Russ.) doi: 10.1080/00806765.2015.1042761
5. P.A. Vjazemskij — cenzor Nekrasova / publ. V.S. Nechaevoj [Nechaeva V.S. (ed.) P.A. Viazemsky — Censor of Nekrasov]. *Literaturnoe nasledstvo*, Vol. 53–54. N.A. Nekrasov. <Part> III. Moscow, Nauka Publ., 1949, pp. 213–218.
6. Garkavi A.M. *N.A. Nekrasov v bor'be s carskoj cenzuroj* [N.A. Nekrasov Struggles with Tsarist Censorship]. Kaliningrad, Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 303 p.

7. Gercen A.I. *Sobr. soch.: V 30 t. T. XIII* [Collected Works: 30 Vols. Vol. XIII]. Moscow, Nauka, 1958. 676 p.
8. Darnton R. *Cenzory za rabotoj: kak gosudarstvo formiruet literaturu* [Censors at Work: How States Shaped Literature]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2017. 382 p.
9. Evgen'ev-Maksimov V.E. V cenzurnyh tiskah (Iz istorii cenzurnyh gonenij na poeziju Nekrasova) [In the Vise of Censorship (Towards History of Censorial Oppression of the Poetry of Nekrasov)]. *Kniga i Revoljucija*, 1921, № 2 (14), pp. 36–46.
10. Evgen'ev-Maksimov V.E. “Sovremennik” pri Chernyshevskom i Dobroljubove [The Contemporary in the Age of Chernyshevsky and Dobroliubov]. Leningrad, *GIHL Publ.*, 1936. 622 p.
11. Zhirkov G.V. “No mysl'ju obnjaj vse, chto na puti zametil...” [“But with His Thought He Could Embrace Anything that he Saw on His Way”]. Zhirkov G.V. (ed.) *U mysli stoja na chasah...: Cenzory Rossii i cenzura*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, 2000, pp. 100–158.
12. Zaharova L.G. Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861 [Autocracy and the Abolishment of Serfdom in Russia. 1856–1861]. Zaharova L.G. *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 39–352.
13. Grinchenko N.A. (ed.) Istorija Komiteta 2 aprelja 1848 goda v dokumentah [The History of the Committee of April 2 1848 Reflected in Documents]. *Cenzura v Rossii: Istorija i sovremennost'. Vol. 3*. Saint Petersburg, *Rossijskaya natsional'naya biblioteka, Sankt-Peterburgskij filial Instituta istorii i yestestvoznaniya i tekhniki RAN Publ.*, 2006, pp. 224–246.
14. Lemke M.K. *Ocherki po istorii russkoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletija* [Essays on the History of Russian Censorship and Journalism of XIX Century]. Saint Petersburg, *Trud Publ.* 1904. 427 p.
15. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 15 t. T. 2* [Complete Works and Letters: 15 Vols. Vol. 2]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1981. 447 p.
16. Repineckij S.A. Moskovskij cenzurnyj komitet i politika v otnoshenii pechati nakanune otmeny krepostnogo prava [Moscow Censorship Committee and Political Position on Publishing on the Eve of Abolishment of Serfdom]. *Rossijskaja istorija*, 2011, № 2, pp. 109–116.
17. Romanova A.V. I.A. Goncharov v Komitete, uchrezhdennom dlja rassmotrenija p'es k stoletnemu jubileju russkogo teatra, i v Teatral'no-literaturnom komitete [I.A. Goncharov in the Committee Established to Revise the Plays Submitted for the 100th Anniversary of Russian Theater]. *Russkaja literatura*, 2018, № 2, pp. 171–193.
18. Starkova L.K. “Cenzurnyj terror” 1848–1855 gg. [“Censorial Terror” in 1845–1855] Saratov, Samarskij Pedagogicheskij Institut Publ., 2000. 27 p.
19. Foote I.P. Uvol'nenie cenzora. Delo N.V. Elagina, 1857 g. [Dismissal of a Censor. The Case of N.V. Elagin, 1857]. *Cenzura v Rossii: Istorija i sovremennost'. Vol. 4*. Saint Petersburg, *Rossijskaya natsional'naya biblioteka, Sankt-Peterburgskij filial Instituta istorii i yestestvoznaniya i tekhniki RAN Publ.*, 2008, pp. 150–171.

20. Hristoforov I.A. “*Aristokratičeskaja*” *oppozicija Velikim reformam (konec 1850 – seredina 1870-h gg.)* [“Aristocratic” Opposition to the Great Reforms (Late 1850 – Mid 1870ies)]. Moscow, *Russkoe slovo-RS Publ.*, 2002. 429 p.
21. Shevchenko M.M. *Konec odnogo velichija: vlast’, obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoj Rossii na poroge Osvoboditel’nyh reform* [The End of a Majesty: Government, Education and Printed Word in Imperial Russia on the Eve of the Liberational Reforms]. Moscow, *Tri Kvadrata Publ.*, 2003. 268 p.
22. Goldstein R.L. (ed.) *The War for the Public Mind: Political Censorship in Nineteenth-Century Europe*. Westport; London, *Greenwood Publishing Group*, 2000. 280 p.
23. *Holquist M.* Introduction: Corrupt Originals: The Paradox of Censorship. *PMLA*. 1994, Vol. 109, № 1, pp. 14–25.

Линь Гуаньцюн

**МИФОПОЭТИКА ОБРАЗА ОБОРОТНЯ-КРЫСЫ
(«ВОЗВРАЩЕНИЕ Г-ЖИ ЦАЙ» Б.М. ЮЛЬСКОГО
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ)¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье анализируется функциональность мифологемы оборотня-крысы в рассказе русского писателя харбинской диаспоры Б.М. Юльского «Возвращение г-жи Цай» и вошедшей в состав сборника китайских фантастических историй «Ляо-чжай-чжи-и» новелле Пу Сунлина «А-сянь». Персонажам Юльского и Пу Сунлина соответствуют сформулированные В.Я. Проппом черты волшебного помощника. Сходство интерпретаций психотипа оборотня-крысы доказывает влияние китайской литературной традиции на текст Юльского. Прослежена эволюция образа крысы от архаического символа (крыса как выражение зла в «Ши цзин», «Шань хай цзин», «Ван Чжоунань не отвечает на слова крысы») к двойственной семантике образа в позднейших текстах («Записки времен тайпинов», «Путешествие на Запад», «Повествование о (династиях) Суй и Тан», «Полное собрание жизнеописания восьми корифеев даосизма»). Юльский отступает от западной и русской традиции изображать крысу как чистое зло (так она изображалась, например, в «Крысином короле Бирлиби» Э.М. Арндта, «Шелкунчике» Э.-Т.-А. Гофмана, «Крысолове» А.С. Грина, «Крысе» Н.С. Гумилева, «Крысолове» М.И. Цветаевой; заметим, что в работе отмечается существенное различие в русской литературе символики образов крысы и мыши).

Юльский внес свой вклад в создание фронтальной мифологии; показанная им этноментальность (курение опиума, китайский народный погребальный обряд, мистика перерождения и др.), дала непредвзятую картину инокультурного пространства. «Возвращение г-жи Цай» свидетельствует о развитии в 1930-е годы русского магического рассказа.

Ключевые слова: крыса; оборотень; фронтальная мифология; харбинская диаспора; этнокультура.

Этнокультурная специфика пограничной зоны России и Китая — одна из приоритетных тем русских писателей харбинской диаспоры.

Линь Гуаньцюн — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: linguantsyun@mail.ru).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

Б.М. Юльский (1912–1950?) — автор рассказов, где «соединяются русские ментальные установки, мифология дальневосточного фронта, традиции западной приключенческой литературы и натуралистической прозы дальневосточного зарубежья» [Забияко, 2015: 91]. Самым известным прозаиком русского Харбина был, возможно, Н.А. Байков, вдохновленный Д.И. Менделеевым и Н.М. Пржевальским на исследование Дальнего Востока, однако считается, что Юльский «“литературнее” Байкова, да и темы его рассказов несравненно шире» [Ли Мэн, 2012: 212]. В своих этнографических рассказах Юльский создал систему «мифологических представлений носителей фронтальной ментальности» [Забияко, 2011: 119]).

Рассказ «Возвращение г-жи Цай» впервые опубликован в № 28 журнала «Рубеж» за 1937 г. Мотив чуда — ключевой в сюжете. Повествование выстраивается вокруг образа крысы-оборотня, что редко встречается в литературе России и Западной Европы. Герой, почтенный господин Цай, после смерти своей супруги госпожи Цай Цзи-шень каждый вечер с помощью опиумного дыма вызывал в памяти ее образ. Однажды господин Цай увидел, как «в углу появилась и села на лапки огромная рыжевато-серая крыса с острой хитрой мордочкой и блестящими бисеринками-глазами» [Юльский, 2011: 319; ниже рассказ цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках). Герой знал, что «оборотни часто принимают облик лисицы» (там же) и потому поначалу усомнился в магической сути крысы. Крыса каждый день приходила к господину Цаю, вместе с ним курила опиум, и он, наконец, осознал, что она понимала обращенные к ней слова. Общение с крысой спасло вдовца, страдавшего из-за того, что он не мог выкупить домик, где умерла супруга и с которым были связаны светлые воспоминания об их семейном счастье: когда герой было решил покончить жизнь самоубийством и простился с крысой, она принесла ему в зубах бриллианты. Через три года герой и крыса умерли; соседи считали, что крыса — «добрый дух дома, охранявший хозяина и теперь, когда старый Цай умер, покинувший землю для того, чтобы вернуться в свои небесные края» (324).

Крыса здесь обладает антропоморфной природой и действует как волшебный помощник. Принесенные крысой бриллианты функционально тождественны спасительному средству из волшебной сказки: «давая в руки героя волшебное средство, сказка достигает вершины» [Пропп, 1998: 253]. Эпизод обретения бриллиантов — кульминация рассказа: герой понял, что крыса — госпожа Цай Цзи-шень. Название рассказа — семантически сильный элемент текста — также говорит об оборотнической природе крысы. Обратившийся к китайским реалиям Юльский ориентировался не на таких привычных волшебных помощников, как волк, орел, конь, медведь. Наделив образ крысы

позитивной коннотацией, он явно отступил от известных сюжетов мировой литературы. Его выбор не отвечал ни ментальности русских, ни ментальности европейцев.

Отношение к крысе в культуре Запада и Востока различно. Образ крысы на Западе исключительно негативный: она — источник эпидемии. В 1284 г. крысолов спас город Гамельн от крыс, и это событие легло в основу средневековой немецкой легенды «Гамельнский крысолов», получившей многочисленные интерпретации. Наиболее известный русский вариант легенды — поэма Цветаевой «Крысолов» (1925); для крыс здесь характерен маршевый ритм речи, упрощенная лексика, частые тире, имитирующие враждебный жест: «Коль не бос — кровосос, / Коль не бит — паразит <...> / В новый мир, дескать, брешь: / Не потел — так не ешь, / Не пыхтел — так не ешь, / Не пострел — так не ешь. / До поры, дескать, цел: / Не потел — под расстрел, / Не хотел — под расстрел, / Не пострел — под расстрел!» Назовем также рассказ-мистификацию Грина «Крысолов» (1924), с которым рассказ Юльского сближают детали: герой Грина видит в заброшенном банке образ знакомой девушки, он погружается в сны, сталкивается с крысами-оборотнями, упоминается бриллиантовый перстень. Но черные гвинейские крысы-оборотни, обосновавшиеся в петроградском Центральном банке, — воплощенное зло, они задумывают убийство Крысолова: «— Привет Избавителю! — ревом возгласил хор. — Смерть Крысолову! — Смерть! — мрачно прозвенели женские голоса <...> — Он умрет, — сказал неизвестный, — но не сразу». В истории, рассказанной Грином, крысы они обладают интеллектом, адаптируются в городском пространстве, свободно принимают человеческий облик, от их укуса жертва гниет заживо.

Грин приводит обширную цитату из вымышленной средневековой книги Э. Эртруса «Кладовая крысиного короля» и тем самым расширяет мифологическое поле «крысиного» сюжета. Крысиный король — злодейское семиглавое существо из «Щелкунчика» (1816) Гофмана. Огромный лесной король с золотой короной на крысиной голове — персонаж сказки Э.М. Арндта «Крысиный король Бирлиби» (1818), для него в Вальпургиеву ночь множество крестьян за ворованное золото разгружают мешки со снедью. Крысиный король — монстр из «Крыс» (1974) Дж. Герберта; в романе описано, как черные крысы заживо съедают людей, намертво впиваясь в тело. Описание биологии реального крысиного короля дано в книге А.Э. Брэма «Жизнь животных. Всеобщая история животного царства» (СПб., 1866).

В ряде историй крыса — самодостаточный литературный образ или мотив, не имеющий никакого отношения ни к известной легенде о Крысолове, ни к сюжетам о крысином короле. Например, в «Чуме» (1947) Камю. В русской литературе известна басня Крылова «Мышь и Крыса» (1816). В образе крысы из стихотворения Гумиле-

ва «Крыса» (<1908>) сфокусирован панический детский ужас: она «злая», с «колючими усами», ее глазки «горят от радости и злости», они «словно уголечки» (ср.: «блестящие бисеринки-глаза» в рассказе Юльского). Назовем повесть-сказку А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1935), с «крысиной» темой которой созвучен эпизод фантазмагорической антиутопии Ю.П. Азарова «Групповые люди» (1990). В приведенных примерах крыса — знак угрозы, искушения, смерти. Отметим, что русская поэзия более снисходительна к мыши. В поэтическом цикле Ходасевича «Мыши» (1913) они — «желанные гости» — учат «жить потише», являются примером «жизни ясной, бедной и святой»; лирический герой обращается к мыши по имени Сырник: «Друг и покровитель, честный собеседник, / Стереги мой домик до рассвета дня... / Дорогой учитель, мудрый проповедник, / Обождатель сыра, — не оставь меня!»

В восточной культуре образ крысы амбивалентен. Поскольку крыса накапливает в норе пищу, в сознании жителей Востока она выступает символом богатства и процветания. В некоторых восточных культурах крыса — божественный атрибут, прорицательница и т.д. В индуизме бог мудрости и благополучия Ганеша восседает на вахане — крысе; крыса — помощница и спутница японского бога удачи Дайкоку; в лаосской мифологии она провидит надвигающийся Всемирный потоп. Крыса — первое из двенадцати животных, которые символизируют цикл восточного календаря, что тоже подчеркивает ее судьбоносную роль в цивилизациях Востока. В китайской традиции в третий день Нового года по лунному календарю устраиваются крысиные свадьбы, и вечером этого дня люди обычно рано ложатся спать, чтобы не помешать крысам.

Крыса в китайской литературе — архаичный образ, претерпевший эволюцию. Сначала крыса символизировала зло. В древнейшем памятнике китайской литературы «Ши цзин» (период Чуньцю) содержатся две песни о крысе: в песне «На крысу взгляни» ирония: бесстыдный правитель хуже крысы; в песне «Большая крыса» эксплуататор уподобляется «большой и прожорливой крысе» [Абраменко, 2015: 253]. В древнекитайском мифологическом трактате «Шань хай цзин» (период Сражающихся царств) описано похожее на крысу животное, воспринимаемое как предвестие бедствия: «Где его увидят, в том царстве быть большой войне» [Каталог гор и морей, 1977: 89].

«Записки о поисках духов» (336) — один из древнейших сборников китайских фантастических рассказов — включают рассказ «Ван Чжоунань не отвечает на слова крысы» об оборотне-крысе, предсказывающей смерть главного героя и даже облаченной в человеческие одежды.

Со временем отношение китайцев к крысе усложняется: в «Записках времен тайпинов», «Путешествии на Запад» (1570) и «По-

вестовании о (династиях) Суй и Тан» (1675) он отрицательный, в «Полном собрании жизнеописания восьми корифеев даосизма» (1868) У-гоу-дао-жэня он положительный.

Мы предполагаем знакомство Юльского с историями о крысе-оборотне. Рассказ «Возвращение г-жи Цай» сопоставим с новеллой «А-сянь», вошедшей в состав сборника фантастических историй «Ляо-чжай-чжи-и» (династия Цин) Пу Сунлина. Не беремся утверждать, что Юльский читал прозу Пу Сунлина, но типологическое сходство текстов Юльского и Пу Сунлина очевидно. В новелле Пу Сунлина оборотень-крыса А-сянь — прекрасная девушка: у нее была «стройная фигура, красивое лицо и изящные манеры» [Пу Сунлин, 2017: 628], что напоминает портрет молодой госпожи Цай при ее первой встрече с будущим мужем — ее щеки «были нежны и теплы, как персик под солнцем» [Юльский, 2011: 317]. После смерти госпожа Цай превратилась в огромную крысу и далее все более и более увеличивалась в объеме. Нет описания фигуры А-сянь, превратившейся в крысу, но сообщается, что ее отец (тоже оборотень-крыса) был «огромным, как кошка» [Пу Сунлин, 2017: 629]. В доме мужа А-сянь была «молчаливой, нежной. Она только улыбалась, когда кто-то с ней говорил» [Пу Сунлин, 2017: там же]. В рассказе Юльского оборотень-крыса — само спокойствие, она «с вниманием вслушивалась в каждое слово» (321) господина Цая. Столкнувшись с недоверием к себе мужа и его родных, А-сянь покинула их, после чего семья постепенно обеднела. Богатство вновь пришло в дом после того, как А-сянь были принесены извинения, и она вернулась в семью. Мотиву чудесного богатства из новеллы Пу Сунлина созвучен мотив чудесного приобретения бриллиантов в рассказе Юльского.

Как отмечает Е.О. Кириллова, рассказ «Возвращение г-жи Цай» Юльского — «стилизация под китайскую фантастическую новеллу» [Кириллова, 2015: 59]. Для сюжета «Возвращения г-жи Цай» значим мотив перерождения, реинкарнации, важнейшего понятия для индуизма, буддизма и даосизма. Идея реинкарнации мотивирует следующую мысль господина Цая: «не вошла ли душа госпожи Цзи-шень в тело этой крысы» (320). Согласно даосизму и неоконфуцианству, «человек может преодолеть свою “отключенность”, “отдельность” от мира» и создать «единое целое» [Торчинов, 2005: 91]; «из мира ничего не уходит насовсем, все перерождается, все связано невидимыми нитями» [Кириллова, 2015: 65]. После того как крыса принесла в зубах бриллианты, господин Цай сказал ей: «Ты — душа моей верной, возлюбленной Цзи-шень, и ты пришла для того, чтобы быть со мной всегда и помочь мне в минуту несчастья!» (323). Герой не сомневается, что супруга никогда не покидала ни его, ни домик, ни этот мир.

Кроме того, в рассказе Юльского через образ оборотня-крысы, спутницы господина Цая в курении опиума, актуализируются частые в китайской литературе мотивы отшельничества, отчужденности от суетности бытия, созерцательности вплоть до ухода в онейрические состояния. Курение опиума и вечерние беседы героя и крысы порождают иллюзию ухода в благополучный мир, отчего боль от потери супруги «не столь сильная, не столь мучительная» (316). Как справедливо пишет Е.Г. Иващенко, «автор пытается приблизиться к пониманию утопии “тихой жизни”, когда герой погружен в созерцание природы и свои внутренние ощущения, а внешний мир находится вне сферы его интересов» [Иващенко, 2006: 116]. Отметим, что в Китае отшельнический образ жизни восходит к высшей даосской ценности «недеяния» (созерцательной пассивности). Созданный Юльским образ оборотня-крысы связан с религиозным смыслом рассказа.

Изображая национальную ментальность, Юльский особенно внимателен к реалиям китайского быта и мифологемам китайской культуры. В начале рассказа сообщается, что историю о господине Цае «обстоятельно и витиевато» рассказал старый китаец. Автору пришлось изложить ее своим «собственным слогом, лишь изредка вставляя особенно характерные фразы и пояснения» старика. Например, курение опиума в XIX — первой половине XX в. — типичное социальное явление в Китае, особенно на пограничной территории России и Северо-Восточного Китая². В начале и конце рассказа упомянуто, что белые бумажные кони, сожженные на похоронах, могут увозить души героя и его супруги в «золотое просторное небо» (317), что соответствует реальному китайскому народному погребальному обряду, возникшему в период Вэй-Цзинь (220—420 гг.): китайцы верят, что бумажные деньги, дома, кони, сожженные после смерти человека, могут быть использованы им в потустороннем мире. Посреди двора господина Цая стоял деревянный «щит с большим черным иероглифом “Фу”, что означает — “Счастье”» (318), который часто ставят китайцы для обеспечения благополучия.

Юльский соединяет в одно целое узнаваемую конкретику и образ-миф. Он стирает границу между жизнеподобным изображением и мистикой, дает русскоязычному читателю представление об инокультурном пространстве и вносит свой вклад в формирование жанра магического рассказа, в котором, в отличие от фантастической прозы, все чудесное — свойство скрытой реальности и воспринимается как само собой разумеющееся³. Юльский интегрировал в реальность фронтальной территории магическую историю, сфокусировав в героине-мифе черты этнокультуры.

² Курение опиума является частым мотивом, например, в цикле рассказов «Хунзузы» (1924) русского писателя харбинской эмиграции П.В. Шкуркина.

³ См., напр.: [Гугнин, 2001: 489].

Список литературы

1. *Абраменко В.П.* Ши цзин (Канон поэзии): поэтический перевод. М., 2015.
2. *Гугнин А.А.* Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Ст. 489–492.
3. *Забияко А.А.* Проза харбинского писателя Бориса Юльского в контексте художественной этнографии дальневосточного зарубежья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 91–102.
4. *Забияко А.А.* «Фронтальная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: сборник материалов международной научно-практической конференции. 2011. Вып. 9. С. 119–140.
5. *Иващенко Е.Г.* «Утраченные иллюзии» Бориса Юльского // Русский Харбин, запечатленный в слове. Благовещенск, 2006. С. 105–127.
6. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М., 1977.
7. *Кириллова Е.О.* Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов). Владивосток, 2015.
8. *Ли Мэн.* «Он Байкова литературнее» (о прозе Б. Юльского) // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ: к 70-летию профессора В.В. Агеносова. Благовещенск, 2012. С. 210–212.
9. *Пропп В.Я.* Волшебные дары // Пропп В.Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 253–286.
10. *Торчинов Е.А.* Вещь и вещьность в китайской и европейской философии // Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб., 2005. С. 85–95.
11. *Юльский Б.* Возвращение г-жи Цай // Юльский Б. Зеленый легион: повесть и рассказы. Владивосток, 2011. С. 316–324.
12. *Пу Сунлин.* А-сянь. 蒲松齡. 阿纤 // Пу Сунлин. Ляо-чжай-чжи-и (Описание чудесного из кабинета Ляо). 蒲松齡. 聊斋志异 / Коммент. Чжу Лиго. Пекин, 2017. С. 628–630.

Lin Guanqiong

MYTHOPOETICS OF THE WEREWOLF-RAT IMAGE (B.M. YULSKY'S "THE RETURN OF MRS. CAI" AND THE LITERARY CONTEXT)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyses the functionality of the werewolf-rat mythologemes in the story by the Russian writer of the Harbin diaspora B.M. Yulsky "The Return

of Mrs. Cai” and the short story by Pu Songling “A Xian” which is included in the collection of Chinese fantastic stories “Liaozhai Zhiyi”. The characters of Yulsky and Pu Songling correspond to the traits of the magical helper formulated by V. Ya. Propp. The similarity of interpretations of the werewolf-rat psychotype proves the influence of Chinese literary tradition on Yulsky’s text. The evolution of the archaic image of the rat is traced as an expression of evil in “Shijing”, “Shan Hai Jing”, “Wang Zhounan does not respond to the words of the rat” to its dual semantics in later years: “Taiping Guangji”, “Journey to the West”, “Heroes in Sui and Tang Dynasties”, “Complete biography of the Eight luminaries of Taoism”. Yulsky deviates from the Western and Russian tradition of portraying the rat as an unprecedented evil, as evidenced by the content of E.M. Arndt’s “Rat King Birlibi”, E.-T.-A. Hoffmann’s “The Nutcracker”, A.S. Grin’s “The Pied Piper”, N.S. Gumilyov’s “Rat”, M.I. Tsvetaeva’s “The Pied Piper” and several other texts. Some of them are based on the plots about the Pied Piper of Hamelin, the Rat King, others are self-sufficient, in the “rat” theme they represent completely authorial fiction. A tolerant attitude of Russian literature to the image of the mouse is noted (cycle by V.F. Khodasevich “Mice”). Yulsky contributed to the creation of the authorial frontier mythology, the ethno-mentality shown by him (opium smoking, Chinese folk funeral rite, mysticism of rebirth, etc.) gave an unbiased picture of the foreign cultural space. The story he told testifies to the development of Russian magical stories in the 1930s.

Key words: rat; werewolf; frontier mythology; Harbin diaspora; ethnic culture.

About the author: *Lin Guanqiong* — PhD Student, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: linguantsyun@mail.ru).

References

1. Abramenko V.P. *Shi czin (Kanon poezii): poetičeskij perevod* [Shijing: Poetic Translation]. Moscow, *Institut Dal'negu Vostoka RAN*, 2015. 398 p. (In Russ.)
2. Gugnin A.A. Magičeskij realizm [Magical Realism]. *Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij*. [Literary encyclopaedia of terms and concepts] Moscow, *NPK “Intelyak”*, 2001. St. 489–492. (In Russ.)
3. Zabijako A.A. Proza harbinskogo pisatelja Borisa Jul'skogo v kontekste hudozhestvennoj jetnografii dal'nevostochnogo zarubezh'ja [Prose of the Harbin writer Boris Yulsky in the Context of the Artistic Ethnography of the Far East Abroad]. *Gumanitarnye issledovanija v Vostočnoj Sibiri i na Dal'nej Vostoke* [Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East], 2015, № 2, pp. 91–102. (In Russ.)
4. Zabijako A.A. “Frontirnaja mifologija” v hudozhestvennoj refleksii dal'nevostochnyh pisatelej (20–30 gg. XX v.) [“Frontier Mythology” in the Artistic Reflection of Far Eastern writers (1920–1930s)]. *Rossija i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Russkie i kitajcy: regional'nye problemy jetnokul'turnogo vzaimodejstvija: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Russia and China on the Far Eastern Frontiers. Russians and Chinese: Regional Problems of Ethnocultural Interaction: Pro-

- ceedings of the International Scientific-Practical Conference]. 2011, Issue 9, pp. 119–140. (In Russ.)
5. Ivashhenko E.G. “Utrachennye illjuzii” Borisa Jul’skogo. [Boris Yulsky’s “Lost Illusions”] *Russkij Harbin, zapechatlennyj v slove*. [Russian Harbin, Captured in Words]. Blagoveshchensk, *Amurskij gosudarstvennyj universitet*, 2006, pp. 105–127. (In Russ.)
 6. *Katalog gor i morej (Shan’ haj czin)* [Shan Hai Jing]. Moscow, *Nauka*, 1977. 233 p. (In Russ.)
 7. Kirillova E.O. *Oriental’nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh’ja Dal’nego Vostoka (B.M. Jul’skij, N.A. Bajkov, M.V. Shherbakov, E.E. Jashnov)* [Oriental Themes, Images, and Motives in the Literature of the Russian Far East Abroad (B.M. Yulsky, N.A. Baykov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov)]. Vladivostok, *Dal’nevostochnyj federal’nyj universitet*, 2015. 276 p. (In Russ.)
 8. Li Meng. “On Bajkova literaturnee” (o proze B. Jul’skogo) [“He Is More Literary than Baykov” (about the prose by B. Yulsky)]. *Russkij Harbin, zapechatlennyj v slove: Sbornik nauchnyh rabot: k 70-letiju professora V.V. Agenosov* [Russian Harbin, Captured in Words: A Collection of Scientific Works: To the 70th Anniversary of Prof. V.V. Agenosov]. Blagoveshchensk, *Amurskij gosudarstvennyj universitet*, 2012, pp. 210–212. (In Russ.)
 9. Propp V. Ja. *Volshebnye dary* [Magic Gifts]. Propp V. Ja. *Morfologija (volshebnoj) skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The Morphology of Fairy Tale. The Historical Roots of Fairy Tale]. Moscow, *Labirint*, 1998, pp. 253–286. (In Russ.)
 10. Torchinov E.A. *Veshh’ i veshhnost’ v kitajskoj i evropejskoj filosofii* [The Thing and Thingness in Chinese and European Philosophy]. *Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel’nogo* The Ways of Philosophy of East and West: Knowledge of the Out-of-bounds]. Saint Petersburg, *Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie*, 2005, pp. 85–95. (In Russ.)
 11. Jul’skij B. *Vozvrashhenie g-zhi Caj* [The Return of Mrs. Cai]. Jul’skij B. *Zelesnyj legion: povest’ i rasskazy* [The Green Legion: A Tale and Stories]. Vladivostok, *Al’manah “Rubezh”*, 2011, pp. 316–324. (In Russ.)
 12. Pu Songling. A Xian. Pu Songling. *Liaozhai Zhiyi*. Beijing, *Huaxia Press*, 2017, pp. 628–630.

В.Ш. Кривонос

АНЕКДОТ И ФАНТАСТИКА В «ДВОЙНИКЕ» БОРИСА САДОВСКОГО

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Самарский государственный социально-педагогический университет»
443099, Самара, М. Горького, 65/67*

В статье рассматриваются принципы сочетания анекдота и фантастики в фантастическом рассказе Бориса Садовского, впервые напечатанном в 1922 г. под названием «Анекдот», а в 1990 г. опубликованном по позднейшей рукописи с новым названием «Двойник». Описанная в рассказе необычная история изложена как стилизованный бытовой анекдот. Литературный сюжет путешествия во времени служит основой для анекдотического сюжета. Нарративная конструкция с неожиданным финалом напоминает о законе пуанты, а изображение героя ориентировано на анекдотический типаж глупца или простака. Именно как глупец или простака молодой герой ведет себя при встрече с Временем, принявшем образ незнакомки, которая предлагает перенести его на сутки в прошлое, заплатив за один час в прошлом двумя годами жизни. С появлением незнакомки события приобретают фантастический характер. Прибегая к фантастическому допущению, автор конструирует реальность, где оказывается возможно путешествие в Москву 1851 г. В старой Москве герой чувствует себя не участником, а только наблюдателем текущей мимо жизни. Навсегда ушедший мир он воспринимает как потустороннюю реальность, где его окружают покойники и где времени нет. Встреча с внезапно возникшим двойником завершается переходом в другое измерение и возвращением в Москву будущего. Герою, превратившемуся в старика и ставшему пациентом психиатрической клиники, кажется, что он живет в стародавние времена. Старческое слабоумие оказалось настоящей платой за возможность отправиться на сутки в прошлое.

Ключевые слова: Садовской; Двойник; анекдот; фантастика; время; путешествие; Москва; прошлое; будущее; эксперимент.

Фантастический рассказ Бориса Садовского «Двойник», где описывается путешествие героя во времени, датирован автором 1915 г.; в печати он появился под заглавием «Анекдот» в вышедшей в 1922 г.

Кривонос Владислав Шлаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Самарского государственного социально-педагогического университета (e-mail: vkrivonos@gmail.com).

книге автора «Морозные узоры». В 1990 г. рассказ был опубликован по позднейшей рукописи с новым названием (см. комментарий: [Садовской, 1990: 471]; ниже текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках). Первоначальное название возникло вряд ли случайно, на что указывают конструкция текста с неожиданным финалом, напоминающим о законе пуанты (см.: [Курганов, 1997: 30]), и выбор героя, изображение которого ориентировано на определенный анекдотический типаж. Оно видится весьма симптоматичным, поскольку могло показаться автору, активно прибегавшему к стилизации различных жанровых и повествовательных форм, в полной мере отвечающим решаемой им художественной задаче.

Описанное в рассказе происшествие изложено как стилизованный бытовой анекдот, имея в виду под анекдотом не только остроумную, но в первую очередь необычную по своему содержанию историю. Ее необычность, учитывая сам способ перемещения героя в прошлое, не встречавшийся ранее в фантастической литературе, сродни невероятным слухам, зарождающимся и распространяемым в условиях городского общения, и близким к ним по происхождению анекдотам, связанным со слухами «в городской молве» [Белоусов, 1987: 21]. Что касается сюжета путешествия во времени, приобретшего особую популярность в фантастике после выхода в 1895 г. романа Уэлса «Машина времени», то для городского фольклора, составной частью которого являются анекдоты, весьма характерен обмен с литературой сюжетами, подвергавшимися затем соответствующей обработке (см.: [Белоусов, 1987: 22]). Так что литературный сюжет вполне мог послужить основой для анекдотического и превратиться в анекдотический. Отметим, что невероятное происшествие подается в рассказе Садовского как реально случившееся, что свойственно не только фантастическому повествованию, но и анекдоту, так как и там и тут выдуманное выдается за реальное.

Показательно, что герой рассказа, Озимовский, сделан беллетристом, то есть сочинителем, тяготеющим к тиражированию повествовательных шаблонов и сюжетных клише, порожденных книжной словесностью и заимствуемых у нее словесностью устной; в его случае подобное тяготение объясняется еще и возрастом, а также образом жизни: беллетрист он *молодой* и, очевидно, не слишком искушенный в писательском ремесле, зато имеющий привычку «бродить» без цели «по улицам, заходить в рестораны, встречать приятелей» (303). Когда в кофейном павильоне незнакомка «потянула к себе» газету, которую он не успел «развернуть», то ему «... тотчас представилось, что это одна из его поклонниц, светская дама, графиня какая-нибудь, вообще аристократка. Все, что читал

он в романах и наблюдал на сцене, возникло перед ним заманчивой интригой. Он уже видел себя мужем богатой женщины» (303). Тривиальный ход мысли подсказан столь же тривиальным сюжетным ходом, известным ему по литературе. Между тем *заманчивая интрига*, рождающаяся в воображении Озимовского, выдает его сходство с анекдотическим простаком или глупцом, чье поведение характеризуют разного рода «недоразумения и ошибки», проистекающие от «ложного понимания» [Мелетинский, 1990: 19]. Далее это сходство только усиливается.

Незнакомка именуется Озимовского *счастливецем*: ведь она есть само *Время*, что подчеркивают и ее постоянно меняющийся облик, и постоянно меняющаяся окружающая обстановка, и может «унести» его «на сутки в былую жизнь», стоит назвать «любой год, какой пожелаешь»; только надо помнить условие: «... за час, проведенный в прошлом, ты заплатишь двумя годами жизни» (304). Встреча с *Временем*, внезапно представшем в ускользающем от какой-либо определенности женском образе, отнюдь не противоречит логике анекдота, нацеленного на «... психологический эксперимент — моделирование неожиданной, трудно представимой ситуации», но ситуации тем не менее «реальной» [Курганов, 1997: 31]. И Озимовский поступает так, как и положено анекдотическому простаку или глупцу, чьи реакции нередко выглядят «причудливыми», а поступки «абсурдными» [Мелетинский, 1990: 20].

Сделанное ему предложение несет в себе опасность одурачивания, предполагающего «внушаемость простаков, которые с легкостью верят всяким небылицам» [Мелетинский, 1990: 22]. Но решение свое, несмотря на поставленное условие, герой принимает сразу и без особых раздумий, хотя, соглашаясь обменять годы жизни на один день в прошлом, не может не понимать последствий для себя подобного обмена. Просит же он перенести его на один день «в старую Москву» и почему-то в 1851-й год; выбор его кажется незнакомке *странным*, «одна ли Москва на свете», когда можно отправиться в «Египет, Рим, Византию» или «стать современником Гомера», но он «мало читал, за границей не был, языков не знал» (304). Утаенная мотивировка выбора не только не избавляет Озимовского от свойств анекдотического *дурня*, но лишь акцентирует их, так как он слишком буквально (ср.: «Глупость проявляется и в слишком буквальном понимании вещей...» [Мелетинский, 1990: 21]) понял смысл путешествия во времени, мотивированного в фантастической литературе «тоской по прошлому», целью которого как раз и является непредсказуемое «приключение» [Nahin, 1999: 30]. И незнание языков непредсказуемость только усилило бы.

Обратим внимание, что в рассказе, стилизованном под анекдот, разрушается представление о способе путешествия во времени, со-

вершаемого в фантастике, как правило, с помощью специального технического устройства; повествование в анекдоте обычно и направлено на разрушение «всевозможных клише» [Белоусов, 2003: 586]. Очевидно, что функции машины времени не случайно переданы автором самому *Времени*, воплощенному в фантастическом образе незнакомки. Но образ этот, что надо особо отметить, лишен каких-либо анекдотических черт. Перемена названия с первоначального «Анекдот» на «Двойник» свидетельствует, что рассказ, как можно с уверенностью предположить, изначально и был задуман как стилизация не только анекдотического, но и фантастического жанра, что существенно усложняет проекцию героя единственно на анекдотический типаж простака или глупца. Искусно сочетая в нарративной организации рассказа принципы анекдота и фантастики, Садовской стремится выйти за пределы тривиальных художественных решений.

Повествование в «Двойнике» открывается спором, поднявшимся за шампанским, Озимовского и адвоката Мозоля о прошлой и теперешней жизни; беллетрист убежден, что в прошлом «все было естественней и прекрасней», адвокат же уверяет, «что только в наше время начинается настоящая жизнь» и что «лет через пятьдесят будет совсем хорошо», а приятеля своего упрекает в том, что тот во власти «абберрации» и вводит «в заблуждение и себя и публику» (303). Упоминание публики дает основание полагать, что Озимовский склонен идеализировать прошлое не только в споре, но и в своих сочинениях, известных Мозолю; адвокатская профессия подчеркивает, что воображению, творящему легенды, он предпочитает основанное на фактах знание реальности. Развернувшийся спор предшествует встрече Озимовского с незнакомкой, которая словно ставит фантастический эксперимент, предлагая герою отправиться в прошлое, чтобы проверить истинность своего представления о нем, и вернуться *лет через пятьдесят*, чтобы проверить и предсказание Мозоля.

С появлением незнакомки, фигуры одновременно квазиреальной и ирреальной (развитие сюжета должно подтвердить факт ее существования, не связанного с *заблуждениями* героя, но рационально необъяснимый), события приобретают фантастический характер. Вместе с тем *абберрация*, свойственная его восприятию и усиленная выпитым шампанским (способным вызвать состояние быстрого опьянения), оставляет все же сомнения, не является ли незнакомка плодом зрительной галлюцинации, а все, что случается далее, не есть ли оптическая иллюзия. В рассказе обе версии фантастичности, «объективная», не зависящая от человеческого воображения, и «субъективная», продуцируемая «органами чувств» [Ляхманн, 2009: 18–19], присутствуют как вероятностные. Прибегая к фантастическому допущению, автор конструирует реальность, где оказывается *возможной* встреча с незнакомкой, отправившей героя в прошлое, для

чего понадобилось только временно погрузить его в бессознательное состояние: «Озимовский лишился чувств» (304).

Очнувшись на рассвете «в незнакомой комнате» и не сразу поняв, перебирая «вчерашнее», где он и что с ним, герой *вдруг* «вспомнил незнакомку», действительно перенесшую его, как он и просил, в декабрьскую Москву 1851 г.: «Все иное, все чуждое для него. Крашенный пол, деревянная кровать с клопами, отсутствие электричества» (304). В гостинице Озимовский «боялся заговорить» со слугой, принесшим ему кувшин для умывания, так как «чувствовал себя неопытным самозванцем»; первые впечатления не оправдывают его ожидания: «Он думал встретить невиданное что-то, блестящее, как стилизованная страница, а вместо того все было скучно и серо» (305). Увиденное явно не соответствует вымышленной картине, рожденной воображением беллетриста, увлеченного, видно, модой на исторические стилизации.

С ударом благовеста, когда «загудели колокола», начинается отсчет суток, отведенных Озимовскому; герою, решившему, что времени у него «много» и что успеет «высмотреть всё», то есть вновь проявившему свойственное ему легкомыслие, «сделалось весело, как от вина», так что можно было, переживая привычное для него состояние, ни о чем не думать, «отгоняя мысли» и просто рассматривая первых встреченных им прохожих: «Идет мужик с бородой, в полушубке: мужик как мужик. Студент в треуголке и в шинели» (305). А у церкви, где он позже оказался, «уже можно было наблюдать обилие типов», воплощавших характерные приметы того или иного слоя социума, сословия и профессии, знакомые, очевидно, молодому беллетристу по описаниям его предшественников и потому легко узнаваемые: «барыня в салопе» и ее «лакей», примостившийся «на запятках», «подъячий в картузе и с палкой», военный «в каске», за ним «купец с купчихой» (306). Перед взором героя предстает картина московского быта, имеющая явно литературное происхождение, в которой акцентируются особенности беллетристической поэтики, отражающие ее назначение «узнавать» и «знакомить» (см.: [Кривонос, 2008: 31]).

Все части картины, увиденной Озимовским (площади, бульвары, церкви, особняки, дома и проч.), оборачиваются для него пространственными декорациями, заместившими виды *вчерашней* Москвы: «Там, где было вчера кафе, торчала будка» (305); «Вот здесь вчера была булочная Севостьянова, а ныне кто-то живет и теплится огонек» (306). Он ощущает себя не участником текущей мимо него жизни, а ее наблюдателем, замечающим и фиксирующим знаки и приметы навсегда ушедшего мира, и внезапно осознавшим, когда стал разглядывать богомольцев у церкви: «Все покойники, — пришло ему на ум, и тотчас возразил он себе: — А ты кто?» (306). Герой, по его

самоощущению, будто оказался на том свете; его тяготит неясность собственного статуса, почему и засомневался вдруг, не *покойник* ли он сам, как все окружающие. Между тем о событиях, к которым причастны интересующие его обитатели того света, в 1851 г. еще живые, он *уже* знает больше, чем ведомо тем сейчас. Ср.: «Поравнявшись с особняком, где скончался Гоголь, Озимовский вспомнил, что Гоголь теперь в Москве и, наверное, в этом доме»; когда он «робко дернул звонок», то дверь ему «отворила старуха», сообщившая, что Гоголь пошел в церковь, а «за ней выглядывал мальчик в куртке», который, как он подумал, «через два месяца будет жечь “Мертвые души”» (305–306).

Поскольку герой воспринимает ушедший мир как потусторонний, где, как известно, «времени нет» [Толстая, 2010: 154], то он утрачивает и чувство времени, и представление о времени: «Точно он в пустоте, под стеклянным колпаком» (306). Отмечено, что для Садовского, обдумывавшего собственную концепцию времени, физическое время, в отличие от времени исторического, «...было мнимой величиной, существующей лишь в сознании» [Шумихин, 1993: 14]. В рассказе обесмысливается и оказывается мнимостью не историческое, но именно физическое время; *в сознании* героя отмечается, как оно убывает час за часом («Часа три ходил Озимовский по Москве. Наконец проголодался» (307), приближая неминуемый конец путешествия).

В трактире пеловой подал Озимовскому, которого принял за давнишнего посетителя, «свежую книжку “Современника”», он же, обессилив, принял за «расстегай, запивая хересом и перелистывая книгу» (307). В «Современнике», не случайно упомянутом автором, герой не мог не заметить статью М.С. Хотинского, заключительную в цикле «Волшебство и натуральная магия», пытавшегося дать рациональное объяснение различным феноменам, источником которых считались сверхъестественные силы; последовательно описав зрительные иллюзии, показав, как могут обманывать собственные чувства, описав алхимические опыты, он пообещал представить в будущем «еще один рассказ», посвященный происхождению ранее им не рассмотренных «иллюзий и заблуждений» [Хотинский, 1851: 132].

Герою, на воображение которого могли повлиять и выпитый херес, и журнальная статья, несколько раз «начинало казаться», как будто «тень на стене оживает и превращается в юношу, очень похожего на него»; в неизвестном, тоже назвавшем себя Озимовским, кандидатом университета, герой узнает своего родного деда: «Вы отец моего покойного отца» (307). Ситуация с внезапно возникшим двойником, то ли ожившей тенью, превратившейся в юношу, то ли иллюзией, порожденной обманом чувства зрения, вызывает у героя ощущение ужаса: «Я говорю с моим дедом, которого никогда не видал

и не мог увидеть: ведь вы умерли, едва родился отец, а между тем и отца еще нет на свете! Как же я связан с вами и чем?» Не понимая связи между собой и дедом, проявившейся, как ему кажется, не только в удивительном внешнем сходстве, и умоляя спасти его самого от скорого исчезновения, он упал к двойнику «в объятия и растворился в них», словно перешел в другое измерение; следом о завершении путешествия известила игра курантов «на Спасской башне» (307).

Озимовский, вернувшись из прошлого в будущее, пробуждается «в большой белой комнате с ослепительным потолком»; в зеркале «улыбнулся ему лысый сморщенный старичок». Прогуливаясь с сопровождающим и озирая загромодившие пространство «гигантские дома», он не узнает Москву: «Неслись автобусы, парили аэропланы. Никитский бульвар превратился в большой пассаж» (307–308). Мозолю, тоже сильно постаревшему, с которым герой, увидев его, поздоровался, спутник Озимовского объясняет: «это больной человек», который содержится «в клинике» и которому кажется, будто он живет «в стародавние времена». То ли признав, то ли нет в старичке бывшего приятеля, Мозоль подумал и, «взглянув на часы, прошел не спеша в пассаж» (308). Часы потому появляются в финале рассказа, что они (показывая наблюдаемое время события) позволяют автору, создавшему «собственную теорию пространства-времени» [Шумихин, 1993: 14], по-своему интерпретировать важнейший в теории относительности принцип «относительности одновременности» [Гайденко, 2005: 168], когда персонажи *одновременно* живут в разных временах. В Москве будущего, как и предсказывал Мозоль, стало *совсем хорошо*, но доказать это Озимовскому ему не суждено.

Специфика фантастики в «Двойнике» в том, что не герой экспериментирует со временем, а время ставит над ним эксперимент; путешествие в прошлое уподобляется обряду перехода, когда происходит сжатие времени, единицам которого приписывается магический смысл (см.: [Цивьян, 1999: 109–110]). С.В. Шумихин, опираясь на запись начала 1930-х годов в дневнике писателя, что для него конец первого тома «Мертвых душ» «живая, близкая современность» и что он же застал «аэропланы», отметил: «Садовской остро ощущал спрессованность времени, в котором ему довелось жить» [Шумихин, 2001: 6]. В «Двойнике» подобная спрессованность оборачивается отсутствием промежуточной стадии между пребыванием в прошлом и возвращением в будущее. Он будто *пролетел* сквозь возрасты своей жизни, вернувшись не просто из прошлого в будущее, но из молодости с ее легкомыслием, выдававшим в нем в анекдотического глупца или простака, сразу в старость с ее слабоумием, которое и оказалось настоящей платой за возможность, предложенную ему незнакомкой, перенести его на сутки *в былую жизнь*.

Список литературы

1. Белоусов А.Ф. Городской фольклор: лекция для студентов-заочников. Таллин, 1987.
2. Белоусов А.Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 581–598.
3. Гайденко П.П. Понятие времени в философии науки конца XIX — начала XX в. А. Эйнштейн. Статья вторая // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 167–178.
4. Кривонос В.Ш. Беллетристика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 30–31.
5. Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997.
6. Лахманн Р. Дискурсы фантастического / Пер. с нем. М., 2009.
7. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990.
8. Садовской Б.А. Лебединые клики / Сост., послесловие и комм. С.В. Шумихина. М., 1990.
9. Толстая С.М. Мифология и аксиология времени // Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010. С. 155–172.
10. Цивьян Т.В. Движение и Путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999.
11. М.Х. <Хотинский М.С.> Волшебство и натуральная магия. Статья пятая и последняя // Современник. 1851. № 12. Отд. II. С. 107–132.
12. Шумихин С.В. Борис Садовской. Кровавая звезда // De visu. 1993. № 4 (5). С. 12–15.
13. Шумихин С. Узоры Бориса Садовского // Садовской Б. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи / Сост., подготовка текста, вст. ст., прим. С.В. Шумихина. СПб., 2001. С. 5–20.
14. Nahin P.J. Time Machines: Time Travel in Physics, Metaphysics, and Science Fiction. 2nd ed. N.Y., 1999.

Vladislav Krivonos

ANECDOTE AND FANTASY IN “THE DOUBLE” BY BORIS SADOVSKY

*Samara State University of Social Sciences and Education
65 / 67 Gorky Str., Samara, 443099*

The article discusses the principles of combining an anecdote and science fiction in Boris Sadovsky’s fantastic story first published in 1922 under the title *The Anecdote*, and in 1990 published according to a later manuscript with the new name *The Double*. The unusual story described in the story is presented as a stylized household anecdote. The literary plot of the travel from the time serves

as the basis for the anecdotal plot. A narrative design with an unexpected ending reminds of a law of a poente, and the image of the hero is focused on the anecdotal character of a fool or a simpleton. The young hero behaves just like a fool or a simpleton when he meets *Time* adopted the image of a stranger who suggests transferring him for a day to the past, paying for one hour in the past with two years of life. The author constructs reality using a fantastic assumption where the trip to Moscow in 1851 is possible. The hero does not feel like a participant in old Moscow but only an observer of his current life. He perceives the world forever as an otherworldly reality, where he is surrounded by the dead and where there is no time. The meeting with the suddenly arisen double ends with the transition to another dimension and with the return to Moscow of the future. The hero turned into an old man and became a patient in a psychiatric clinic. It seems to him that he lives in ancient times. Senile dementia turned out to be a real payment for the opportunity to go a day in the past.

Key words: Sadovsky; ‘The Double’; anecdote; fantasy; time; Moscow; journey; past; future; experiment.

About the author: *Krivonos Vladislav* — Prof. Dr., Department of Russian, World Literatures and Literature Teaching Methods, Faculty of Filology, Samara State University of Social Sciences and Education (e-mail: vkrivonos@gmail.com).

References

1. Belousov A.F. *Gorodskoj fol'klor: lekciya dlya studentov-zaochnikov* [Urban folklore Urban folklore: a lecture for correspondence students]. Tallin: *TPI Publ.*, 1987. 28 p. [In Russ.]
2. Belousov A.F. *Sovremennyyj anekdot* [Modern anecdote], *Sovremennyyj gorodskoj fol'klor*. Otv. red. S. Yu. Neklyudov. Moscow, *RGGU Publ.*, 2003, pp. 581–598. [In Russ.]
3. Civ'yan T.V. *Dvizhenie i Put' v balkanskoj modeli mira. Issledovaniya po strukture teksta* [Movement and Path in the Balkan model of the world. Studies on the structure of the text]. Moscow, *Indrik Publ.*, 1999. 376 p. [In Russ.]
4. Gajdenko P.P. *Ponyatie vremeni v filosofii nauki konca XIX — nachala XX v. A. Ejnshtejn. Stat'ya vtoraya* [The concept of time in the philosophy of science of the late XIX — early XX century. A. Einstein. Article Two], *Znanie. Poni-manie. Umenie*. 2005. № 1, pp. 167–178. [In Russ.]
5. <Hotinskij M.S.> *Volshebstvo i natural'naya magiya. Stat'ya pyataya i poslednyaya* [Magic and natural magic. Article fifth and last], *Sovremennik*. 1851. № 12, pp. 107–132. [In Russ.]
6. Krivonos V. Sh. *Belletristica* [Belles-lettres], *Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij*. Moscow, *Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada Publ.*, 2008, pp. 30–31. [In Russ.]
7. Kurganov E. *Anekdot kak zhanr* [Anecdote as a genre]. St Petersburg, *Aka-demicheskij projekt Publ.*, 1997. 123 p. [In Russ.]
8. Lahmann R. *Diskursy fantasticheskogo. Per. s nem* [Fantastic Discourses / Translated from German]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2009. 384 p. [In Russ.]

9. Meletinskij E.M. *Istoricheskaya poetika novelly* [Historical poetics of the short story]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1990. 275 p.
10. Sadovskoj B.A. *Lebedinye kliki*. Sostavlenie, posleslovie i komentarii S.V. Shumihina. [Swan Clicks. Compilation, afterword and comments by S.V. Shumikhin]. Moscow, *Sovetsij pisatel' Publ.*, 1990. 480 p. [In Russ.]
11. Shumihin S.V. Boris Sadovskoj. Krovavaya zvezda [Boris Sadovsky. Bloody Star], *De vizu*. 1993. № 4 (5), pp. 12–15. [In Russ.]
12. Shumihin S. *Uzory Borisa Sadovskogo* [Patterns of Boris Sadovsky], Sadovskoj B. Stihotvoreniya, rasskazy v stihah, p'esy i monologi. Sostavlenie, podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya S.V. Shumihina. St. Petersburg, *Akademicheskij projekt Publ.*, 2001, pp. 5–20. [In Russ.]
13. Tolstaya S.M. *Mifologiya i aksiologiya vremeni* [Mythology and axiology of time], Tolstaya S.M. Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoj etnolingvistike. Moscow, *Knizhnyj dom "LIBROKOM" Publ.*, 2010, pp. 155–172. [In Russ.]
14. Nahin P.J. *Time Machines: Time Travel in Physics, Metaphysics, and Science Fiction*. 2nd ed. New York, *Springer Publ.*, 1999. 628 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОЛИНГВИСТИКИ

И.В. Бугаева

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА РЕЛИГИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)»*

115035, Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1

Комиссия по языку религии при Международном комитете славистов объединяет ученых из России, Польши, Германии, Украины, Сербии, Словакии, Чехии, Белоруссии, Болгарии, которые изучают разные аспекты тематического поля «язык и религия». Для ученых из стран Восточной Европы — это сравнительно новая проблематика, в то время как в странах Западной Европы язык религии всегда был в поле зрения исследователей. Целью создания Комиссии по языку религии было объединение ученых разных стран и обобщение результатов и опыта лингвистических исследований религиозной сферы. Научные интересы членов Комиссии весьма разнообразны и группируются по нескольким направлениям: религиозный функциональный стиль славянских языков, религиозная коммуникация, религиозные жанры, богослужебные тексты и их перевод, религиозная терминология, религиозные концепты, религиозная лексика и лексикография, сакральная ономастика, религиозный дискурс, религиозная языковая личность. В последние годы появились новые темы исследований, связанные с церковными СМИ и проблемой освещения религиозных тем в светских средствах массовой коммуникации, включая Интернет. В западной лингвистике в середине прошлого века сформировалась новая междисциплинарная научная область — теолингвистика, которая решает лингвистические задачи исследования богослужебных канонических текстов и коммуникации в религиозной сфере. Теолингвистический подход объединяет большинство членов Комиссии. В данной статье дается обзор основных результатов исследований членов Комиссии и формулируются перспективные и актуальные направления лингвистического изучения религиозной сферы.

Ключевые слова: Комиссия по языку религии; Международный комитет славистов; религиозный дискурс; религиозные жанры; теолингвистика.

Изучение взаимодействия религии, языка, сознания и личности всегда присутствовало в филологических исследованиях ученых

Бугаева Ирина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей и славянской филологии Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (e-mail: bugaevaiv@mail.ru).

разных стран. В Западной Европе язык религии был в поле зрения исследователей постоянно, а для ученых из стран Восточной Европы — это сравнительно новая проблематика. В данном обзоре анализируются труды только официальных членов Комиссии по языку религии Международного комитета славистов (далее — КЯР МКС), что сужает проблематику и не позволяет полностью представить степени изученности темы «язык и религия».

Комиссии по языку религии при Международном комитете славистов была создана в 2014 г. по инициативе польских филологов. Комиссию возглавил известный ученый, доктор богословия, профессор, директор Литургического института Папского университета Иоанна Павла II в Кракове ксендз В. Пшичина, который до этого много лет был председателем Комиссии по языку религии Польской Академии наук.

Во второй половине 90-х годов XX в. — начале XXI в. исследования ученых-славистов из разных стран шли в значительной степени параллельно. В Польше вопросы языка религии и религиозного стиля в то время широко обсуждались на конференциях, проводимых в Университете им. Адама Мицкевича в Познани, в университетах Кракова, Ополе, Варшавы. На постсоветском пространстве эта тема была заявлена после выхода в 1998 г. учебного пособия Н.Б. Мечковской «Язык и религия» [Мечковская, 1998]. В светских и духовных учебных заведениях России на данную тему также проводились конференции, издавались сборники статей. Одной из первых и заметных конференций была встреча светских ученых и богословов в Нижегородской духовной семинарии в 2007 году. Сборник статей по материалам этой конференции «Церковь и проблемы современной коммуникации» составляют статьи, авторы которых в настоящее время являются членами КЯР МКС (Р. Баич-Левушкина, И.В. Бугаева, К. Кончаревич, Н.Г. Николаева, А. Петрикова, Е.В. Плисов, О.А. Прохватилова, О.В. Чевела) [Церковь, 2007].

Междисциплинарное исследование языка и религии требовало специальных методов исследования. Сформировавшаяся в середине прошлого века в западной лингвистике новая междисциплинарная научная область, теолингвистика [Kucharska-Dreiss, 2004], решает лингвистические задачи исследования богослужебных канонических текстов и коммуникации в религиозной сфере. Теолингвистический подход в исследованиях объединяет всех членов Комиссии. В 2008 году вышла первая хрестоматия «Теолингвистика» под редакцией А.К. Гадомского и Ч. Лапич [Теолингвистика, 2008]. Открывает хрестоматию важная теоретическая статья авторов-составителей «Теолингвистика: история, современное состояние, перспективы», представленная на русском и на польском языках [Хрестоматия, 2008: 5–31; 33–58]. Сборник тематически поделен на три части: «Религи-

озный язык, дискурс, социолект, стиль», «Религиозный текст, жанр», «Проблемы перевода». Эта рубрикация определяет проблематику исследований, подходы к изучению языка религии, теоретические и практические проблемы перевода сакральных текстов, причем, не только христианских, но и исламских. Второй выпуск хрестоматии «Теолингвистика» вышел в 2012 г. в Белграде [Теолингвистика, 2012], а третий — в Ульяновске в 2019 г. [Хрестоматия, 2019].

«Теолингвистика, — как пишет А.К. Гадомский, — это наука светская, наука наднациональная, наука надрелигиозная (надконфессиональная), наука лингвистическая» [Гадомский, 2017: 25]. «Предметом исследования теолингвистики составляют проявления религии, которые закрепились и отразились в языке, а также язык как форма религии, как способ отражения, сохранения и передачи религиозного содержания» [Гадомский, 2017: 31]. Сделана попытка определить особенности метода теолингвистического анализа. Н.Г. Николаева и С.И. Кузьмин под теолингвистическим анализом понимают «лингвистический анализ словоупотребления переводчика, сопровождаемый богословским комментарием» [Николаева, 2010: 45]. А.К. Гадомский считает, что метод теолингвистического анализа — это «комплекс определенных действий (например, выборка лексического материала, анализ лексики с точки зрения отражения в языковой и религиозной картинах мира, функционально-семантический описание семем, систематизация результатов анализа), совокупность которых позволяет проанализировать и описать соответствующую группу религиозных терминов» [Гадомский, 2017: 58]. Этот вопрос, на наш взгляд, остаётся дискуссионным и требует дополнительного осмысления.

Важной методологической проблемой является определение предмета исследования. Одной из основных работ, посвященных этой теме, является статья В.И. Постоваловой «Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления». Автор отмечает, что сложность состоит в объединении понятий из разных сфер знания: лингвистики и богословия. «Проблема заключается в том, что здесь должно произойти такое соединение концептуальных представлений, при котором они должны предстать в едином теолингвистическом пространстве как гомогенные (однородные) образования, относящиеся к единому предмету изучения» [Постовалова, 2012: 7].

Фундаментальные исследования взаимодействия языка и религии связаны также с определением статуса языка религии. В научной литературе встречаются многочисленные термины, такие как «религиозный язык», «богослужебный язык», «сакральный язык», «литургический язык» [Бугаева, 2008; Гадомский, 2017; Кончаревич, 2013; Петрикова, 2019; Плисов, 2018]. Второе проблемное

поле — статус языка верующих. По данному вопросу мнения ученых разделились. Одни считают, что речь идет о «религиозном стиле», другие — о «религиозном дискурсе», третьи — о «религиозном социолекте». Обзор всех точек зрения представлен И.В. Бугаевой в статье «О лингвистическом статусе языка православных верующих» и монографии «Язык православных верующих в конце XX — начале XXI века» [Бугаева, 2008а; 2008б].

Для каждой науки актуальным является вопрос терминологии. Проблемам становления религиозной терминологии посвящены исследования И.В. Бугаевой [2011], Е.В. Плисова [2013], в которых рассматриваются термины «теолект», «теонема», «религиолект», «конфессиолект» и др. Книга известного сербского ученого профессора К. Кончаревича «Језик и религија. Појмовник теолингвистике» представляет собой толковый словарь теолингвистической терминологии. Представлены, например, толкования следующих терминов: *агиоантропонимы, агионимы, акафист, апокрифы, библейская герменевтика, библизмы, краткие гимнографические жанры; литургия, коммуникативные аспекты; семантика, литургические функции языка* и т.д. [Кончаревич, 2017]. Серьезная попытка систематизации польской, русской и украинской терминологии теолингвистики в сравнительно-сопоставительном аспекте предпринята К. Кончаревич и А.К. Гадомским в совместной работе «Преглед теолингвистичких испитивања у Русији, Украјини и Пољској (грађа за библиографију)» [Кончаревич, Гадомский, 2014]. Историю становления богословской терминологии на примере перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина на церковнославянский язык изучала Н.Г. Николаева. Автор раскрывает греко-латинскую основу метаязыка богословия и поднимает вопросы «языковой атрибуции богословской терминологии на пересечении теоретического развития теологических наук и современной церковной практики» [Николаева, 2013: 308].

Многие члены КЯР МКС посвящают свои исследования описанию религиозной лексики. Здесь наблюдаются два подхода: ономаσιологический, то есть изучение лексики, которая изначально является религиозной; и семасиологический, когда рассматривается нерелигиозная лексика, которая употребляется в религиозных контекстах. Вторая важная проблема касается классификации религиозной лексики. Таких классификаций существует несколько для разных языков: классификацию религиозной католической лексики в польском языке на тематические группы предложили В. Пшичина и Р. Пшибыльска [Przybylska, Przyczyna, 2004]; И. Винярска-Гурска исследовала историю протестантской лексики в польском языке [Winiarska, 2002]. Особенности перевода польской религиозной католической лексики на русский язык посвящена монография

М. Видел-Игнашчак. Автор анализирует в сравнительном аспекте католическую терминологию на русском и польском языках [Widel, 2017]. Религиозную лексику сербского языка описала Р. Баич (Левушкина) [Баич, 2013], современную немецкую религиозную лексику в условиях поликонфессиональности исследовал Е.В. Плисов [2009, 2018]. Важнейшее значение для описания русской религиозной лексики имеют два словаря Г.Н. Скляревской: «Словарь Православной церковной культуры» и «Лексика современного русского Православия. Толково-энциклопедический словарь» [Скляревская, 2000; 2016]. В предисловии к словарю автор указывает, что иллюстративный материал дает разностороннюю информацию о церковной культуре, а цитаты представляют собой «своеобразную фрагментарную хрестоматию внутри текста Словаря» [Скляревская, 2016].

Научные интересы членов КЯР МКС разнообразны и группируются по нескольким направлениям: религиозный стиль [Ицкович, 2016; Прохватилова, 1999; Makuchowska, 1998; Wojtak, 2019], религиозная коммуникация [Бугаева, 2008б; Плисов, 2013; Кончаревич, 2015], богослужebные тексты и их перевод [Николаева, 2007; 2008; Новак, 2014; Плисов, 2013; Łapicz, 2008,], религиозные концепты [Постовалова, 2012; Скляревская, 2013], религиозный дискурс [Petriková, Плисов]. Назовем также коллективную монографию «Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации», вышедшую под редакцией Е.В. Плисова в 2015 г., в которой представлены результаты исследования, в том числе и членов КЯР [СРД, 2015].

В религиозной сфере существует собственная жанровая дифференциация и классификация текстов. Жанроведческим исследованиям религиозной сферы посвящены работы многих ученых [Ицкович, 2015, 2016; Прохватилова, 1999; Кончаревич, 2015: 169–307; Мечковская, 1998; Makuchowska, 1998; Wojtak, 2019]. В центре внимания такие жанры, как проповедь, исповедь, духовное послание, молитва, притча, пророчество, жития, тропари. М. Войтак не только всесторонне описывает жанр молитвы, но и рассматривает молитвенник как жанровую форму религиозного дискурса, рассуждает о жанровом статусе молитвенников и механизмах их трансформации [Wojtak, 2019: 95–191].

Изучению религиозных текстов в историческом ракурсе, анализу особенностей перевода богослужebной литературы, проблемам исторической грамматики и лексикологии посвящены исследования М.О. Новак [Новак, 2014, 2017, 2018], Н.Г. Николаевой [2006, 2013], О.В. Чевелы [Чевела, 2010], Р. Левушкиной-Vajiћ [Vajiћ, 2007; 2013] и др.

Российские члены КЯР МКС внесли важный вклад в описание сакрального ономастикона [Бугаева, 2007; Супрун, 2019]. Именно

их терминология, классификация и принципы анализа берутся за основу исследования агиоантропонимов, геортонимов и агиотопонимов и экклезионимов.

В настоящее время стало «модно» изучать религиозные концепты. К сожалению, иногда подобные описания не учитывают особенностей религиозной языковой картины мира, восприятия и оценки такого или иного понятия верующими людьми. В.И. Постовалова в работе «Религиозные концепты в теолингвистическом представлении» убедительно и понятно продемонстрировала специфику религиозных концептов [Постовалова, 2012]. Тонкий анализ концепта «любовь» в христианском понимании провела Г.Н. Скляревская [2013].

В последние годы появились новые темы исследований, связанные с религиозными СМИ и проблемой освещения религиозных тем в светских средствах массовой коммуникации, включая Интернет [Zagórska, 2018; Ицкович, 2014; Супрун, 2008].

Большое значение для любой научной области является библиография. Огромную работу в этом направлении проделали М. Макуховска [Makuchowska 2007] и А.К. Гадомский [2013]. М. Макуховска в 2007 году выпустила в серии «Теолингвистика» «Библиографию религиозного языка (1945–2000)», которая представляет собой библиографический список работ польских и зарубежных авторов, изданных в Польше в 1945–2000-х годах. Главной целью издания, как комментирует автор библиографии, — является регистрация работ, которые представляют результаты лингвистического анализа текстов различных жанров, связанных с религией [BJR, 2007]. Надо отдать должное А.К. Гадомскому, который собрал и систематизировал научную литературу по теолингвистике, изданную в Польше, России, Украине и Сербии [Гадомский, 2013].

Диапазон тем, проблем, подходов, традиций объясняет выбор авторов настоящей рубрики, представляющих разные научные школы и страны. Так, д.ф.н. Р. Левушкина ((Бајић), научный сотрудник Института сербского языка Сербской академии наук и искусств, занимается изучением религиозной лексики и работает в секторе Словаря сербского языка, составляя словарные статьи лексем, относящихся к лексико-семантическому полю «религия». В статье, публикуемой в этом номере, Р. Левушкина анализирует особенности восприятия лексем, обозначающих христианские добродетели, современной сербской молодежью. Д.ф.н. Н.Г. Николаева и д.ф.н. М.О. Новак представляют Казанскую лингвистическую школу. Их совместная статья посвящена исследованию антропонимов в месяцесловах древнерусских богослужебных текстов XIV в., Евангелия-Апракоса и Апостола.

Список литературы

1. *Vajiћ R.* Богослужбени језик у Српској Православној Цркви. Прошлост, савремено стање, перспективе. Београд, 2007. 413 с.
2. *Ђајић Р.* Лексика из сфере православне духовности у српском језику и њена лексикографска обрада: докторска дисертација: Београд, 2013. 462 с.
3. *Бугаева И.В.* К вопросу о методологических и теоретических основах изучения религиозной коммуникации // Церковь и проблемы современной коммуникации. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2007. С. 39–53.
4. *Бугаева И.В.* Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ: Монография. М., 2007. 138 с.
5. *Бугаева И.В.* О лингвистическом статусе языка православных верующих // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 2. Языкознание. 2 (8). 2008а. С. 12–17.
6. *Бугаева И.В.* Язык православных верующих в конце XX — начале XXI века: Монография. М., 2008б. 240 с.
7. *Бугаева И.В.* Русская религиозная терминология в финском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 10. № 9. 2011. С. 56–61.
8. *Гадомский А.К.* Замечания по поводу библиографии теолингвистики // Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze / Red. J. Kulwicka-Kamińska, Cz. Łapicz. Toruń, 2013. S. 125–137.
9. *Гадомский А.К.* Теолингвистические исследования в славянском языкознании. Симферополь, 2017. 320 с.
10. *Гадомский А.К.* О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. № 49. Т. 1. 2004. С. 164–167.
11. *Гадомский А.К., Кончаревич К.* Преглед теолингвистичких испитивања у Русији, Украјини и Пољској (грађа за библиографију) // Српска теологија у двадесетом веку: Истраживачки проблеми и резултати, књ. 16 / Уред. Б. Шијаковић. Београд, 2014. С. 151–178.
12. *Ицкович Т.В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 42 с.
13. *Ицкович Т.В.* Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди: монография. Екатеринбург, 2015. 150 с.
14. *Ицкович Т.В.* Православные СМИ как свертхтекст (на материале газеты «Монастырское слово») // European Social Science Journal. 2014. № 7. Т. 2. С. 382–386.
15. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М., 1998. 352 с.
16. *Николаева Н.Г.* Греческая терминология православной догматики в церковнославянских переводах «богословия» Иоанна Дамаскина: к постановке проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4–2. С. 308–312.

17. Николаева Н.Г. Представление о мире и языке в Ареопагитиках // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 44–49.
18. Николаева Н.Г., Кузьмин С.И. Ратная символика в древнеславянском переводе Песни Песней: опыт теолингвистического анализа // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 152. Кн. 6. 2010. С. 45–52.
19. Новак М.О. Апостол в истории русского литературного языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2014. 46 с.
20. Новак М.О. Древнеславянская Евфалиана: структура и язык оглавления к первому Посланию апостола Павла к коринфянам // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 4. С. 6–15.
21. Новак М.О. Феноменология и типология ошибок в древнерусских списках Апостола XII–XIV вв. // Slověne. 2017. № 1. Т. 6. С. 290–306.
22. Плисов Е.В. Словарь религиозной лексики современного немецкого языка. Н. Новгород, 2009. 147 с.
23. Плисов Е.В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности: Монография. Н. Новгород, 2013. 160 с.
24. Плисов Е.В. Немецкий религиозный язык в условиях поликонфессиональности: опыт лексикографического и дискурсивного описания: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 40 с.
25. Постовалова В.И. Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Теолингвистика. Београд, 2012. С. 143–152.
26. Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // “Magister Dixit” — научно-педагогический журнал Восточной Сибири № 4 (12). Декабрь (http://md.islu.ru/), 2012. С. 54–101.
27. Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи: Монография. Волгоград, 1999. 364 с.
28. СРД 2015 — Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: Коллективная монография // И.В. Бугаева, К.С. Вайц, А.В. Вороховов и др. / Под общ. ред. Е.В. Плисова. Н. Новгород, 2015. 210 с.
29. Скляревская Г.Н. Концепт «любовь» в христианском понимании: попытка лексикографического описания (предварительные заметки) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. науч. статей, посвященных памяти В.Н. Телия. М., 2013. С. 104–112.
30. Скляревская Г.Н. Лексика современного русского Православия. Толково-энциклопедический словарь. СПб., 2016. 688 с.
31. Скляревская Г.Н. Словарь Православной церковной культуры. СПб., 2000. 278 с.
32. Супрун В.И. Становление русского антропонимикона: Этапы христианизации // Хрестоматия теолингвистики: Сборник статей. Ульяновск, 2019. С. 156–175.
33. Супрун В.И. Церковнославянский язык в Интернете // Славянский мир: Вера и культура. XXX Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы межд. научно-практич. конф-ции. Самара, 2008. С. 38–45.

34. *Теолингвистика 2012* — Теолингвистика: међународни тематски зборник радова / Главни уредници А.К. Гадомски, К. Кончаревић. Београд, 2012. 496 с.
35. *Хрестоматия 2008* — Хрестоматия теолингвистике / Chrestomatia teolingwistyki / Ред. — сост. Ч. Лапич, А.К. Гадомский. Симферополь, 2008. 352 с.
36. *Хрестоматия 2019* — Хрестоматия теолингвистике. Т. 2: Сб. статей / Под ред. А.К. Гадомского. Ульяновск, 2019.
37. *Чевела О.В.* Герменевтика литургической поэзии: историко-лингвистическое исследование: Дисс. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010. 540 с.
38. *BJR 2007* — Bibliografia języka religijnego (1945–2005) / Zb. i opr. M. Makuchowska. Tarnow, 2007. 192 s.
39. *Кончаревић К.* Поглед у теолингвистику. Београд: Православни богословски факултет, 2015. 364 с.
40. *Кончареви К.* Сакрална комуникација: Норме, традиције, средства. Београд, 2013. 366 с.
41. *Кончареви К.* Језик и религија. Појмовник теолингвистике. Београд, 2017. 348 с.
42. *Kucharska-Dreiß E.* Teolingwistyka — proba popularyzacji terminu // *Язык религијны давнеј і дзіс* / red. S. Mikołajczak, T. Więclawskim, T.I. Poznań, 2004. S. 23–30.
43. *Makuchowska M.* Modlitwa jako gatunek języka religijnego. Opole, 1998, S. 13–18.
44. *Petríková A.* Náboženský diskurz. Recové stratégie a taktiky v homlíách. Presov, 2019. 230 s.
45. *Zagórska K.* Misyjność mediów katolickich na przykładzie Radia Emaus. Studium pragmatolingwistyczne. Poznań, 2018. 322 с.
46. *Zasady 2004* — *Zasady pisowni słownictwa religijnego* / Red. R. Przybylska, ks.W. Przychyżna. Tarnow, 2004. 52 s.

Irina Bugaeva

**LANGUAGE AND RELIGION IN STUDIES OF MEMBERS
OF THE RELIGIOUS LANGUAGE COMMISSION
OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS**

*A.N. Kosygin Russian State University
33 SadovnichesKaya Str., Page 1, Moscow, 115035*

The Religious Language Commission under the International Committee of Slavists brings together scientists from Russia, Poland, Germany, Ukraine, Serbia, Slovakia, Czech Republic, Belarus who study the problem field “language and

religion”. For scholars from Eastern Europe, this is a relatively new issue, while in Western Europe, the language of religion has always been in the field of view of researchers. The purpose of the creation of the Religious Language Commission is to unite scientists from different countries and generalise the results and experience of linguistic research in the religious sphere. The scientific interests of the members of the Commission are diverse and grouped in several areas: religious language, religious style, religious communication, religious genres, liturgical texts and their translation, religious terminology, religious concepts, religious vocabulary and lexicography, sacred onomastics, religious discourse, religious linguistic personality ... In recent years, new research topics have emerged related to religious media and the problem of coverage of religious topics in secular media, including the Internet. In Western linguistics, in the middle of the last century, a new interdisciplinary scientific field was formed — theolinguistics, which solves the linguistic tasks of researching liturgical canonical texts and communication in the religious sphere. The theolinguistic approach unites most of the members of the Commission. An overview of the main research results of the members of the Commission is given and promising and relevant directions of linguistic study of the religious sphere are formulated.

Key words: Commission of the Religious Language; International Committee of Slavists; religious language; religious style; religious discourse; religious genres; theolinguistics.

About the author: *Irina Bugaeva* — Prof. Dr., Department of Education and Humanities; Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy (e-mail: bugaevaiv@mail.ru).

References

1. Bajih R. *Bogoslužbeni jezik u Srpskoj Pravoslavnoj Crkvi*. Proshlost, savremeno stanje, perspektive [The liturgical language in the Serbian Orthodox Church. Past, current state, perspectives]. Beograd, Godina, 2007. 413 s. (In Serbian)
2. Bajih R. *Leksika iz sfere pravoslavne duhovnosti u srpskom jeziku i njena leksikografska obrada: doktorska disertacija* [Vocabulary from the sphere of Orthodox spirituality in the Serbian language and its lexicographic processing]. Beograd, Univerzitet u Beogradu, 2013. 462 c. (In Serbian)
3. Bugaeva I.V. K voprosu o metodologicheskix i teoreticheskix osnovax izucheniya religioznoj komunikacii [On the question of the methodological and theoretical foundations of the study of religious communication]. *Cerkov' i problemy' sovremennoj komunikacii* [Church and problems of modern communication]. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Nizhnij Novgorod, Nizhegorodskaya Duxovnaya seminariya, 2007, pp. 39–53. (In Russ.)
4. Bugaeva I.V. *Agionimy' v pravoslavnoj srede: strukturno-semanticheskij analiz* [Agionyms in the Orthodox Environment: Structural and Semantic Analysis] Moscow, RGAU — MSHA im. K.A. Timiryazeva, 2007. (In Russ.)

5. Bugaeva I.V. O lingvisticheskom statuse yazy'ka pravoslavny'x veruyushih [On the linguistic status of the language of Orthodox people]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd University. Ser. 2. Linguistics]. 2 (8). 2008a, pp. 12–17. (In Russ.)
6. Bugaeva I.V. *Yazyk pravoslavny'h veruyushih v konce XX — nachale XXI veka* [Orthodox people language at the end of the XX — beginning of the XXI century]. Moscow, Izd-vo RGAU-MSXA im. K.A. Timiryazeva, 2008b. (In Russ.)
7. Bugaeva I.V. Russkaya religioznaya terminologiya v finskom yazy'ke [Russian Religious Terminology in the Finnish Language]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology]. T. 10. № 9. 2011, pp. 56–61. (In Russ.)
8. Gadomskij A.K. *Zamechaniya po povodu bibliografii teolingvistiki* [Notes on the bibliography of theolinguistics]. *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze*. Ed. by J. Kulwicka-Kamińska, Cz. Łapicz. Toruń: Towarzystwo Naukowe w Toruniu. 2013, pp. 125–137. (In Russ.)
9. Gadomskij A.K. *Teolingvisticheskie issledovaniya v slavyanskom yazykoznanii* [Theolinguistic studies in Slavic linguistics] Simferopol', Forma, 2017. (In Russ.)
10. Gadomskij A.K. O lakunax v sisteme lingvisticheskoj nauki: problema vzaimodejstviya yazy'ka i religii [On lacunas in the system of linguistic science: the problem of interaction between language and religion.] *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region]. № 49. T. 1. 2004, pp. 164–167. (In Russ.)
11. Gadomskij A.K., Koncharevich K. Pregled teolingvistichkix ispitivaња u Rusiji, Ukrajini i Poljskoj (građa za bibliografiju). *Srpska teologija u dvadesetom veku: Istrazhivachki problemi i rezultati*, књ. 16. Ed. by B. Shijakoviћ. Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet, 2014, pp. 151–178.
12. Iczkovich T.V. *Zhanrovaya sistematizaciya religioznogo stilya na komunikativno-pragmaticheskom i kategorial'no-tekstovom osnovanijax* [Genre systematization of religious style on communicative-pragmatic and categorical-textual grounds]. Avtoreferat dis. ... doktora filolog. n. Ekaterinburg, 2016. (In Russ.)
13. Iczkovich T.V. *Kategorial'no-tekstovaya specifiķa sovremennoj pravoslavnoj propovedi* [The categorical-textual specificity of modern Orthodox preaching]. Ekaterinburg, ID Azhur, 2015. (In Russ.)
14. Iczkovich T.V. Pravoslavny'e SMI kak sverxtekst (na materiale gazety' «Monasty'rskoє slovo») [Orthodox Mass Media as Smartext (On Materials of the Newspaper “Monastic Word”)]. *European Social Science Journal*. 2014. № 7. T. 2, pp. 382–386. (In Russ.)
15. Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religiya* [Language and religion]. Moscow, Agentstvo “FAIR”, 1998. (In Russ.)
16. Nikolaeva N.G. Grecheskaya terminologiya pravoslavnoj dogmatiki v cerkovnoslavyanskix perevodax “bogosloviya” Ioanna Damaskina: k postanovke problemy' [Greek Orthodox Dogmatics Terminology in Church Slavonic Translations of the “Theology” of John of Damascus: Raising of the

- Problem]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University]. 2013. № 4–2, pp. 308–312. (In Russ.)
17. Nikolaeva N.G. Predstavlenie o mire i yazy`ke v Areopagitikax [Notion of World and Language in Areopagitics]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul`turnaya kommunikaciya* [Voronezh State University Bulletin. Linguistics and intercollection communication]. 2006. № 2, pp. 44–49. (In Russ.)
 18. Nikolaeva N.G., Kuz'min S.I. Ratnaya simbolika v drevneslavjanskom per-evode Pesni Pesnej: opy't teolingvisticheskogo analiza [Military Symbolology in Ancient Slavic Translation of Songs of Songs: Experience of Theolinguistic Analysis]. *Ucheny'e zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarny'e nauki* [Study notes of Kazan University. Humanities]. T. 152, Kn. 6. 2010, pp. 45–52. (In Russ.)
 19. Novak M.O. *Apostol v istorii russkogo literaturnogo yazy'ka* [The Apostle in the History of the Russian Literary Language]. Avtoreferat dis... filol.n. Kazan', 2014. (In Russ.)
 20. Novak M.O. The Old Slavonic Euthaliana: Structure and Language of the Chapter-List to the First Epistle to Corinthians. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2018. Vol. 17. No. 4, pp. 6–15. (In Russ.)
 21. Novak M.O. Fenomenologiya i tipologiya oshibok v drevnerusskix spiskax Apostola XII–XIV vv. [The Phenomenology and Typology of Errors in Old Russian Apostolos Manuscripts from the 12th–14th Centuries]. *Slověne*, 2017. № 1. T. 6, pp. 290–306. (In Russ.)
 22. Plisov E.V. *Slovar' religioznoj leksiki sovremennogo nemeczkogo yazy'ka* [Dictionary of Religious Vocabulary of Modern German]. N. Novgorod: NGLU im. N.A. Dobrolyubova, 2009. (In Russ.)
 23. Plisov E.V. *Nemeczkij religioznyj tekst v usloviyah polikonfessional'nosti* [German Religious Text in a Multi-Confessional Context]. N. Novgorod, NIU RANHiGS, 2013. (In Russ.)
 24. Plisov E.V. *Nemeczkij religioznyj yazy'k v usloviyax polikonfessional'nosti: opy't leksikograficheskogo i diskursivnogo opisaniya* [German Religious Language in the Conditions of Polyconfessionality: Experience of Lexicographic and Discursive Description]. Avtoreferat dis. ... d-ra filologicheskix nauk. Moscow, 2018. (In Russ.)
 25. Postovalova V.I. Religiozny`e koncepty` v teolingvisticheskom predstavlenii [Religious concepts in theolinguistic representation]. *Teolingvistika*. Beograd, 2012, pp. 143–152. (In Russ.)
 26. Postovalova V.I. Teolingvistika v sovremennom gumanitarnom poznanii: istoki, osnovny`e idei i napravleniya [Theolinguistics in Modern Humanitarian Knowledge: Origins, Basic Ideas and Directions]. *“Magister Dixit” — nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri* [“Magister Dixit” — scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia]. № 4 (12). Dekabr' (<http://md.islu.ru/>), 2012, pp. 54–101. (In Russ.)
 27. Prokhvatilova O.A. *Pravoslavnaya propoved' i molitva kak fenomen sovremennoj zvuchashhej rechi* [Orthodox preaching and prayer as a phenomenon of

- modern sounding speech]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. (In Russ.)
28. *Sovremennyj religioznyj diskurs: struktura, strategii, transformacii*: [Contemporary religious discourse: structure, strategies, transformations]. Ed. by E.V. Plisov. Nizhnij Novgorod, NIU RANHiGS, 2015. (In Russ.)
 29. Sklyarevskaya G.N. Koncept "lyubov'" v xristianskom ponimanii: popytka leksikograficheskogo opisaniya (predvaritel'ny'e zametki) [The Concept of 'Love' in Christian Perception: An Attempt of Lexicographic Description (Preliminary Notes)]. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, consciousness, communication]. Moscow, MAKSPress, 2013, pp. 104–112. (In Russ.)
 30. Sklyarevskaya G.N. *Leksika sovremennogo russkogo Pravoslaviya. Tolkovoe'nciklopedicheskij slovar'* [Lexicon of Modern Russian Orthodoxy. Explanatory-encyclopedia dictionary]. Sankt-Peterburg, Kontrast, 2016. (In Russ.)
 31. Sklyarevskaya G.N. *Slovar' Pravoslavnoj cerkovnoj kul'tury* [Dictionary of Orthodox Church Culture]. Sankt-Peterburg, Nauka, 2000. (In Russ.)
 32. Suprun V.I. Stanovlenie russkogo antroponimikona: E'tapy' christianizacii [Formation of Russian Set of Personal Names: Stages of Christianization]. *Chrestomatiya teolingvistiki* [Reader of Theolinguistics]. Ul'yanovsk, Master Studiya, 2019, pp. 156–175. (In Russ.)
 33. Suprun V.I. Cerkovnoslavyanskij yazyk v Internete [Church Slavic Language on the Internet]. *Slavyanskij mir: Vera i kul'tura* [Slavic World: Faith and Culture]. Samara, Samarskij nauchnyj centr RAN, 2008, pp. 38–45. (In Russ.)
 34. *Teolingvistika: meĭunarodni tematski zbornik radova*. Glavni urednici A.K. Gadomski, K. Konchareviĥ. Beograd, Univerzitet, Pravoslavni bogoslovski fakultet, Institut za teoloshka istrazhivaĭa, 2012. (Beograd: Glasnik).
 35. *Chrestomatiya teolingvistiki / Chrestomatia teolingwistyki*. Ed. by Ch. Lapich, A.K. Gadomskij. Simferopol', Universum, 2008.
 36. *Chrestomatiya teolingvistiki*. T. 2: Sb. Statej. Ed. by A.K. Gadomskogo. Ul'yanovsk, OOO "Master Studiya", 2019.
 37. Chevela O.V. *Germenevtika liturgicheskoej poezii: istoriko-lingvistiĥeskoe issledovanie* [Hermeneutics of Liturgical Poetry: Historical and Linguistic Research]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Kazan', 2010. (In Russ.)
 38. *Bibliografija jazyka religijnego (1945–2005)*. Ed. by M. Makuchowska. Tarnow, Biblos, 2007. (In Polish)
 39. Konchareviĥ K. *Pogled u teolingvistiku*. Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet, 2015. (In Serbian)
 40. Konchareviĥ K. *Sakralna komunikacija: Norme, tradicije, sredstva*. Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet, Institut za teoloshki istrazhivaĭa, 2013. (In Serbian)
 41. Konchareviĥ K. *Jezik i religija. Pojmovnik teolingvistike*. Beograd, Jasen, 2017. (In Serbian)
 42. Kucharska-Dreiß E. Teolingwistyka — proba popularyzacji terminu. *Język religijny dawniej i dziś*. Ed. by S. Mikołajczak, T. Więclawskim, T.I. Poznań: Poznańskie studia polonistyczne, 2004, pp. 23–30. (In Polish)

43. Makuchowska M. *Modlitwa jako gatunek języka religijnego*. Opole: UO, 1998, pp.13–18. (In Polish)
44. Petříková A. *Náboženský diskurz. Recové strategie a taktiky v homiliách*. Presov, 2019. (In Slovak)
45. Zagórska K. *Misyjność mediów katolickich na przykładzie Radia Emaus. Studium pragmatyngwistyczne*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM, 2018. (In Polish)
46. *Zasady pisowni słownictwa religijnego*. Red. R. Przybylska, ks.W. Przyczyna. Tarnow, Bibłos, 2004. (In Polish)

Р.С. Левушкина

**ВОСПРИЯТИЕ ХРИСТИАНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ
НОСИТЕЛЯМИ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА
(на материале ассоциативных словарей)¹**

*Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств
11000, Белград, Ул. Кнез Михаилова, 3б*

В работе рассмотрено восприятие некоторых христианских добродетелей на материале *Ассоциативного словаря сербского языка* и *Обратного ассоциативного словаря сербского языка*. Исходя из гипотезы, что сегодня добродетели воспринимаются и рассматриваются в основном в рамках прагматизма и конформизма, мы проанализировали реакции на различные слова (стимулы), обозначающие (по крайней мере в одном из своих значений) христианские добродетели (напр. *љубав*, *смирење* / рус. *любовь*, *смирение*) или понятия, так или иначе связанные с добродетелью (напр. *богатство*, *вредност* / *богатство*, *ценност*). Номинации некоторых христианских добродетелей в названных словарях вообще отсутствуют (напр. *целомудрие*, *кротост* / *целомудрие*, *кротость*), а некоторые (*уздржљивост* / *воздержание*) приводятся только как единичные реакции на стимулы. Исключением является лексема *смиреност* / *смирение*, *смиренност*, поскольку в качестве реакции на различные стимулы она была употреблена 42 раза. Выявлено также, что добродетели *чистоты*, *невинности* (серб. *чистота*, *невиност*) и *благости* (серб. *благост*) в коллективном сознании сербской молодежи соотносятся лишь с детьми. Анализ ассоциативно-вербального поля лексемы *љубав* (*любовь*) показал, что данная добродетель в коллективном сознании сербской молодежи далека от христианского мировоззрения и редко связывается с Богом, тогда как многие реакции на номинации *вера*, *надежда*, *милосердие* (серб. *вера*, *нада*, *милосрђе*) проявляют связь с религиозным пониманием данных добродетелей.

Ключевые слова: Ассоциативный словарь сербского языка; стимул; реакция; христианские добродетели.

Левушкина Ружица — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института сербского языка Сербской академии наук и искусств (Институт за српски језик САНУ) (e-mail: ruzica.bajic@isj.sanu.ac.rs).

¹ Статью финансировало Министерство просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии согласно договору № 451-03-9/2021-14 заключенному с Институтом сербского языка Сербской академии наук и искусств. Доклад представлен на международной конференции «Православие и наука» (Белград, Сербия, 23–28 октября 2017 г.), которая проходила в рамках Первого международного конгресса православных ученых в 2017 г. В сборнике материалов конгресса опубликовано резюме [Левушкина, 2017].

1. Известно, что ценности современного мира и мировоззрение современных людей все более отдаляются от христианского миропонимания. Степень включенности различных языковых общностей в христианскую традицию обусловлена целым рядом исторических, культурных, социальных и языковых факторов [Плисов, 2019: 248–249]. Трансформацию христианского мировоззрения сербов возможно изучать, исследуя восприятие ими христианских добродетелей. Кроме богословов, психологов, социологов, педагогов и представителей других отраслей гуманитарного знания христианские добродетели в аспекте их номинации и восприятия изучаются в рамках (этно) психолингвистики и лингвокультурологии также и лингвистами (см., например, [Плисов, 2010]). Настоящее исследование следует направлению Московской психолингвистической школы, «которое пытается ответить на вопрос, на какое же содержание сознания опирается носитель той или иной культуры, когда он формулирует свою мысль, чтобы передать ее другому» [Уфимцева, 2011: 99]. Данное направление верифицировано в исследованиях структуры лексикона и языкового сознания на материале ассоциативных словарей [там же].

1.0. Ранее в своем исследовании [Левушкина, 2022] на материале около 300 лексических единиц, обозначающих добродетели или близко связанные с ними понятия, мы постарались объяснить, как следует правильно толковать значения названий добродетелей. Нами была предложена разработка специального словаря, материал для которого был взят из Евангелия [Комисија, 1990] и святоотеческих учений Православной Церкви [Врлинослов, 2005].

1.1. В настоящей работе мы анализируем, как сербские студенты вузов и учащиеся других учебных заведений в возрасте 18–25 лет воспринимают некоторые христианские добродетели. Работа была выполнена с привлечением данных *Ассоциативного словаря сербского языка* и *Обратного ассоциативного словаря сербского языка*². Исследования на материале ассоциаций в сербской лингвистической (в первую очередь, психолингвистической) среде имеют уже почти полувековую традицию (с 1976 г.) (подробно см. [Драгићевић, 2010: 48–53]), а с публикацией указанных ассоциативных словарей подобные исследования стали еще более актуальными. Анализ ассоциаций включает выявление стереотипов (см. [Пипер, 2003]) в восприятии определенных понятий, в нашем случае — христианских добродетелей.

1.2. В современном сербском языке слово *добродетель* / *добродетель* определяется как устаревшее и в *Словаре сербскохорватского литературного и народного языка Сербской Академии наук и искусств*

² Далее в тексте будут использованы сокращения АССЯ и ОАССЯ соответственно.

[РСАНУ, IV] толкование данной лексемы следующее: а) *позитивна особина, врлина; племенитост, доброта / положительное качество, добродетель, доброта*; б) *врлина уопште, добро / вообще добродетель, добро*. В современном сербском языке стилистически нейтральной лексемой, являющейся адекватным переводным эквивалентом русской лексемы *добродетель*³, является слово *врлина*. Приведём первичное значение лексемы *врлина*: ‘позитивна особина код човека, добра страна карактера’ (‘положительное качество у человека; хорошая сторона характера’) [РСАНУ, III]. Согласно *Словарю православной церковной культуры* [Скляревская, 2008], добродетель — «главная нравственная категория христианства — устремленность к добру, отвержение зла». Далее в этой словарной статье названы главные христианские добродетели: вера, надежда, любовь, смирение, целомудрие, кротость, воздержание⁴.

Подробно о христианском понимании добродетели писал преп. Иустин (Попович): «добродетель добровольная, и мы делаем добро согласно своему выбору и свободной воле, не против воли и принудительно. Без добродетелей — веры, надежды и любви — нет спасения» [Поповић, 1978: 586]. Он также говорит о том, что возрастание добродетелей в человеке — это возрастание и развитие того, что в нем есть Божие. Поскольку человек создан «по образу и подобию Божиему», в нем есть зачатки каждой из добродетелей. Будет ли в человеке желание приобрести добродетели в характере и реализовать их в жизни, зависит от выбора самого человека, его труда и содействия благодати Божией (подробнее см. [там же: 577–633]).

1.3. Уже отмечалось, что в современном мире восприятие добродетелей отличается от того, как они воспринимаются, объясняются и реализуются в жизни христианина, в первую очередь православного христианина (см., например: [Радбиль—Сайгин, 2015; Чернышева—Пережегина, 2010]). Добродетель сегодня рассматривается в категориях прагматизма, утилитаризма, комфорта, а новозаветное, христианское, содержание понятия добродетелей трансформируется в понимании современного человека. Постараемся проверить эту гипотезу на основе результатов из АССЯ и ОАССЯ.

1.4. Анкетирование студентов было проведено в 2002 и 2003 гг. В общей сложности обучающимся было предъявлено 600 лексем-стимулов, на которые они должны были реагировать. Учитывалась первая реакция, в анкетировании принимало участие 800 человек. Таким образом собирался материал для указанных словарей, причем

³ См. напр.: ДОБРОДЕТЕЛЬ, — и (книжн.). Положительное нравственное качество, высокая нравственность [Ожегов, 1960].

⁴ Отметим, что перечень названных добродетелей в этом словаре соответствует почти полностью тому, который мы приводим дальше в тексте (см. в разделе 2).

в АССЯ результаты представлены от стимула к реакции, а в ОАС-СЯ — от реакции к стимулу.

2. В контексте темы этого исследования стоит особо подчеркнуть поразительный для христианского миропонимания факт, что *деньги* (серб. *новац*, синоним *паре*) были самым многочисленным словом-реакцией на разные стимулы во время проведенного анкетирования [Пипер, Драгићевић, Стефановић, 2011: 9]. Также большинство реакций на слово-стимул *вредност / ценность* составляет слово *новац / деньги*: 113 студентов отреагировали с использованием этого слова, а лишь 15 студентов отреагировали с помощью слова *врлина / добродетель*. Показательным является также следующий пример: слово *богатство* было реакцией на 344 стимула, из которых всего два слова обозначают добродетели — *љубав / любовь* и *побожност / набожность, благочестие*.

Подчеркнем и то, что названия восьми важных христианских добродетелей, согласно епископу Афанасию Евтичу (см. подробнее [Јевтић, 2002: 96–98; 102]) (не считая любви, которая признается самой главной добродетелью): *уздрыљивост / рус. воздержание, чистота*⁵ / *чистота, чедност / девственность, благод / благодать, кротост / кротость, смирење / смирение, дар суза*⁶ / *дар слёз* — встречаются как слова-реакции на стимулы в небольшом количестве. *Кротость* (серб. *кротост*) не встречается вообще; *воздержание* (серб. *уздрыљивост*) встречается один раз; *девственность* (серб. *чедност*) — 6 раз; *благод* — 11 раз; *чистота* — 26 раз. Показательно, что последние три слова были реакциями на стимулы *дете / ребёнок* и *чедо / чадо*. Также лексема *невиност* была реакцией на слово *дете* 14 раз, на слово *чедо* — 6 раз, на слово *дечји / детский* — 4 раза. Лексема *чистота* была реакцией на слово *дете* 3 раза, слово *чедо* — 2 раза и *дечји* — 1 раз. Основываясь на количественном соотношении реакций, можно сделать вывод, что в восприятии молодых сербов этими добродетелями, скорее, обладают дети, эти нравственные свойства труднее приобрести в более старшем возрасте.

⁵ Очень важная добродетель — *целомудрие* — содержит в своем значении *чистоту* и *воздержание*, см. [Јевтић, 2002: 96]. В современном сербском языке это слово (вернее, варианты слова: *целомудреност, целомудрије*) можно встретить только в богословской, в первую очередь аскетической литературе. Реже употребляется слово *здравоумье / здравомыслие*, см. напр. [Врлинослов, 2005]. Ни одно из этих слов не встречается в ассоциативных словарях сербского языка.

⁶ Добродетель *дар суза* по-сербски можно назвать и по-другому, чаще всего — *покајни плач / слезы покаяния*. Обычному человеку трудно представить, что в этих названиях речь идет именно о добродетели. Кроме того, приведенные названия являются двухкомпонентными и не содержатся в заглавиях лексикографических статей в АССЯ. Они также не встречаются в качестве реакций в ОАССЯ. В этой связи они далее не рассматриваются.

2.1. Для обозначения добродетели смирения в сербском языке существуют три слова: *смерност*, *смирење* и *смиреност*, и все они были словами-реакциями на разные стимулы: *смерност* — 6 раз, *смирење* — 7 раз, а *смиреност* — 42 раза. Меньше всего слово *смирење* воспринимается как добродетель, будучи реакцией на слова-стимулы *чај / чай*, *кафа / кофе*, *књига / книга*, *музика / музыка* и *надати се / надеяться*. Чаше всего для обозначения добродетели смирения, как показывают эти данные, в сербском языке используется слово *смиреност*. Оно является словом-реакцией на стимулы, именующие христианские понятия: *побожност* (5 раз), *духовност / духовность* (2 раза), *побожан / верующий*, *набожний* (1 раз), *вера / вера* (1 раз).

2.2. Из 600 слов-стимулов есть 53 слова, которые в одном из лексико-семантических вариантов реализуют значение христианской добродетели или качества (напр. *љубав*, *нада / надежда*, *вера*, *побожност*, *милосрђе / милосердие*, *срдачан / сердечный*, *приветливый*, *мудар / мудрый*, *нежан / нежный*, *част / честь*, *храбар / храбрый*, *паметан / умный*, *отвореност / открытость*, *ћутати / молчать*, *шtedљив / бережливый*, *слобода / свобода*, *слога / единокорие*, *прост / простой*), а также лексемы, значения которых семантически связаны с добродетелью (напр. *истина / истина*, *вредност / ценность*, *праведан / праведный*, *стидљив / застенчивый*, *прост*, *веран / верный*, *волетати / любить*, *Црква / Церковь*, *добар / добрый*, *духовност*, *јединство / единство*, *људска права / права человека*, *обећање / обещание*, *страстан / страстный*, *богатство*, *нежношћу / нежностью*). Чтобы получить полную картину восприятия христианских добродетелей необходимо проанализировать реакции испытуемых студентов на все эти стимулы, но мы ограничимся только некоторыми: *љубав*, *вера*, *нада* и *милосрђе*.

3. Реакции на слова-стимулы *љубав* и *вера* уже большей частью проанализированы, в этих исследованиях приведены статистические данные результатов из ассоциативных словарей (только из АССЯ или вместе с результатами из ОАССЯ), см. [Драгићевић, 2005: 68–69; Бајић, 2007: 59–60; Кончаревић, 2015: 153; 157; Петровић, 2015: 99–105]. Не будем приводить полностью статистические данные, но продемонстрируем результаты, которые показательны для темы нашего исследования.

3.1. Только двое из 800 анкетированных ассоциировали слово *љубав* со словами *Бог* и *вечан / вечный*, а трое — со словом *вечност / вечность*. У большего числа студентов слова-реакции на стимул были следующие: *срећа / счастье* (88 раз), *срце / сердце* (60), *мржња / неприязнь*, *ненависть* (29), *лепо* и *лепота / красивое* и *красота* (19 и 18), *живот / жизнь* (12), *девојка / девушка* (14), *осећање / чувство*

(14), *двоје / двое* (16), *породица / семья* (11), *секс / секс* (11). ОАССЯ подтверждает отдаленность сербской молодежи от христианского понимания любви, поскольку из 240 слов, на которые слово *љубав* было реакцией, только несколько относятся к религиозным понятиям (*побожност, духовност, Свети Сава*), см. [ОАССЯ: 278–279].

3.2. Слово *вера* значительно чаще ассоциируется с религиозными понятиями: лексема, обозначающая другую добродетель — надежду (серб. *нада*), является словом, которое представляет самую многочисленную реакцию студентов и учеников на стимул *вера*: 120 опрошенных отреагировали с помощью этого слова, за ним следуют реакции *Бог* (117), *црква / церковь* (104); у *Бога / в Бога* (38), *крст / крест* (30), *љубав* (29), *хришћанство / христианство* (22), *православље / православие* (17) [ОАССЯ: 135].

3.3. Анализ слов-реакций на стимул *нада* (рус. *надежда*) демонстрирует аналогичную картину, как и в случае реакции на слово-стимул *вера*. Самая многочисленная реакция на эту добродетель — слово *вера* (как и в обратном случае): у 139 испытуемых. Далее в ассоциативно-вербальном поле добродетели *надежда* (серб. *нада*) религиозные понятия не так многочисленны, как и в случае добродетели *вера*, но они есть: слово *љубав* встречается 15 раз, слово *веровање / верование* — 6, *Бог* — 5, *веровати / веровать* — 3, *надати се / надеяться*; *црква*; у *Бога*; *вечност, узвишеност / возвышенность* — 1 раз (см. [АССЯ: 308–309]).

3.4. Результаты анализа реакций на слова-стимулы *вера* и *нада* (*вера* и *надежда*) показывают, что в коллективной памяти сербского народа эти две добродетели тесно связаны между собой. Напомним, что в новозаветном гимне любви они также приводятся вместе [1. Кор. 13, 13]. Результаты в ОАССЯ подтверждают приведенное выше положение, а также показывают, что у молодых носителей сербского языка *вера* в большей степени связана с религией, чем *надежда* — она была словом-реакцией большее количество раз, чем *нада* (684: 361), хотя *нада* была реакцией на большее количество стимулов (87), чем *вера* (54) [АССЯ: 68; 328].

3.4.1. Здесь необходимо привести возможное объяснение того факта, что у сербов *вера* больше связывается с религией, чем *надежда*. Следует отметить, что *вера*, с одной стороны, в богословском учении о спасении человека рассматривается как вид жизни (по евангельским словам “Вера твоя спасет тя” (Мат. 9, 12)). С другой стороны, *вера* является видом сознания, и тогда она рассматривается в эпистемологическом ключе (см. подробнее в лексикографической статье *вера* в: [Брија 1999]). У сербов, по данным статистики, очень высокий процент верующих, но очень маленький процент практику-

ющих православных христиан, что говорит о том, что они в большей степени воспринимают веру как вид сознания, чем как вид жизни. Поэтому у них вера связывается с религиозными понятиями больше, чем надежда, у которой нет этого эпистемологического аспекта. Надежда у сербов, по данным ассоциативных словарей, обнаруживает более частотную реализацию в жизни, чем вера, поскольку слово *нада* было реакцией на большее количество стимулов.

3.5. Реакции на слово-стимул *милосрђе* (*милосердие*) показывают, что эта добродетель в самой большой степени связывается с более общей добродетелью *доброта* (101 ассоциация), а потом с *церковью* (50). При этом, слово *црква* на сербском языке в доминантном значении — *храм*, поэтому милосердие как добродетель в восприятии носителей сербского языка чаще всего реализуется в храмах или рядом с ними, тем более, что следующее по частотности (38) слово-реакция на стимул: *просјак* / рус. *нищий*. Среди остальных слов-реакций самое большое количество аксиологически положительных, в частности, связанных с добродетелью, добром (напр. *добар* / *добрый*, *милосрдан* / *милосердный*, *доброчинство* / *благотворительность*, *хришћанство* / *христианство*, *љубав*, *добри људи* / *добрые люди*, *добробит* / *благополучие*, *доброчиниџество* / *благотворительная деятельность*, *доброћудност* / *доброжелательность*, *добронамерно* / *доброжелательно*, *добротвор* / *благотворитель*, *добротворно* / *благотворительно*, *молитва* / *молитва*, *опраштање* / *прощение*, *опроштај* / *прощение*, *побожност*, *покајање* / *покаяние*, *православље* / *православие*, *радост* / *радость*, *срчаност* / *задушевность*, *широкогрудост* / *щедность*, *великодушност* / *великодушие*, *воleti* / *любить*), см. [АССЯ: 289–290]. В ОАССЯ мы видим, что слово *милосрђе* было всего пять раз реакцией на пять разных стимулов: *лицемерје* / *лицемерие*, *милосрђе*, *пријатељ* / *друг*, *толеранција* / *толерантность*, *вера* / *вера* [АССЯ: 301].

4. Этот краткий психолингвистический анализ особенностей восприятия некоторых добродетелей молодыми носителями сербского языка подтверждает предположение о том, что сегодня материальная сторона жизни для них имеет намного большую ценность, чем духовно-нравственная. На основе анализа двух ассоциативных словарей сербского языка было показано, что добродетели редко считаются сербской молодежью богатством. Любовь у молодых сербов является самой неоднозначно понимаемой добродетелью (по сравнению с ее толкованием в Евангелии). Анализ ассоциативно-вербальных полей сербских слов *вера*, *нада*, *милосрђе* (*вера*, *надежда* и *милосердие*), особенно первого и последнего, не в полной мере подтверждает обозначенную в начале статьи гипотезу о неточном понимании данных христианских добродетелей. Они, скорее, вос-

принимаются как что-то внешнее, а не внутреннее в человеке, как и добродетель смирения. Данный тезис, а также толкование рассмотренных понятий в разных типах дискурса требуют дальнейшего изучения с помощью дополнительных методов исследования.

Список литературы

1. Асоцијативни речник српскога језика / Под ред. П. Пипер, Р. Драгићевић, М. Стефановић, Београд, 2005.
2. *Бајић Р.* О потреби познавања неких термина из грчког језика из области православља данас // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, 50. Нови Сад, 2007. С. 55–63.
3. *Брија Ј.* Речник теолошких појмова. Београд, 1999.
4. Врлинослов / прев. *Милуновић М.* Зборник текста Светих отаца о врлинском живљењу. Света Гора Атонска, 2005.
5. *Драгићевић Р.* Вербалне асоцијације у семантичким истраживањима // Асоцијативни речник српскога језика, Београд, 2005. С. 56–80.
6. *Драгићевић Р.* Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу. Београд, 2010.
7. *Јевтић А.* Аскетика, Ваљево; Србиње; Београд, 2002.
8. *Хомисија Св. арх. синода СПЦ* (прев.). Нови завјет Господа нашег Исуса Христа. Сарајево, 1990.
9. *Кончаревећ К.* Религиозност кроз призму вербалних асоцијација носилаца српског и руског језика // Поглед у теолингвистику. Београд, 2015. С. 139–167.
10. *Левушкина Р.* Восприятие христианских добродетелей носителями сербского языка. // Первый международный конгресс православных ученых в Сербии «Евангельские ценности и будущее православного мира: Православие и наука». Воронеж, 2017. С. 161–163.
11. *Левушкина Р.* Терминологија хришћанских врлина у савременом српском језику. 2022 (статья в печати).
12. Обратни асоцијативни речник српскога језика / Под ред. П. Пипер, Р. Драгићевић и М. Стефановић. Београд, 2011.
13. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1960.
14. *Петровић С.* О стереотипу вере из угла вербално-асоцијативног система руског и српског језика // Црквене студије. 12. Ниш, 2015. С. 95–107.
15. *Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М.* Предговор. // Обратни асоцијативни речник српскога језика. Београд, 2011. С. 7–11.
16. *Пипер П.,* Асоцијативни речници словенских језика и етнокултурни стереотипи // Славистика, VII. Београд, 2003. С. 22–32.
17. *Плисов Е.В.* Теолингвистическое направление в современном языкознании // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2019. № 48. С. 248–253.
18. *Плисов Е.В.* Этноконфессиональная специфика религиозного текста (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского госу-

- дарственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2010. № 10. С. 95–104.
19. *Поповић Ј.* Догматика православне цркве. Т. III. Манастир св. Телије код Ваљева, Београд, 1978.
 20. *Радбиль Т.Б., Сайгин В.В.* Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // *Фундаментальные исследования*, 2 (часть 26). М., 2015. С. 5968–5971.
 21. РСАНУ, *Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ* (до *покупити*), I–XXI. Београд, 1959–2019.
 22. *Скляревская Г.Н.* Словарь православной церковной культуры. М., 2008. С. 447.
 23. *Уфимцева Н.В.,* Системность языкового сознания носителя языка как отражение системности культуры // *Русский язык за рубежом*. № 4. 2011. С. 98–108.
 24. *Чернышева А.Ю., Пережогина О.В.* Рече-поведенческие тактики призыва к добродетелям в светской и православной культурах // *Учен. зап. Казан. ун-та. Серия гуманитарные науки*. Т. 152. Кн. 6. Казань, 2010. С. 213–222.

Ružica Levuškina

**PERCEPTION OF CHRISTIAN VIRTUES
BY SERBIAN LANGUAGE SPEAKERS:
ASSOCIATIVE DICTIONARIES RESEARCH**

*Institute of Serbian Language of SASA
36 Knez Mihailova street, Belgrade, 11000*

The paper deals with the perception of certain Christian virtues using the material from the Associative Dictionary of the Serbian Language and the Reverse Associative Dictionary of the Serbian Language. Starting from the assumption that these virtues are now largely understood in the context of pragmatism and conformism, we have analyzed reactions to various word stimuli that (in at least one of their meanings) refer to Christian virtues (e.g., *ljubav* [love], *smirenje* [serenity]) or are in some way related to them (e.g. *bogatstvo* [richness], *vrednost* [value]). Certain lexemes denoting Christian virtues do not appear in these dictionaries at all (e.g., *celomudrenost* [righteousness], *krotost* [humbleness]), while some appear only as word-responses to stimuli (for instance, *uzdržljivost* [self-restraint] just once). *Smirenost* [humility], with its 42 appearances as a reaction to various stimuli, might be regarded as an exception. The analysis shows that the virtues such as *čistota*, *nevinost* and *blagost* [purity, chastity, and gentleness] are attributed to children in the collective consciousness of Serbian youth. The analysis of the associative-verbal field of the lexeme *ljubav* [love] has demonstrated that this virtue is far from the Christian point of view and rarely associated with God in the collective

consciousness of Serbian youth. As far as the virtues of *vera*, *nada* and *milosrđe* [faith, hope, and mercy] are concerned, the reactions to these word stimuli show a connection to the religious understanding of these virtues.

Key words: Associative Dictionary of the Serbian Language; stimulus; reaction; Christian virtues.

About the author: *Ružica Levuškina* — PhD (in Philology), Senior Research Associate, Institute for Serbian Language, Serbian Academy of Sciences and Arts (e-mail: ruzica.bajic@isj.sanu.ac.rs).

References

1. *Asociativni rechnik srpskoga jezika* [Associative dictionary of Serbian]. Pod red. P. Piper, R. Dragičević, M. Stefanović. Belgrade, Beogradska knjiga, Službeni list SCG, Filološki fakultet u Beogradu, 2005. 525 p. (In Serb.)
2. Bajić R. O potrebi poznavanja nekih termina iz grčkog jezika iz oblasti pravoslavlja danas [About the need to know some Greek terms in the field of Orthodoxy today]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku* [Matica Srpska Journal of Philology and Linguistics], Novi Sad, 2007, № 50, pp. 55–63. (In Serb.)
3. Brija J. *Rechnik teoloshkih pojmova* [Dictionary of Theology Terms]. Belgrade, Faculty of Theology of Serbian Orthodox Church. 1999, 574 p. (In Serb.)
4. *Vrlinoslov* [Evergetinos], transl. Milunović M. Zbornik tekstova Svetih otaca o vrlinskom zhivljenju. Mounth Athos, Hilandar monastery, 2005. 320 p. (In Serb.)
5. Dragičević R. Verbalne asocijacije u semantichkim istraživanjima [Verbal associations in semantic research] // *Asocijativni rechnik srpskoga jezika* [Associative dictionary of Serbian], Belgrade, Beogradska knjiga, Službeni list SCG, Filološki fakultet u Beogradu, 2005, pp. 56–80. (In Serb.)
6. Dragičević R. *Verbalne asocijacije kroz srpski jezik i kulturu* [Verbal associations through the Serbian language and culture]. Belgrade, Chigoja, 2010. 248 p. (In Serb.)
7. Jevtić A. *Asketika* [Ascetic], Valjevo–Srbin’e–Beograd, Hrishchanska misao, 2002. 133 p. (In Serb.)
8. Commission of the Holy Synod of Bishops of the Serbian Orthodox Church (transl.), *Novi zavyet Gospoda nasheg Isusa Hrista* [The new Testament of our Lord Jesus Christ], Sarajevo, Oslobod’en’e, 1990. 506 p. (In Serb.)
9. Končarević K. *Religioznost kroz prizmu verbalnih asocijacija nosilaca srpskog i ruskog jezika* [Religiosity through the prism of verbal associations of speakers of Serbian and Russian]. Pogled u teolingvistiku [View in Theolinguistics], Belgrade, Jasen, 2015, pp. 139–167. (In Serb.)
10. Levuškina R. *Vospriyatie hristianskih dobrodetelej nositelyami serbskogo yazyka* [Serbs’ Perception of Christian virtues]. Pervyj mezhdunarodnyj kongress pravoslavnyh uchenyh v Serbii “Evangel’skie cennosti i budushchee pravoslavnogo mira: Pravoslavie i nauka”, Voronezh, Istoki, 2017, pp. 161–163. (In Russ.)

11. Levuškina R. *Terminologija hrishchanskih vrlina u savremenom srpskom jeziku* [Christian Virtues Terminology in Contemporary Serbian]. 2022 (publishing).
12. *Obratni asocijativni rechnik srpskoga jezika* [Reverse associative dictionary of Serbian] / Pod red. P. Piper, R. Dragičević i M. Stefanović. Belgrade. *Beogradska kn'iga, Sluzhbeny list, Filoloshki fakultet u Beogradu*, 2011. 720 p. (In Serb.)
13. Ozhegov, S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Language Dictionary], 4th ed. Moskva, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarey, 1960. (In Russ.)
14. Petrović S. O stereotipu vere iz ugla verbalno-asocijativnog sistema ruskog i srpskog jezika [On the stereotype of faith from the point of view of the verbal-associative system of Russian and Serbian] // *Crkvene studije* [Church Studies], Niš, 2015, 12, pp. 95–107. (In Serb.)
15. Piper P., Dragičević R., Stefanović M. *Predgovor* [Preface]. // *Obratni asocijativni rechnik srpskoga jezika* [Reverse associative dictionary of Serbian], Belgrade, 2011, pp. 7–11. (In Serb.)
16. Piper P., *Asocijativni rechnici slovenskih jezika i etnokulturni stereotipi* [Associative dictionaries of Slovenian languages and ethnocultural stereotypes]. // *Slavistika* [Slavic Studies], 2003, VII, pp. 22–32. (In Serb.)
17. Plisov E.V. Teolingvisticheskoye napravleniye v sovremennom yazykoznanii [Theolinguistic direction in modern linguistics]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov], 2019, 48, pp. 248–253. (In Russ.)
18. Plisov E.V. Etnokonfessionalnaya specifika religioznogo teksta (na materiale nemeckogo yazyka) [Ethno-confessional specificity of the religious text (based on the material of the German language)]. // *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov], 2010, 10, pp. 95–104. (In Russ.)
19. Popović J. *Dogmatika pravoslavne crkve* [Dogmatics of the Orthodox Church]. t. III. Belgrade, Monastery St. Chelie near Valjevo, 1978, 838 p. (In Serb.)
20. Radbil' T.B., Sajgin V.V. Kognitivnye priznaki i yazykovaya ob'ektivaciya koncepta "dobrodetel'" v sovremennom russkom yazyke [Cognitive signs and language objectification of the concept "virtue" ("dobrodetel'") in the modern Russian]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2015, 2 (26), pp. 5968–5971. (In Russ.)
21. R SANU, *Rechnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika SANU* [Dictionary of Serbo-Croatian literary and folk language] (to pokupiti), I–XXI, Belgrade, *Serbian Academy of sciences and art*, 1959–2019. (In Serb.)
22. Skl'arevskaya, G.N. *Slovar' pravoslavnoy tserkovnoy kul'tury* [Dictionary of Orthodox Church Culture]. Moskva, Astrel', 2008. 447 p. (In Russ.)
23. Ufimceva N.V., Sistemnost' yazykovogo soznaniya nositelya yazyka kak otrazhenie sistemnosti kul'tury [System of verbal consciousness of native speaker

- as the reflection of the system of culture] // *Russkij jazyk za rubezhom* [Russian language abroad], № 4, Moscow, 2011, pp. 98–108. (In Russ.)
24. Chernysheva A. Yu., Perezhogina O.V. Reche-povedencheskie taktiki prizyva k dobrodetelyam v svetskoj i pravoslavnoj kul'turah [Speech-Behavioural Tactics of the Call for Love in Orthodox and Secular Cultures]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seria gumanitarnye nauki* [Academic notes of the University of Kazan. Series Humanitarian Sciences]. 2010, 152, 6, pp. 213–222. (In Russ.)

Н.Г. Николаева, М.О. Новак

**ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В МЕСЯЦЕСЛОВАХ ДРЕВНЕРУССКИХ СПИСКОВ
ЕВАНГЕЛИЯ И АПОСТОЛА XIV в.:
ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ¹**

*ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет»,
г. Казань, 420012, ул. Бутлерова, 49*

*ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН»,
г. Москва, 119019, ул. Волхонка 18/2*

Исследование антропонимов в месяцесловах древнерусских богослужебных текстов XIV в., Евангелия-апракоса и Апостола, имеет значение как для поиска новых данных по истории русского языка, так и для понимания религиозно-церковной традиции, отраженной в этом типе текста. В настоящей статье ставится цель рассмотреть личные имена греческого и древнееврейского происхождения в менологиях древнерусских памятников с точки зрения их языковой специфики и функционирования на фонетико-орфографическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Ономастикон Евангелия и Апостола — хотя и на различных примерах — в целом демонстрирует склонность к одинаковым тенденциям в области транслитерации греческих графем, фонологической и фонотактической адаптации имен в единстве ее средств и / или результатов. Материал месяцеслова позволяет проследить за живыми языковыми процессами в сфере употребления двойственного числа. На лексическом уровне отмечается вариативность характеризующих формул, используемых в месяцеслове, которые могут как объединять исследуемые тексты, так и разделять их по разным основаниям. Лексические данные, как и некоторые ошибки, характеризуют памятники с точки зрения текстологической традиции и богослужебной уставной ориентации. Авторы приходят к выводу, что в целом в менологиях исследуемых памятников больше общих черт, чем различий, что связано с отражением в них языковых фактов живой восточнославянской

Николаева Наталья Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой латинского языка ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» (e-mail: natalia.nikolaeva@kazangmu.ru).

Новак Мария Олеговна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН» (e-mail: mariaonovak@gmail.com).

¹ Авторы благодарят анонимных рецензентов за ценные замечания.

речи. Оба памятника по ряду признаков тяготеют к константинопольскому церковному календарю.

Ключевые слова: древнерусский язык; Евангелие; Апостол; месящеслов; антропонимы; адаптация; фонетика; грамматика; лексика.

Вводные замечания

В исследованиях различных форм религиозной коммуникации актуально обращение как к современным, так и к древним литургическим и паралитургическим текстам. В настоящей статье предлагается сопоставление двух древнерусских источников XIV в. — Казанского Евангелия-апракос (ОРРК НБ КФУ, № 2072, далее — КЕ) и Толстовского последовательного (четьего) Апостола (РНБ Q.п.1.5, далее — ТА), а именно — их месящесловных разделов, с целью анализа языковой специфики и функционирования личных имен иноязычного происхождения. Выбор темы и источников обусловлен следующими соображениями. С одной стороны, свод имен святых в месящеслове важен для религиозного христианского дискурса как хранилище коллективной памяти и тесно связан с практикой имянаречения; это определяет его ценность для теолингвистического исследования. С другой стороны, освоение антропонимов, как и других лексических заимствований, позволяет зафиксировать определенные тенденции в динамике фонетических и грамматических процессов и отражении их на письме — поэтому изучение антропонимов в месящесловах значимо и для истории русского языка. К тому же известно, что ранние русские богослужебные книги ориентировались в разные периоды на различные богослужебные уставы. Месящесловы при древнерусских Евангелиях и Апостолах могут помочь в датировке памятника, определении его генетических связей, а иногда — и в уточнении места его создания.

Месящесловы КЕ и ТА представляют интерес как еще не изученные, хотя исследование обоих памятников, давно известных в науке, в последние годы активизировалось. ТА, в типологии Г.А. Воскресенского возглавлявший «вторую» редакцию текста Апостола [Воскресенский, 1879], недавно был детально исследован в рамках проекта, предусматривавшего, помимо изучения лексики и грамматики источника, публикацию его машиночитаемой копии в интернет-коллекции славянских и русских средневековых текстов «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=60>); текст КЕ также был охарактеризован в ряде публикаций и в настоящее время подготовлен к критическому изданию [Николаева, 2018]. Объединяет источники время (XIV в., конец древнерусского периода) и место создания. Оба памятника связаны с территориями к северо-западу от Москвы: в ТА отмечен ряд новгородизмов [Бак-

шаева, Жолобов, 2018], а появление КЕ связано предположительно с Тверским [Николаев, 2003] или Вологодским краем — хотя и в нем есть отдельные новгородизмы, как будет показано ниже.

Наша цель — рассмотреть в общем контексте древнерусской письменности языковые характеристики и функционирование личных имен в месяцесловах и оценить, насколько стандартны или оригинальны обнаруженные явления. Показания рукописей сопоставляются с данными восточно- и южнославянских литургических памятников, представленными в [Христова-Шомова, 2012; Лосева, 2001].

Структура месяцесловов КЕ и ТА

Прежде чем непосредственно обратиться к языковым данным, сделаем несколько замечаний относительно структуры календарных частей обоих источников. Месяцеслов Казанского Евангелия, полного апракоса Мстиславова типа, сохранился не полностью. Он занимает 141об. — 159 листы рукописи, за вычетом лл. 153—156 с евангельскими чтениями с конца текста для пасхальной литургии по четверг второй послепасхальной недели, которые были ошибочно подшиты к концу рукописи. На л. 158об. следует обрыв менология после зачала на память апостола Иоанна Богослова (8 мая), и на л. 159 представлена уже фактически последняя значимая служба церковного года — Усекновение главы Иоанна Предтечи (29 августа). Таким образом, календарные указания на почти весь май и летние месяцы в КЕ отсутствуют. Кроме того, месяцеслов содержит пропуски памяти некоторых значимых святых. Это несколько затемняет историю его формирования. Однако на основании структурных особенностей месяцеслова, порядка и набора представленных в нем памятней можно «сделать вывод о его константинопольском происхождении в период до распространения Иерусалимского устава, причем с бóльшим тяготением к соборно-приходскому укладу богослужения (традиция типикона Великой Церкви), нежели к монастырскому (различные версии Студийского и зависящих от него уставов)» [Ермошин, Кузьмин, 2017: 138].

В Толстовском Апостоле все календарные указания вынесены в отдельный блок: на лл. 84б—89а расположены синаксарные сведения, начиная с праздника Пятидесятницы; на лл. 89а—91в — указания менология. Чтения Апостола на каждый день периода от Пасхи до Пятидесятницы расписаны на лл. 91в—92в. При этом цитируются инципиты и окончания зачал.

Месяцеслов ТА, как на фоне собственных подробных синаксарных указаний, так и по сравнению с данными КЕ, весьма краток

(возможно, по этой причине он не был учтен в обширном труде, посвященном календарям в славянской традиции Апостола [Христова-Шомова, 2012]). Так, например, в месяцеслове на октябрь (л. 89в) приведено 11 памятей, тогда как в аналогичном разделе КЕ — 17 (лл. 144б-в, 145а). На наш взгляд, это может быть связано с типом текста, представленного в рукописи: перед нами не апракос, а последовательный Апостол, предусматривающий возможность не выборочного «праздничного», а сплошного, именно «синаксарного» чтения текста по дням календаря (см. об этом [Алексеев, 2008: 24]). Не исключено, что краткость менология повлекло за собой и экономное оформление кодекса in quarto, написанного очень мелким и убористым уставом. Тем не менее материал его ономастикона достаточен для сопоставления с КЕ, а также с месяцесловами списков Апостола, приведенными в [Христова-Шомова, 2012].

Менологий Толстовского Апостола, так же как и месяцеслов Казанского Евангелия, соответствует древнему уставу Великой Церкви, отражая константинопольскую богослужебную практику. На это указывает репертуар календаря, включающего не только памяти святых, но и исторических событий, связанных с Константинополем. Так, перед памятью св. Павла Исповедника 6 ноября находится указание **Нѣ(д)прѣ(ж) ·ѣ· дни сего мѣца** (л. 89в). Известно, что в Константинополе в первое воскресенье ноября (между 1 и 6 ноября) отмечалось выпадение вулканического пепла после извержения Везувия в 472 г., и эта «память праха» зафиксирована в месяцесловах старейших литургических кодексов, включая Остромирово, Реймское, Мстиславово Евангелие, Синайский Апостол и др. [Лосева, 2001: 195].

Фонетико-орфографический уровень

Ономастиконы обоих источников содержат в основном имена греческого и древнееврейского происхождения, адаптация которых на восточнославянской почве отражает следующие фонетико-орфографические тенденции.

1. Предпочтение буквы «ферт» букве «фита» в абсолютном большинстве случаев, несмотря на этимологическую корректность написания именно с «фитой» (< греч. θ): **феклы** (КЕ л. 144б, ТА л. 89б), **матфѣла** (КЕ л. 145г, ТА л. 89б, 91б), **фомлы** (КЕ л. 144в, ТА л. 89в), **(ѣ)оустафыла** (КЕ л. 144б, ТА л. 89б), **федосьла** (КЕ л. 152г, ТА л. 90б), **фе(о)дора** (КЕ л. 157г, ТА л. 90б) и т.п. Это полностью согласуется с показаниями восточнославянских списков Апостола XIV в., которые приводятся в [Христова-Шомова, 2012], — а именно двух списков РГАДА (Тип23 и Тип24) и Пог26 (РНБ). Они также предпочитают

графему «ферт» в противоположность южнославянским источникам, последовательно использующим ѣ и реже т.

2. Передача в именах греческого происхождения графемы υ посредством ү (оү после е), и и ю: сүмешнү (КЕ л. 141г) и симешна (КЕ л. 157г) vs. семешнѣ (КЕ л. 157а и 157б) и семешна (ТА л. 89б), (е)оүстафѣа (КЕ л. 144б, ТА л. 89б), вавү(а) (КЕ л. 142а), күпріана (КЕ л. 144в), күра (КЕ л. 157а, ТА л. 91а), папүла (КЕ л. 145а), мартүрїна (КЕ л. 145б), күрїака (КЕ л. 145б), фүрса (КЕ л. 146а), полүккта (КЕ л. 152г), еоүфїмѣ (КЕ л. 144б) и еоүфїмїнї, еоүфїмѣа (ТА л. 89б, 91а), еоүламѣа (КЕ л. 144б); поликарпа (КЕ л. 157г22); наконец, анкюрѣ. как сокращение титула святого Климента Анкирского (КЕ л. 152г).

3. Частое отображение греческой графемы -ι- перед последующей гласной как восточнославянского рефлекса напряженного редуцированного переднего ряда: захарѣ (КЕ л. 142а, ТА л. 89б), еоүфїмѣ (КЕ л. 144б) и еоүфїмѣа (ТА л. 91а), еоүламѣа (КЕ л. 144б), григорѣа (КЕ лл. 144б, 145г, 152г, ТА л. 90б), маркѣана (КЕ л. 145б), елѣрѣа (КЕ л. 146а), антонѣа (КЕ л. 152г, ТА л. 90б), аполинарѣа (ТА л. 90б), дїонїсѣа (ТА л. 89в), васнѣа (ТА л. 90а) — наряду с менее частотными мартүрїна (КЕ л. 145б), георгїна (КЕ л. 158в, ТА л. 90в), дмїтрина (ТА л. 89в), амфїхїна (КЕ л. 145г), и др. Преобладание таких написаний отмечено и в других восточнославянских списках Апостола [Христова-Шомова, 2012]. Отражается также ранняя черта древнеславянских памятников — аналогическое, согласно А.И. Соболевскому [Соболевский, 1907: 72], появление «ять»: сергѣа (ТА л. 89в), евдокѣ (КЕ л. 158а).

4. Источники демонстрируют и другие результаты фонологической и фонотактической адаптации заимствованных имен: ѣнаны (КЕ л. 144б), акїма (КЕ л. 142г, ТА л. 89б), ларнона (ТА л. 89в), катѣрїны (КЕ л. 146а), ѣксенїнї (КЕ л. 152г), ивана (ТА л. 91а), — которые вполне соответствуют феноменам живой восточнославянской речи, представленным в берестяных грамотах и описанных в [Зализняк 2004: 205–206]. Специфически новгородским А.А. Зализняк считает вариант кванѣ, который зафиксирован в евангельском чтении менология: приде ісѣ ѿ | галелѣа на крданѣ | кѣ кванү крѣтїтѣ | сѣ (КЕ л. 152а).

5. Если предыдущие позиции отражают сходство орфографических предпочтений КЕ и ТА, то следующий момент указывает на различие: в ономастиконе КЕ последовательно представлены архаичные древнеславянские сочетания *кы, гы, хы* (несмотря на то, что в основном тексте Казанского апракоса практически равноправно употребляются варианты твердых и смягченных заднеязычных): ннкѣ (л. 144б), пелѣгѣе (л. 144в), логѣна (sic! л. 145а), архѣстѣа

(л. 145г), **никѣфор** (л. 157г). Эта особенность говорит о связи архетипа КЕ (или, во всяком случае, его месяцесловной части) с севернорусскими территориями, поскольку в вологодских и архангельских говорах отсутствовал переход /ку/, /гу/, /ху/ в /k'i/, /g'i/, /x'i/ (см.: [Историческая грамматика, 2020: 270]). В ТА, напротив, находим **архистратига** (л. 89в), **никифора** (л. 90в) — что отражает более точное следование написанию соответствующих греческих единиц².

6. По-разному отражается в источниках и процесс упрощения групп согласных: если в ТА налицо неорганическая гласность — **аньнты** (л. 89б), то в КЕ результат дизерезы — **анты** (л. 142 г). Оба пути реализуются и в других списках Апостола: **анты** (Тип 23), **аньнты** (Пог 26) [Христова-Шомова, 2012: 354].

7. Как и другие древнерусские источники [Христова-Шомова, 2012: 738], КЕ и ТА отражают межслоговую метатезу плавных в имени древнееврейского происхождения *Варфоломей*: **валѣфро_мѣи** (КЕ л. 16б), **валѣфро_мѣи** (КЕ лл. 41а, 58в), **валфроломѣи** (ТА л. 90об.), — при этом в ТА наблюдается контаминация изначальной последовательности плавных и написания с метатезой, а гласная вставка отсутствует. Большинство южнославянских списков Апостола демонстрируют этимологически верный порядок звуков (**варфол-**, **вартол-**), а в ряде случаев используют паерок для обозначения неорганической гласности [Христова-Шомова, 2012: 738–739].

Грамматический уровень

Из грамматических явлений в месяцесловах обращает на себя внимание варьирование форм двойственного числа, поскольку там нередки упоминания двоиц святых:

стою безмездни(к). || **козмты и дамьа(н)** (КЕ лл. 145б–145в) vs. **стѣю безмездьника кѣзмты и дѣмьана** (ТА л. 91а);

стѣю праведни(к) акѣма и анты (КЕ л. 142г) vs. **стою акѣма и аньнты** (ТА л. 89б);

сто(ю) мѣ(чени)кѣ. кѣра. ивана (КЕ л. 157а) vs. **стою кѣра иван** (ТА л. 90в) и **стѣю мѣ(ч). кѣра ивана** (ТА л. 91а).

Согласованное в двойственном числе определение свободно варьируется в форме родительного падежа, характерной для членных прилагательных, и в форме, отражающей влияние склонения указательных местоимений. Во-вторых, в ТА наблюдается нарушение согласования: **стѣю безмездьника**, т.е. «вторжение» формы, которую можно интерпретировать либо как родительный падеж ед.ч., либо

² «Архистратиг» является не личным именем в прямом смысле слова, но своего рода «воинским званием» архангела Михаила, нераздельным с именем, поэтому мы сочли возможным включить в анализ и его.

как именительный-винительный дв.ч. Первая интерпретация представляется более реалистичной, поскольку сама синтаксическая ситуация (память — кого?) требует генитива.

Лексический уровень

На лексическом уровне заслуживает внимания состав характеризующих формул, используемых в месяцесловах при личных именах. Так, Косма и Дамиан именуются в наших источниках безмездниками, тогда как месяцесловы многих южнославянских списков Апостола XIV в., а также Чудовского Нового Завета представляют форму **вѣсрѣбрьникъ** либо **чюдотворць** [Христова-Шомова, 2012: 775–776]. И. Христова-Шомова отмечает, что характеристика «безмездники» встречается в «староизводных» апостолах (т.е. в списках архаичной группы, не связанных с афонской редакцией текста), тогда как «бес-сребники» — в «новоизводных». Наименование «чудотворцы» может присутствовать в обеих группах источников [там же].

Вариация, различающая КЕ и ТА, касается 16 января, дня почитания вериг ап. Петра. КЕ дает развернутое представление праздника: **поклонѣнье веригъ сѣа(г) апла петра** (л. 152 г), тогда как ТА ограничивается упоминанием имени апостола: **сѣго апла петра** (л. 90б), что противопоставляет его всем другим спискам Апостола, кроме Чудовского Нового Завета [Христова-Шомова, 2012: 455–456]. Как уже отмечено выше, такая краткость в месяцеслове ТА может быть обусловлена как типом текста (это последовательный Апостол, а не апракос), так и необходимостью поместить максимум информации в рукописи небольшого формата. Казанское Евангелие сближается здесь со списками Апостола, которые представляют пространные описания: Тип 23 **поклонѣнье ч(с)тныи веригъ апла петра**, Пог 26 — **поклонѣнье чѣтныхъ веригъ сѣго апла петра**, Тип 24 — **памл(т) творимъ сѣго апла петра спадѣнье веригомъ** [Христова-Шомова, 2012: 456]. «Спадение» фигурирует и в ряде южнославянских источников; И. Христова-Шомова подчеркивает, что это характерно для наиболее архаичных списков, а в тех апостолах, где было проведено целенаправленное редактирование в соответствии со Студийским уставом, присутствует вариант *поклонение* [Христова-Шомова, 2012: 457]. Таким образом, менологий КЕ отражает редактирование согласно Студийскому уставу.

Следующая месяцесловная позиция, 6 сентября, также различает КЕ и ТА: **чю(д)сѣго мнхѣй(а) архнгла** (КЕ л. 142а) vs. **архнстратига мнхана** (ТА л. 89в). В ТА, очевидно, вновь сыграл роль фактор экономии, поскольку не упомянуто чудо в Хонех, празднуемое в этот день.

Возможна и противоположная ситуация, когда ТА представляет более развернутую характеристику святого: **сѣго оца антонья великаго** (л. 90б) vs. **сѣго оца антонь(га)** (КЕ л. 152г). Наличие эпитета сближает ТА с некоторыми южнославянскими списками, тогда как Евангелие, напротив, «солидаризируется» здесь с восточнославянскими Тип 23 и 24 и Пог 26 [Христова-Шомова, 2012: 460].

Упомянем также неточности, обнаруженные в КЕ и ТА и также имеющие отношение к уровню лексики. В Евангелии 7-го ноября отмечена память **сѣа мѹ(ч) нерона** (л. 145г). Хотя упоминание о таком мученике встречается в греческом списке Жития Василия Нового (Dionysiou 107, см. [Житие, 2019: 316]), это имя, судя по славянскому переводу жития, появилось там вместо имени *Георгий*; в нашем случае речь идет о явной ошибке, спровоцированной другим именем: в этот день чествуют святого Иерона Мелитинского. Ошибка возникает вследствие путаницы букв **и** и **н**, близких по начертанию, и она весьма характерна для писца — достаточно вспомнить, что отец Авраама Фарра в родословии Иисуса в синаксарной части назван *фараоном*: ... **аврамовъ**. | **фараѡновъ**... (л. 55б). В родословии по Матфею в месяцесловной части муж Марии назван Иосием (146в25–26: **иаковъ же роди | иѡсѣа**) — этим же именем в этом родословии назван отец царя Давида Иессей (146б) (см. об этом [Ермошин, Кузьмин 2018: 67]).

Другое недоразумение в КЕ связано с упоминанием памяти «апостола Никифора» 2-го апреля (л. 158в): **сѣго никѣфора апѣа**. Поскольку апостола с таким именем нет ни среди двенадцати, ни среди семидесяти, было высказано предположение, что «это искаженное упоминание святителя Никифора, патриарха Константинопольского — исповедника иконоборческой эпохи. Мощи его находились в храме Святых Апостолов имперской столицы <...>. По-видимому, славянский переписчик искажил упоминание «святого отца нашего Никифора, иже во храме святых апостол» в константинопольском менологии, упростив его до “Никифора апостола”...» [Ермошин, Кузьмин 2017: 141]. Другое объяснение появлению такого «апостола» в менологии можно дать, исходя из сходства написания под титулом слов *апостол* и *епископ*: в последнем используется буква **л** (графическая диссимилиация?) — ср. буквально двумя строками ниже (л. 158в) упоминание памяти епископа Халкидонского Космы (**сѣго козмы епѣа**) или то же при имени святого Акепсима на л. 145в (**сѣа м(ч) акепсѣма епѣ**). Смещение этих двух титулов наблюдалось и в более ранних древнеславянских памятниках. Так, в месяцеслове сербского Мирославова Евангелия (апракос, ок. 1180 г.) под 22 июля наряду с памятью Марии Магдалины приведена память священномученика Фоки, епископа Синопского, обозначенная как **сѣго покне апѣа**

(л. 172а). Поэтому можно предположить, что ап\lrcorner в Казанском апракосе — это не «апостола», а «архиепископа» (что закономерно для титула Константинопольского патриарха).

Памяти святых в менологии позволяют интерпретировать огрехи в записи чисел, которые допускает переписчик КЕ. Так, перед 24 сентября в месяцеслове помещена память мученика Евлампия (по-видимому, перемещенная сюда по неизвестным причинам с 10 октября — когда она обычно празднуется), которая обозначена как к\lrcorner (л. 144б), то есть «двадцать-десятое» число. Мы не можем однозначно утверждать, что таким образом переписчик ошибочно обозначил число 23, так как до него последним стоит число — 17 (з\lrcorner). Это необычное число встречается еще дважды: на л. 157г в написании даты 23-го февраля (возможно смешение написания г и г , в связи с чем не исключено, что к\lrcorner в сентябре все же обозначает число 23) и 28-го апреля вместо верного к\lrcorner (л. 158в), что, очевидно, связано со смешением графем и и и .

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Месяцесловы Казанского Евангелия и Толстовского Апостола представляют целый ряд результатов фонологической и фонотактической адаптации личных имен, которые отражают влияние живой восточнославянской речи: написания, не соответствующие этимологии имен греческого происхождения, вариативность в передаче греческих графем, диэреза и неорганическая гласность, межслоговая метатеза плавных. Эти черты отражают стандартный восточнославянский, в том числе новгородский, узус. Употребление в Казанском Евангелии сочетаний кы , гы , хы в составе заимствованных антропонимов также подтверждает севернорусское происхождение его месящеслова и отличает его от узуса Толстовского Апостола.

На грамматическом уровне наблюдаются некоторые различия между рассмотренными источниками: в месящеслове ТА менее последовательно воспроизводятся формы двойственного числа по сравнению с месящесловом КЕ.

Анализ лексического уровня показал, что личные имена входят в состав характеризующих формул, имеющих различное наполнение. Лексическая вариативность, наблюдаемая в этих формулах на фоне других восточно- и южнославянских литургических источников, позволяет говорить об архаичном характере месящесловов КЕ и ТА и вместе с тем о следах редактур в менологии КЕ согласно Студийскому уставу. Неточности в трансмиссии имен святых, их титулатуры

и календарных дат в КЕ обусловлены смешением похожих графем и имеют параллели в более ранних памятниках письменности.

Таким образом, ономастиконы обоих исследованных месяцесловов отражают основные тенденции развития восточнославянской фонетико-орфографической и грамматической системы, а также, в случае Казанского Евангелия, — диалектную принадлежность прототипа менология. Лексическая вариативность позволяет выявить связь менологиев с тем или иным типом богослужебного устава. В перспективе исследования — сопоставление рассмотренных источников с данными более широкого круга древнеславянских письменных памятников.

Источники

- Казанское Евангелие — Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета, № 2072
- Мирославово Евангелие — Национальный музей Сербии (№ 1536).
Электронное изд.: Miroslav's Gospel // World Digital Library: URL: <https://www.wdl.org/en/item/2363/>
- Толстовский Апостол — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Q.п.1.5.

Список литературы

1. *Алексеев А.А.* Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб., 2008.
2. *Бакшаева А.А., Жолобов О.Ф.* Кодикология и диалектная принадлежность рукописи полного Апостола // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 160. Кн. 5. С. 1027–1038.
3. *Воскресенский Г.А.* Древнеславянский Апостол и его судьбы до XV века. М., 1879.
4. *Ермошин А.В., Кузьмин С.И.* Месяцесловная часть рукописи Казанского Евангелия XIV века: структурно-содержательные особенности // Классические языки в постклассический период: Сб. статей. Казань, 2017. С. 136–146.
5. *Ермошин А.В., Кузьмин С.И.* Имена собственные в Казанском Евангелии XIV века // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: Труды и материалы Международной конференции: В 2 т. Казань, 2018. Т. 2. С. 65–68.
6. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. Т. I: Исследования. Тексты / Изд. подгот. Т.В. Пентковская, Л.И. Щеголева, С.А. Иванов. М., 2019.

7. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
8. Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В.Б. Крысько. М., 2020.
9. *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
10. *Николаев Г.А.* Казанское Евангелие-апракос XIV века // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Казань, 2003. Т. 2. С. 94–96.
11. *Николаева Н.Г., Ермошин А.В.* Лексико-текстологические особенности Казанского Евангелия XIV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т.17, № 4. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.2>
12. *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.
13. *Христова-Шомова И.* Службеният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. II. Изследване на синаксарите. София, 2012.

Natalia Nikolaeva, Maria Novak

**PERSONAL NAMES OF FOREIGN ORIGIN IN THE OLD
RUSSIAN EVANGELIARY AND APOSTOLOS MENOLOGY
FROM THE 14TH CENTURY: LANGUAGE FEATURES
AND FUNCTIONING**

*Kazan State Medical University
49 Butlerova str., Kazan, 420012*

*V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019*

The article focuses on the anthroponyms adaptation in menologies included in Evangeliary and Apostolos copies from the 14th century. Such a study is essential both for discovering specific trends in the history of the Russian language and for understanding the religious and church tradition reflected in this text type. It aims to consider personal names of Greek and Hebrew origin from the point of their language features and functioning at the phonetic-spelling, grammatical, and lexical levels. The Evangeliary and Apostolos onomasticon — although representing various examples — generally demonstrates similar trends in the transliteration of Greek graphemes, phonological and phonotactic adaptation of names. The menology material enables observation of live language processes in dual form use. At the lexical level, there is variability in the characteristics and lexical formulas used in the menology, which can both unite the texts or separate them on a different basis. Lexical data as well as some erroneous spelling characterize the liturgical status of manuscripts and their position from the point of textual criticism. The menologies of the studied manuscripts have more similarities than differences,

which reflect the facts of live East Slavic speech use. In terms of liturgical features, both sources decline towards the Constantinople type of the church calendar.

Key words: Old Russian language; Evangeluary; Apostolos; menology; anthroponyms; adaptation; phonetics; grammar; lexis.

About the authors: *Nataliya Nikolaeva* — Prof. Dr., Department of Latin Language, Kazan State Medical University (e-mail: natalia.nikolaeva@kazangmu.ru); *Mariia Novak* — Prof. Dr., Lead Researcher of the Vinogradov Russian Language Institute (e-mail: mariaonovak@gmail.com).

Sources

- Kazan Evangeluary — The Scientific Library of Kazan Federal University, Written Sources Department, no. 2072.
- Miroslav's Gospel — The National Museum of Serbia (no. 1536). Available online: Miroslav's Gospel // World Digital Library: URL: <https://www.wdl.org/en/item/2363/>
- Tolstovskii Apostolos — Russian National Library (Saint Petersburg), Written Sources Department, Q.p.I.5.

References

1. Alekseev A.A. Bibliia v bogoslužhenii. Vizantiisko-slavianskiĭ leksionariĭ. SPb., 2008.
2. Bakshaeva A.A., ZHolobov O.F. Kodikologiia i dialektnaia prinadlezhnost' rukopisi polnogo Apostola // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriiia «Gumanitarnye nauki». 2018, tom 160, kn. 5. S. 1027–1038.
3. Voskresenskiĭ G.A. Drevneslavianskiĭ Apostol i ego sud'by do XV veka. M., 1879.
4. Ermoshin A.V., Kuz'min S.I. Mesiat'seslovnaia chast' rukopisi Kazanskogo Evangeliiia KHIV veka: strukturno-soderzhatel'nye osobennosti // Klassicheskie iazyki v postklassicheskiĭ period: sb. statei. Kazan': Brig, 2017. S. 136–146.
5. Ermoshin A.V., Kuz'min S.I. Imena sobstvennye v Kazanskom Evangelii KHIV veka // Lingvokul'turologicheskie issledovaniia razvitiia russkogo iazyka v usloviakh poliĭtnicheskoi sredi: opyt i perspektivy: Trudy i materialy mezhdunarodnoi konferentsii: v 2 t. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. T. 2. S. 65–68.
6. ZHitie Vasiliia Novogo v drevneisem slavianskom perevode. T. I: Issledovanie. Tekst / Izd. podgot. T.V. Pentkovskaia, L.I. Sh'ogoleva, S.A. Ivanov. M., 2019.
7. Zalizniak A.A. Drevnenovgorodskii dialekt. 2-e izdanie, pererabotannoe s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg. M., 2004.
8. Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Enciklopedicheskiĭ slovar' / Pod red. V.B. Krysko. M., 2020.

9. Loseva O.V. Russkie mesiatseslovy XI–XIV vekov. M., 2001.
10. Nikolaev G.A. Kazanskoe Evangelie-aprakos XIV veka // II Mezhdunarodnye Boduénovskie chteniâ: Kazanskaia lingvisticheskaia shkola: traditsii i sovremennost' (Kazan', 11–13 dekabriâ 2003 g.): Trudy i materialy: V 2 t. Kazan': Kazan. gos. un-t, 2003. T. 2. S. 94–96.
11. Nikolaeva N.G., Ermoshin A.V. Leksiko-tekstologicheskie osobennosti Kazanskogo Evangeliâ XIV veka // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ 2, Iazykoznanie. 2018. T.17, № 4. S. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.2>
12. Sobolevskii A.I. Lektsii po istorii russkogo iazyka. Izd. 4-e. M., 1907.
13. Khristova-Shomova I. Sluzhebniat Apostol v slavianskata rakopisna traditsiâ. T. II. Izsledvane na sinaksarite. Sofiâ, 2012.

РЕЦЕНЗИИ

Д.С. Мухортов, И.Э. Стрелец

**Чудинов А.П. ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЕТАФОРОЛОГИЯ: ДИСКУРСИВНЫЙ ПОВОРОТ:
МОНОГРАФИЯ / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова.
М.: Флинта, 2020. 234 с.**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рецензии рассматривается монография «Политическая метафорология: Дискурсивный поворот» А.П. Чудинова, Э.В. Будаева и О.А. Солоповой. С помощью разнообразных примеров авторы освещают дискуссионные проблемы теории и практики изучения политической метафоры и делают акцент на методологии диахронической метафорологии. В качестве замечаний высказывается пожелание при переиздании книги обратить внимание на несколько моментов технического характера, включая отбор и объем включаемого материала.

Ключевые слова: рецензия; коллективная монография; политическая метафорология; политический дискурс; А.П. Чудинов; Э.В. Будаев; О.А. Солопова.

В издательстве «Флинта» вышла коллективная монография «Политическая метафорология: Дискурсивный поворот». Ее авторы — известные исследователи метафоры А.П. Чудинов, Э.В. Будаев и О.А. Солопова — предприняли попытку подытожить результаты своих трудов и обозначить

Мухортов Денис Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 6 факультета управления и политики МГИМО МИД России; доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dennismoukhortov@mail.ru).

Стрелец Илья Эрнстович — кандидат политических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sagitil@mail.ru).

горизонты развития метафорологии как актуального направления в отечественном языкознании.

Как следует из предисловия, общая концепция работы, введение и первая глава частично принадлежит А.П. Чудинову, над первой главой работал Э.В. Будаев, над третьей главой трудилась О.А. Солопова, а вторая глава является плодом коллективных усилий. Библиографический список указывает на то, что в общей сложности авторы цитируют 38 своих работ, в числе которых такие фундаментальные труды, как «Сопоставительная политическая метафорология» Э.В. Будаева (2011 г.) и «Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014)» О.А. Солоповой (2016 г.).

Авторы подчеркивают свою приверженность постулатам, уже ставших аксиоматическими, теории концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона, согласно которой «механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром» (с. 129) и теории архетипических метафор Осборна, утверждающей, что в самых разных культурах существует однотипный набор образов, или ассоциаций, обладающих «определенным «иммунитетом» к изменениям, вносимым временем <...>, их укорененность в человеческом опыте и, следовательно, в сознании» (с. 128).

Отдавая должное авторитетным теориям, авторы также говорят о недостаточно популярной у российских исследователей концепции блендинга (см. работы М. Тернера и Ж. Фоконье, 1995, 2000, М. Тернера, 2014) и связанной с ней методике анализа концептуальной интеграции. Это, по сути, единственная на сегодняшний день альтернатива двухдоменной модели метафоры. Увлеченные идеей экспликации целого комплекса динамических и вариативных процессов, происходящих между компонентами когнитивной метафоры, М. Тернер и Ж. Фоконье предлагают рассматривать их сквозь призму четырех ментальных пространств: двух исходных (input spaces), общего (generic space) и смешанного (blended space) (с. 35–36). Недостаточную популярность этой теории авторы объясняют тем, что «сторонники теории блендинга обычно занимаются «деконтекстуализованными» примерами из английского языка, в то время как теория, претендующая на анализ универсальных механизмов мышления, должна подкрепляться анализом дискурса» (с. 38).

Более четырехсот проанализированных работ по проблемам изучения метафоры позволяют А.П. Чудинову, Э.В. Будаеву и О.А. Солоповой утверждать, что в метафорологических исследованиях безвозвратно совершен «дискурсивный поворот», и, от себя добавим, материалы журнала «Политическая лингвистика», издающегося с 2006 г., и голландского журнала «Metaphor and Social World», издающегося с 2011 г., многократно подтверждают эту истину.

Лейтмотивом рецензируемой монографии является тезис о том, что между методиками исследования метафор в политическом нарративе «нет границ» или нет «непреодолимых» границ. Авторы закрепляют за метафорологией статус научной дисциплины, которая не только базируется на стыке целого ряда лингвоориентированных областей, но также способствует широкому и всеохватному распространению междисциплинарности в дискурсивных исследованиях [напр., см.: Стрелец, 2020; Александрова, Стрелец, 2021]. Нам представляется, что если когда-то будет принято решение о кластеризации гуманитарных дисциплин, то, наиболее вероятно, что для самых разных прагматических или научных целей ученые обратятся именно к анализу метафоры как давно проверенному способу постижения реальности [напр., см.: Мухортов, 2015; Мухортов, Цзи Сяосяо, 2018].

Вслед за бельгийскими и американскими исследователями (см., напр., работы К. де Ландтшир 1991, 1994, 1998, 2004, 2009 гг., Дж. Чартерис-Блэка 2005 г.) авторы монографии указывают на наличие у метафоры прогностического потенциала в определении идиолектных особенностей политика или групп политиков и тем самым еще раз подчеркивают высокую эвристическую ценность когнитивно-дискурсивной парадигмы политической метафоры. Важным является вывод коллектива авторов о том, что «стратегически политическая метафорология в России и за рубежом развивается по сходным сценариям» (с. 47).

Одним из достоинств книги является раздел «Методики когнитивного анализа политической метафоры», систематизирующий методы исследования единичных концептуальных метафор, метафор в политическом нарративе, метафор субъекта политического дискурса, а также метафор, объединяемых либо сферой-источником, либо сферой-мишенью. Объемная информация в нем подается сбалансированно и системно, и он может стать хорошим подспорьем для научных руководителей при формировании исследовательской стратегии для своих подопечных.

Особенно следует отметить, что для монографии с подобным названием богатая иллюстративность является обязательным атрибутом, и авторам удалось реализовать это требование — подавляющее большинство тезисов сопровождается тщательно подобранными наглядными примерами.

Во-первых, выбор материала. Перед авторами стояла непростая задача представить многочисленные исследования так, чтобы прозвучало все, умеренно и по максимуму, однако если учесть, что и у Э.В. Будаева, и у О.А. Солоповой по материалам их докторских диссертаций монографии уже были изданы — в 2011 и 2016 гг. соответственно, можно предположить, что вторая и третья главы данной книги в какой-то степени повторяют эти материалы и их можно было бы сократить. В противном случае, учитывая год издания данной монографии, возникает вопрос, почему в нее не были включены работы по сопоставительным исследованиям, вышедшие, как минимум, за последние три года. Это замечание целесообразно переадресовать редакторам и корректорам издательства. Ссылки на одни и те же работы

не должны подаваться каждый раз так, как будто это первое упоминание данной работы. Читатель испытывает дежавю, сталкиваясь с абзацами, которые встречал в предыдущих частях.

Во-вторых, «дискурсивный поворот» и все, что с ним связано. Поскольку монография издается спустя двадцать лет после начала столетия и обоснование когнитивно-дискурсивной парадигмы в современном языкознании является вопросом решенным, многочисленными доказательствами общепризнанного факта можно было бы пренебречь. Схожее замечание следует высказать относительно многократно упоминаемого классического труда Лакоффа и Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». У читателя может сложиться впечатление о том, что это новая работа.

В-третьих, до конца непонятной становится идея авторов (или автора третьей главы) сопоставлять метафоры в рамках периодов 1855–1881 гг. и 2000–2014 гг. Подобный вопрос уже задавался [см. Плотникова, 2016], но, по-видимому, так и остался без ответа.

В-четвертых, отмечается несоразмерность средней величины абзаца в разных разделах книги. Так, в главе «Историческая динамика политической метафорики» на одной странице в некоторых местах нет разбивки на абзацы, что затрудняет восприятие информации и ретуширует главное.

В-пятых, требуется повсеместно исправить имя часто цитируемой авторами монографии «Х. де Ландтсхеер» на «К. де Ландтшир», члена Международного редакционного совета журнала «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология». Полное имя этой бельгийской исследовательницы — Кристл де Ландтшир; по-английски оно пишется “Christl de Landtsheer”.

Учитывая тот факт, что на обложке рецензируемой монографии стоят знаковые для отечественной метафорологии имена, а тираж книги всего 200 экземпляров, не вызывает сомнений, что в скором будущем мы увидим ее переиздание.

Список литературы

1. *Александрова О.В., Стрелец И.Э.* Место и роль дипломатического дискурса в составе современных дискурсивных исследований // Когнитивные исследования языка. 2021. Т. 44. № 1. С. 413–420.
2. *Будаев Э.В.* Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. 330 с.
3. *Мухортов Д.С.* Метафора во внешнеполитическом дискурсе как проявление общности идеологических установок англо-саксонских политиков (на материале выступлений Б. Обамы, Д. Кэмерона, Т. Эбботта и С. Харпера в 2014–2015 гг.) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатерин-

- бург, 27.11.2015) / Гл. ред. А.П. Чудинов, место издания ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» Екатеринбург, 2015. С. 175–182.
4. *Мухортов Д.С., Цзи Сяосяо.* Метафорические кластеры в инаугурационных выступлениях американских президентов: от Дж. Буша-ст. до Дональда Трампа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 3. С. 39–72.
 5. *Плотникова А.М.* Рецензия на монографию О.А. Солоповой «Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13. № 4. С. 78–79.
 6. *Солопова О.А.* Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: Монография. М., 2015. 312 с.
 7. *Стрелец И.Э.* Лингвостилистические особенности коммуникативного поведения Д. Трампа в кризисный период 2020 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2021. № 6. С. 100–114.
 8. *Charteris-Black J.* Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke, 2005. 239 p.
 9. *Landtsheer Ch. de.* Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299–342.
 10. *Landtsheer Ch. de.* Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor // Metaphor and discourse / Ed. by A. Musolff, J. Zinken. L., 2009. P. 59–78.
 11. *Landtsheer Ch. de.* Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis / Ch. de Landtsheer, I. de Vrij // Metaphorical World Politics / F.A. Beer, Ch. de Landtsheer (eds.). East Lansing, 2004. P. 163–189.
 12. *Landtsheer Ch. de.* The Language of Prosperity and Crisis: A Case Study in Political Semantics // Politics and the individual. 1994. Vol. 4 (2). P. 63–85.
 13. *Landtsheer Ch. de.* The Political Rhetoric of a Unified Europe // Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere / Ed. by O. Feldman, Ch. de Landtsheer. Westport; L., 1998. P. 129–145.
 14. *Pleshakova A.* Strike, Accident, Risk, and Counterfactuality: Hidden Meanings of the Post-Soviet Russian News Discourse of the Nineties via Conceptual Blending. In Language and Cognition: An Interdisciplinary Journal of Language and Cognitive Science. 2014. Vol. 6. Issue 3. P. 301–306.
 15. *Turner M.* The Origin of Ideas: Blending, Creativity, and the Human Spark. Oxford, 2014. 300 p.
 16. *Turner M., Fauconnier G.* Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10 (3). P. 183–204.
 17. *Turner M., Fauconnier G.* Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. Berlin; N.Y., 2000. P. 133–145.

Denis Mukhortov, Ilya Strelets

**Chudinov A.P. POLITICHESKAJA METAFOROLOGIJA:
DISKURSIVNYJ POVOROT: MONOGRAFIJA / A.P. Chudinov,
E.V. Budaev, O.A. Solopova. M.: FLINTA, 2020. 234 s.**

MGIMO University

76 Vernadsky Prospekt, Moscow, 119454

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The review discusses the successes of the monograph “Political Metaphorology: A Discursive Turn”. Drawing on numerous examples, the authors A. Chudinov, E. Budaev, and O. Solopova highlight problems of political metaphor studies with a focus on the methodology of diachronic metaphor research. By way of commentary, a desire is expressed to revise some portions of the material included in the book and make some minor corrections.

Key words: book-review; collective monograph; political metaphor studies; political discourse; A. Chudinov; E. Budaev; O. Solopova.

About the authors: *Denis Mukhortov* — PhD in Philology, Associate Professor, English Department 6 of the School of Governance and Politics, MGIMO University, Associate Professor, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dennismoukhortov@mail.ru); *Ilya Strelets* — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sagitil@mail.ru).

References

1. *Aleksandrova O.V., Strelets I.E.* Mesto i rol' diplomaticheskogo diskursa v sostave sovremennyh diskursivnyh issledovanij [Place and role of diplomatic discourse in the framework of contemporary discourse studies] // *Kognitivnye issledovanija jazyka*. 2021. T. 44. № 1, pp. 413–420. (In Russ.)
2. *Budaev E.V.* Sopostavitel'naja politicheskaja metaforologija [Contrastive Political Metaphor Studies]. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2011. 330 p. (In Russ.)
3. *Mukhortov D.S.* Metafora vo vneshnepoliticheskom diskurse kak projavlenie obshhnosti ideologicheskikh ustanovok anglo-saksonskih politikov (na materiale vystuplenij B. Obamy, D. Kjemeronu, T. Jebbotta i S. Harpera v 2014–2015 gg.) [Metaphor in foreign discourse as a manifestation of common ideological beliefs by Anglo-Saxon politicians] // *Politicheskaja lingvistika: problematika, metodologija, aspekty issledovanija i perspektivy razvitiya nauchnogo napravlenija: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27.11.2015) / Gl. red. A.P. Chudinov, mesto izdanija FGBOU VPO “Ural. gos. ped. un-t” Ekaterinburg, 2015, pp. 175–182. (In Russ.)*
4. *Mukhortov D.S., Ji Xiaoxiao* Metaforicheskie klasteri v inauracionnyh vystuplenijah amerikanskih prezidentov: ot Dzh. Busha-st. do Donal'da Trampa

- [Metaphorical Clusters in the Inaugural Speeches of American Presidents: from George W. Bush. to Donald Trump] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija, izdatel'stvo Izd-vo Mosk. un-ta (M.). 2018. № 3, pp. 39–72. (In Russ.)
5. *Plotnikova A.M.* Recenzija na monografiju O.A. Solopovoj “Diahroniches-kaja sopostavitel'naja metaforologija: issledovanie modelej budushhego v politicheskom diskurse” [Review of the monograph by O.A. Solopova “Diachronic comparative metaphorology: a study of models of the future in political discourse”] // Vestnik JuUrGU. Serija “Lingvistika”. 2016. T. 13, № 4, pp. 78–79. (In Russ.)
 6. *Solopova O.A.* Diahroniches-kaja sopostavitel'naja metaforologija: issledovanie modelej budushhego v politicheskom diskurse: monografija [Diachronic comparative metaphorology: a study of models of the future in political discourse]. M.: Flinta: Nauka, 2015. 312 p. (In Russ.)
 7. *Strelets I.E.* Lingvostilisticheskie osobennosti komunikativnogo povedenija D. Trampa v krizisnyj period 2020 g. [Linguostylistic features of D. Trump's communicative behavior during the crisis of 2020] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. № 6. 2021, pp. 100–114. (In Russ.)
 8. *Charteris-Black J.* Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke, 2005. 239 p.
 9. *Landtsheer Ch. de.* Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4), pp. 299–342.
 10. *Landtsheer Ch. de.* Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor // Metaphor and discourse / ed. by A. Musolf, J. Zinken. London: Palgrave, 2009, pp. 59–78.
 11. *Landtsheer Ch. de.* Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis / Ch. de Landtsheer, I. de Vrij // Metaphorical World Politics / F.A. Beer, Ch. de Landtsheer (eds.). East Lansing: Michigan State University Press, 2004, pp. 163–189.
 12. *Landtsheer Ch. de.* The Language of Prosperity and Crisis: A Case Study in Political Semantics // Politics and the individual. 1994. Vol. 4 (2), pp. 63–85.
 13. *Landtsheer Ch. de.* The Political Rhetoric of a Unified Europe // Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere / Ed. by O. Feldman, Ch. de Landtsheer. Westport; London: Praeger, 1998, pp. 129–145.
 14. *Pleshakova A.* Strike, Accident, Risk, and Counterfactuality: Hidden Meanings of the Post-Soviet Russian News Discourse of the Nineties via Conceptual Blending. In Language and Cognition: An Interdisciplinary Journal of Language and Cognitive Science. 2014. Vol. 6. Issue 3, pp. 301–306.
 15. *Turner M.* The Origin of Ideas: Blending, Creativity, and the Human Spark. Oxford: Oxford University Press, 2014. 300 p.
 16. *Turner M., Fauconnier G.* Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10 (3), pp. 183–204.
 17. *Turner M., Fauconnier G.* Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York, 2000, pp. 133–145.

К.Р. Ибрагимова

**Курциус Э.Р. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ЛАТИНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: В 2 т. / Пер., коммент.
Д.С. Колчигина / Под ред. Ф.Б. Успенского.
М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. Т. 1 — 560 с.; т. 2 — 624 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензия посвящена первому изданию фундаментального труда немецкого медиевиста Эрнста Роберта Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» на русском языке в переводе Д.С. Колчигина. В рецензии кратко обозначены основные вехи творческого пути Курциуса, особое внимание уделяется интересу исследователя к романской культуре, из которой произрастают и его занятия латинским Средневековьем. Анализируются ключевые темы творчества Курциуса, представленные в его книге: во-первых, протест против современной Курциусу традиции немецких «истории литературы» и «литературоведения», изучающих культуру в формате отдельных пространственных и временных фрагментов, во-вторых, риторическая традиция и понятие «топос». Автор рецензии рассматривает композицию издания, кратко отмечает основные тезисы предисловия, написанного С.Л. Козловым, и объемных комментариев, подготовленных Д.С. Колчигиным.

Ключевые слова: Эрнст Роберт Курциус; «Европейская литература и латинское Средневековье»; топос; риторика; Д.С. Колчигин; перевод.

Начало 2021 г. ознаменовалось важным событием в российском литературоведении: на русском языке впервые был опубликован фундаментальный труд «Европейская литература и латинское Средневековье» немецкого медиевиста Эрнста Роберта Курциуса в переводе Д.С. Колчигина. Трудно переоценить значение этой книги для исследователей европейской средневековой словесности: уже более полувека, начиная с выхода в свет первого издания «Европейской литературы и латинского Средневековья» (1948), труд Курциуса является одной из «настолярных книг» медиевиста, заставляя обращаться к себе снова и снова. Переведенный на основные европейские языки еще при жизни автора (английский перевод — 1953, испанский перевод — 1955, французский перевод — 1956), в российский обиход он входит

Ибрагимова Карина Рашитовна — аспирант, спец. по УМР кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: agitato72@mail.ru).

только сейчас. Рецензируемое издание, выпущенное Издательским Домом ЯСК под редакцией Ф.Б. Успенского, стало первым изданием *opus magnum* Курциуса на русском языке.

«Европейская литература и латинское Средневековье» представляет собой два объемных тома в твердой обложке, в первый из которых входит предисловие и основная часть труда немецкого ученого, снабженная предисловиями к первому и второму изданию. Текст книги предваряет вступительная статья С.Л. Козлова, знакомящая читателя с основными вехами биографии Курциуса и ключевыми идеями его творчества. Второй же том включает «Экскурсы», а также комментарии переводчика, «Хронологию жизни и творчества Эрнста Роберта Курциуса» и указатели.

Значительная часть предисловия С.Л. Козлова посвящена характеристике непростого творческого пути Э.Р. Курциуса (1886–1956). Он родился в Эльзасе, что стало одним из факторов, определившим круг интересов будущего ученого, главным импульсом для творчества которого была тяга к романской (и глубже — латинской) культуре. Долгое время (с 1913 г. до 1930-х годов) Курциус занимается проблемами современной ему литературы: читает и изучает французских писателей и поэтов начала века, знакомится со Стефаном Георге и на какое-то время входит в его кружок, начинает переписку с Т.С. Элиотом, который также становится объектом его литературного интереса. Тридцатые годы отмечают перелом в духовной жизни Курциуса, на что повлияли как длительные проблемы со здоровьем, так и поездка в Рим зимой 1928–1929 гг., образы которой открыли ученому путь к дальнейшим занятиям. Начиная с этого времени и до самой смерти Курциус посвящает себя исследованиям культуры Античности, ее жизни через века на преимущественно средневековом материале. Именно к этому периоду его творчества относится книга о латинском Средневековье.

Может показаться, что два основных направления исследований Курциуса не пересекаются, однако на самом деле занятия современной литературой и обращение к средневековой и античной словесности были разными гранями размышлений о судьбе европейского духа, его глубинных корнях, кристаллизации основных его форм. Если работы Курциуса о современной ему литературе становятся попытками уловить биение пульса европейской культуры в разрозненных фрагментах, то «Европейская литература и латинское Средневековье» — это проникновение в первоприроду этой культуры через обращение к самому ее фундаменту: «западному канону», латинскому и романскому миру.

Особенно любопытной частью предисловия оказывается подробный анализ социальной среды, выходящем из которой был Курциус, включающий рассуждения о касте «немецких мандаринов» (термин Ф. Рингера), о противостоянии Курциуса социологическим теориям Дюркгейма, Вебера, Шелера, наконец, предлагающий тезис о скрещении академического и эссеистического подходов к литературе в творчестве Курциуса.

Характеристика и анализ основных идей Курциуса представлены также в обширном научном аппарате книги. Комментатор Д.С. Колчигин дает пояснения отдельным терминам и важным фразам, встречающимся в основном тексте книги, приводит рецензии современников Курциуса на

его труд, касается и биографии автора, времени, в которое он жил, таким образом, вписывая «Европейскую литературу и латинское Средневековье» в исторический контекст. Обращает на себя внимание подробный анализ «руководящих принципов», вынесенных в своеобразный эпиграф перед текстом труда, а также предисловия Курциуса ко второму изданию.

Значительная часть комментария, посвященная этому предисловию и первой главе книги, обращена к проблеме протеста Курциуса против изучения национальных литератур. Курциус выступает против современного ему немецкого литературоведения (*Literaturwissenschaft*) и истории литературы (*Literaturgeschichte*), которые занимаются, в его видении, в первую очередь неким «разрезанием» мирового культурного процесса на фрагменты, выделением крупных пространственных и временных массивов литературы, которые при таком подходе оказываются отгороженными друг от друга. Курциус предостерегает от подобного деления, напоминая о том, что «европейская литература — это “смысловая единица”, которая ускользает, если поделить ее на части» ([Курциус, 2021: 90]; далее, цитируя это издание, мы указываем страницы в круглых скобках). В сущности, протест Курциуса направлен против гегельянского литературоведения, берущего за основу историю шествистия духа по неким ступеням его постепенного развития, что предполагает завершение одного культурного периода при вступлении в другой.

Пагубное влияние на изучение литературы оказывает и ориентация литературоведения на искусствоведение — дисциплину, которая, по мнению Курциуса, является, в отличие от литературы, носителем не идей, но образов. Именно искусствоведческая традиция делить культуру на определенные периоды по стилям (романтизм, готика, барокко, импрессионизм), а также вычленять в каждом из периодов определенный «новый» тип человека воспринимается Курциусом как наклеивание ярлыков, вредное для понимания единого процесса культуры.

Объясняя этот тезис Курциуса, комментатор указывает на его сопротивление искусствоведческой системе Вёльфлина, которая с легкой руки последователей была наложена на изучение литературы и сформировала немецкий подход к литературе. Если этот подход Курциус приравнивает к неприемлемому для него национализму, то обращение к романскому для него, напротив, становится актом отстранения от национализма. Немецким «искусствоведческим» литературоведению и истории литературы он противопоставляет филологию, призывает обратиться в первую очередь к текстуальной, риторической составляющей. При этом Курциус не отрицает принципа историзма: при всей нелюбви к критикуемой им истории литературы, он также предлагает исторический подход, который строится на прослеживании преемственности основополагающих форм и образов, пронесенных через прерывистые линии эпох.

Эти формы и образы Курциус называет топосами, противопоставляя исторической поэтике историческую топологию и тропику. Дать однозначное определение слову «топос» по Курциусу непросто: сам автор в своем тексте ускользает от точных формулировок. Курциусовский топос ведет свое происхождение от юридического термина «топ» — строящийся

по определенным канонам аргумент, риторическое «общее место», однако перерастает исключительно прагматическое использование и переходит в ведение литературы [Махов, 2020: 126]. Таким образом, почвой, на которой произрастает культура, Курциус называет риторику с ее устойчивыми схемами выражения мысли, которые существуют на протяжении многих веков. Однако трудно привести все, что Курциус вкладывает в слово «топос», к общему знаменателю: топос для него — это и устойчивые формулы (топика введения и заключения), и выражения модальности поведения (топос «показной скромности»), и ключевые образы («мальчик и старик»), и локусы («идеальный пейзаж»), и метафоры (связанные с едой, телом, мореплаванием и др.). Подобный разброс форм, к которым относится слово «топос», не случаен: открывая главу «Топика» кратким рассуждением о вводимом им термине, Курциус говорит, что античная риторическая топка «походила на тематический каталог» (169). Это определение подходит и курциусовскому топосу, являющему собой не просто закрепленную в языке формулу, но некое общее направление мысли, проявляющееся в слове. Форма, которую покинул дух, как отмечает Курциус на завершающих страницах своего труда, теряет свое былое значение, поэтому рассматривать следует лишь совокупность оболочки и ее содержания.

Топосы как «тематический каталог» мира европейского духа в самом широком смысле напоминают архетипы Юнга, с которым Курциус был знаком и у которого проходил лечение в начале тридцатых годов. Курциус сам неоднократно указывает на эту связь (197, 224), исследуя истоки возникновения топосов: причиной, по мнению Курциуса, становится не только стремление подражать авторитетам и заимствовать у них те или иные формулировки, но существующие в человеческом сознании образы коллективного бессознательного, которые «суть признаки изменившегося состояния души» (173) в определенный момент человеческой истории. Курциусовские топосы, таким образом, оказываются некими архетипами духовного мира большого тела европейской культуры.

Интерес к форме, а также исторический подход отражается не только в высказываемых Курциусом идеях, но и в самом строении его труда. Начиная с эпиграфа, в который вынесены «руководящие принципы» книги и общих рассуждений (которые сосредоточены в двух первых главах — «Европейская литература» и «Латинское Средневековье», являющих собой идейную программу исследователя), Курциус последовательно продвигается от общего к частному, по его собственному выражению — «по витку спирали» (440). Спиралевидное движение мысли проявляется в том, как основные точки напряжения культуры, выделенные Курциусом в первых главах его труда, актуализируются в частях, посвященных разбору конкретного средневекового материала (так, рассуждение о риторике становится фундаментом, на котором затем строятся многие выводы автора). С седьмой главы исследователь начинает предвдвигать каждую главу кратким вступлением, как бы суммируя все вышеизложенное и перекидывая от него мост к новому фрагменту. Таким образом, книга Курциуса становится неким постоянно пополняющимся резервуаром знания, который, даже переполняясь и выходя за пределы определенной для него автором нормы (значительная

часть книги, размещенная уже после «Эпилога», состоит из пятнадцати «Экскурсов», разрабатывающих те же идеи, что и в основном тексте труда), сохраняет единообразие мысли. Читатель, обращаясь к «Европейской литературе и латинскому Средневековью», двигается по «растрескавшейся римской дороге из античного мира в современный» (95).

Очень точен поэтому тезис Д.С. Колчигина о том, что сама книга Курциуса следует риторическому канону и воспроизводит топосы, которые в ней выделяются. Комментатор приводит несколько примеров «задействования почти всех ключевых формул, выделенных Курциусом в рамках вводной и заключительной топики» (382–383) от «показной скромности» до «я создаю нечто новое». Это чрезвычайно точное наблюдение, которое доказывается текстом и подчеркивает главную идею Курциуса — произрастание европейской культуры из риторических форм. Думается, что Курциус осознанно дает повод к сравнению античных и средневековых топосов с его собственным языком: не случайно во фрагменте восьмой главы, где повествуется о топосе невыразимости, объяснение сущности этого топоса («уверение читателя в том, что автор упоминает лишь немного, <...> что ему есть сказать на эту тему» (268)) стоит в опасной близости от заявления Курциуса, что о «топике персонального прославления <...> можно написать целую книгу» [там же]. Курциус дает себя «поймать», и внимательному комментатору удается это сделать.

Наконец, неоднократно комментатор реагирует на важные для Курциуса упоминания современного ему литературного процесса (как и упоминания литературных фактов иных эпох, следующих за Средневековьем): «европейская литература» перерастает «латинское Средневековье». Жизнь ключевых топосов продолжается вне средневековой (и даже вне чисто риторической) культуры: их употребление Курциус фиксирует у Кальдерона, Гёте, Гофмансталья. Прошлое и настоящее постоянно взаимодействуют, а литература помещается в сферу вневременного, где действуют единые законы.

Одним из таких законов Курциус называет продолжающееся на протяжении всей жизни европейской культуры противостояние классической нормы и художественной манеры. Начинающееся еще в античные времена как противопоставление азианизма и аттицизма, эта бинарная оппозиция продолжает быть актуальной в средние века, а затем обретает новую форму в «споре древних и новых», когда ставится сам вопрос о том, что считать классикой. Для Курциуса же этот вопрос не существует: классика для него — это некая вневременная норма, простой, прозрачный стиль, которому противостоит стиль пышно украшенный, наполненный не «нормальными, но аномальными выражениями» (414). Именно противостояние нормы и манеры, этих равнин и холмов культуры, по Курциусу, порождает оппозицию классики и романтики. Термин же «барокко» исследователь вовсе отвергает, замещая его словом «маньеризм» (в сущности, равным уже упоминавшейся «художественной манере»: в тексте книги эти выражения взаимозаменяемы), извлеченным, как ни странно в случае Курциуса, из искусствоведческого лексикона. Так или иначе, эта идея лишь подчеркивает концепцию Курциуса о едином потоке культуры, складывающемся из двух борющихся друг с другом течений.

Думается, что все сказанное выше отчасти объясняет, какую титаническую работу проделал автор «Европейской литературы и латинского Средневековья» при подготовке этой книги, а также дает возможность вообразить себе, насколько непростой задачей является перевод подобного фундаментального труда, к слову сказать, безукоризненно выполненный. В качестве несомненного достоинства перевода следует выделить то, что все цитаты на древних и новых языках, приведенные в книге Курциуса, были переведены с оригинала. Подобная же тщательная работа была проделана переводчиком и по отношению к цитатам, уже вошедшим в русскоязычный обиход в неточном переводе. Одним из примеров может стать цитата из «Пролегомен ко всякой будущей метафизике» Канта, используемая Курциусом в тринадцатой главе, переведенная Д.С. Колчигиным как «плодотворный бафос опыта». Слово «бафос» в переводах сочинения Канта на русский язык (В. Соловьев, М. Иткин) обычно утрачивается, однако новый перевод книги Курциуса возвращает его читателям.

Настоящее издание «Европейской литературы и латинского Средневековья» можно считать первопроходцем еще в одном отношении. Оно открывает собой серию “*Studia mediaevalia*”, в которой, по словам ее составителя О.С. Воскобойникова, в ближайшее время ожидаются издания трудов Эрика Ауэрбаха, Вальтера Бершина и Лео Шпитцера. Это внушает надежду на дальнейшее расширение российского канона медиевистических исследований, в котором на сегодняшний день стало на один значимый труд больше.

Список литературы

1. *Курциус Э.Р.* Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. / Пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М., 2021.
2. *Махов А.Е.* От национальных “*Literaturgeschichten*” к «науке о европейской литературе»: эпизод из истории немецкой филологии. Ч. 3: Наука о европейской литературе // Литературоведческий журнал. 2020. № 48. С. 119–143.

Karina Ibragimova

**C u r t i u s E. R. EUROPEAN LITERATURE
AND THE LATIN MIDDLE AGES. In 2 Vol.**

**Translation and commentaries by D.S. Kolchigin. Ed. by. F.B. Uspensky.
M.: ID JASK, 2021. Vol. 1 — 560 c.; vol. 2 — 624 c.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The review focuses on the first edition of Ernst Robert Curtius’s fundamental work “European Literature and the Latin Middle Ages” translated into Russian by

Dmitry Kolchigin. The review briefly outlines the milestones of Curtius's career as a scholar. Special attention is paid to the researcher's interest in the Romanesque culture, which was the fundament for his future studies in the Latin Middle Ages. The review gives an analysis of the main themes presented in Curtius's book. One of these themes is Curtius's protest against the German tradition of "history of literature" and "literary criticism", which studied culture in the format of separate spatial and temporal fragments. The second one focuses on the rhetorical tradition and the term "topos". The review examines the composition of the publication, briefly notes the main theses of the preface by S.L. Kozlov and voluminous comments by D.S. Kolchigin.

Key words: Ernst Robert Curtius; "European Literature and the Latin Middle Ages"; topos; rhetoric; Dmitry Kolchigin; translation.

About the author: *Karina Ibragimova* — PhD Student, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of History of Foreign Literatures (e-mail: agitato72@mail.ru).

References

1. Kurcius Je.R. *Evropejskaja literatura i latinskoe Srednevekov'e*. V 2 T. [European Literature and the Latin Middle Ages. In two volumes]. Translation and commentaries by D.S. Kolchigin. Ed. by. F.B. Uspensky. M.: *Izdatel'skij Dom JASK*, 2021. (In Russ.)
2. *Mahov A.E. Ot nacional'nyh "Literaturgeschichten" k "nauke o evropejskoj literature": jepizod iz istorii nemeckoj filologii. Ch. 3: "Nauka o evropejskoj literature"* [From the national "Literaturgeschichten" to the study of European literature: an episode from the history of German philology. Part 3: The study of European literature]. *Literaturovedcheskij zhurnal*. № 48. 2020, pp. 119–143. (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.И. Солопов

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ — XIII. НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 265-летию МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В Международной научной конференции «Классическая филология в контексте мировой культуры — XIII. Научные чтения, посвященные 265-летию Московского университета», проведенной на филологическом факультете МГУ 11–12 декабря 2020 г., приняли участие более 20 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Ярославля, Сергиева Посада и Рима. Рабочими языками конференции были латинский и русский. На конференции были затронуты различные аспекты исторической грамматики латинского и древнегреческого языков, вопросы лексикологии и семантики древних языков и античной топонимики, проблемы интерпретации текстов и истории античной литературы. Отдельное внимание было уделено новолатинским штудиям и традиции преподавания древнегреческого языка в Новое время, вопросам рецепции античной литературы, средневековой латинской литературе, истории богословской мысли.

Ключевые слова: классическая филология; научная конференция; история античной литературы; древние языки.

11–12 декабря 2020 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XIII», приуроченная к 265-летию Московского университета. В конференции приняли участие более 20 исследователей из различных вузов и научно-исследовательских учреждений Москвы (МГУ, СПбГУ, ПСТГУ, МГПУ, РАНХиГС, УДП), Центра документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области, Московской Духовной Академии (г. Сергиев Посад), а также из Папского Лютеранского университета (Рим). Конференция объединила

Солопов Алексей Иванович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: scatebr@mail.ru).

специалистов по классической филологии, романской филологии, богословию, истории русской литературы, языкознанию, каноническому праву. Конференция была проведена в режиме интернет-конференции.

Конференцию открыл заведующий кафедрой классической филологии МГУ, профессор А.И. Солопов, выступивший с приветственным словом к ее участникам.

Часть выступлений была посвящена традиционным вопросам интерпретации текстов античных авторов.

В докладе *А.Е. Беликова* (МГУ) “*Ora sono discordia*” был предложен анализ стихов Verg. Aen. II, 422–423. Традиционное отнесение существительного *sono* к прилагательному *discordia* было подвергнуто критике. Было предложено отнести *sono* к глаголу *signant*. Это понимание более естественно с точки зрения как языкового узуса, так и узуса Вергилия и, кроме того, хорошо вписывается в контекст событий и не нарушает конвенций эпоса.

Доклад *Э.В. Янзиной* (МГУ) и *О.В. Корнеева* (МГПУ) “*De vocabulis palaestrictis ad pancratium pertinentibus*” был посвящён рассмотрению практики и терминологии панкратиона. После краткого экскурса в историю этой атлетической дисциплины в докладе была представлена реконструкция правил, технической и терминологической стороны рассматриваемого вида состязаний.

В ряде докладов рассматривалась семантика, морфология и этимология отдельных лексем; специальное внимание было уделено греко-римской топонимии.

Доклад *И.Р. Гимадеева* (МГУ) “*Quomodo domicilium et quae ad id pertinent apud Horatium describantur*” посвящен анализу лексики, используемой Горацием для описания устройства римского дома и его внутреннего убранства. Докладчик представил реальный комментарий к некоторым пассажам Горация, вызывающим трудности для понимания.

А.И. Солопов (МГУ) в докладе “*De urbium oppidorumque nominibus, quae a substantiuis alias res significantibus ducta sint, quoque modo in casus inclinentur, adnotatio, exemplo “Trium Tabernarum”*» обратился к вопросу о способах склонения топонимов, образованных от слов, обычно имеющих нетопонимическое значение, типа *Tres Arbores* (Три дерева). В корпусе Цицерона был обнаружен пока только один такой топоним — *Tres Tabernae* (Три гостиницы). Было показано, что для склонения подобных топонимов использовались предлоги: *a* (*ab*) для выражения сепарационного значения и *ad* для выражения локального значения и для обозначения направления.

В выступлении *А.В. Линько* (МГУ) «Античные топонимы Киликийской равнины: принципы именования объектов, закономерности переименований и фонетических изменений» был дан обзор топонимии значительной части территории Малой Азии в диахронии от периода Хеттского царства до конца античности. Рассмотрена типология переименований различных географических объектов.

Четыре доклада касались исторической грамматики латинского и древнегреческого языков.

В докладе *А.М. Белова* (МГУ) “*De duabus infinitivi historici speciebus apud Graecos*” была рассмотрена проблема так называемого динамического

и декларативного инфинитивов в древнегреческом языке в сравнении с латинским и русским языками. Были сформулированы семантические критерии различия между этими инфинитивами в древнегреческом языке: это, во-первых, наличие или отсутствие факта и, во-вторых, различие или неразличие двух разных событий. Были показаны различия в интерпретации этих параметров в синтаксисе трех языков.

Е.В. Антонец (МГУ) в докладе “*De Ciceronis periodo poetica*” рассмотрела особенности структуры периода в поэзии Цицерона. Анализ типов сложных предложений у предшественников и современников Цицерона — Энния, Луцилия, Лукреция и Катутлла — показал, что именно Энний оказал решающее влияние на конструкции периодов в поэзии Цицерона. Были выявлены отличия в структуре поэтического периода у Цицерона и Энния и показано, каким образом Цицерон совершенствует поэтический период.

Доклад *О.Ю. Школьникова* (МГУ) «Латинские наречия времени *iam*, *semper* и др. и их функционально-семантическая дистрибуция в романских языках (на примере французского и итальянского)» был посвящен перераспределению функции выражения абсолютно отрицательного и абсолютно-положительного значения времени между «потомками» латинских наречий *nunquam*, *umquam*, *iam* и *semper* в романских языках, связанному с дистрибуцией контекста. Во французском языке семантические процессы проходят более динамично и радикально, чем в итальянском, в котором более последовательно развиваются латинские значения.

В докладе *А.А. Трофимова* (РАНХиГС) «Подробнее о новых типах рефлексов латинских долгих сонантов» была рассмотрена рефлексация праязыковых долгих сонантов в латинском языке. Наряду с общепринятым рефлексом *Rā*, новая гипотеза, высказанная С.Г. Болотовым, допускает рефлексы *Rī*, *Rē*, *Rō*. Особое внимание в этой связи привлекли слова *flōs* и *glōs*, которые получают при принятии новой реконструкции лучшее объяснение. Сделан вывод, что типы рефлексов *Rī*, *Rē*, *Rō* надежны, но принципы их распределения требуют дальнейшего изучения.

На конференции обсуждались актуальные проблемы преподавания древних языков и использования древних языков в современной коммуникации.

В докладе *А.Г. Следникова* (Ярославль, ЦДНИ ГАЯО) “*De Viuae Latinitatis chrestomathia componenda*” обсуждалось значение дискуссионного термина «живая латынь». Был дан обзор источников и историографии «живой латыни», орфографических особенностей текстов разных школ «живой латыни», затронут ряд дискуссий между видными представителями движения минувших десятилетий.

Т.Г. Давыдов (МГУ) в докладе “*Quomodo aspirationis atque consonantium aspiratarum Graecarum pronuntiatius uarie praeseptus sit*” рассмотрел произношение придыхательных согласных древнегреческого языка в диахроническом аспекте. Был сделан вывод о важности нового восстановленного произношения для наиболее корректного отражения звучания древнегреческой речи.

Вопросы истории античной и средневековой литературы были в центре внимания двух докладов.

В докладе *Т.Ф. Тенерик* (МГУ) «Онейротопика греческой трагедии: Еврипид» рассматривалась поэтика сновидения в древнегреческой трагедии в сопоставлении с эпосом. На основе анализа трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» был сделан вывод о возрастающем психологизме снов у Еврипида. Доклад сопровождался обсуждением трактовки данного сюжета в европейской литературе («Ифигения в Тавриде» Гете).

Е.В. Матерова (ПСТГУ) в докладе «Antiquitatis classicae traditio in Alcuini elegia “Ad cellam team”» на примере элегии Алкуина (IX в.) показала, как традиционные античные топосы — «жалоба изгнанника» и «приятное место» — оказываются переосмыслены христианским поэтом.

На конференции были затронуты проблемы богословской терминологии и истории богословской мысли.

В докладе *А.Ю. Братухина* (ПермГУ) «Александрийская богословская школа как кладезь классической древности» было показано, что Климент Александрийский заимствует в сочинениях классических авторов цитаты, стиль, образы, терминологию, идеи, жанры, исторические факты, а также элементы античной теории языка, которую он излагает ради нее самой, а не для опровержения оппонентов и защиты христианства.

Игумен Дионисий (Шлёнов) (МДА, Сергиев Посад) в своем выступлении «Термин “светолитие” (φωτοχυσία) в Ареопагитиках и у свт. Григория Паламы» рассмотрел рецепцию сложных световых терминов в поздневизантийском богословии. Основное внимание уделяется термину «светолитие» (φωτοχυσία), который обозначает Божественный умопостигаемый свет. Были выделены все основные значения термина «светолитие» в греческой литературе VI–XIV вв.

В ряде выступлений нашли отражение вопросы рецепции античной литературы.

В докладе *Д.П. Ивинского* (МГУ) «Пушкин и “немецкий Гораций”: к постановке вопроса о русской рецепции поэзии К.В. Рамлера» был предложен обзор материалов, касающихся известности Рамлера в русской литературной среде 1790–1820-х годов. Анализ «рамлеровского» фрагмента «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина позволил докладчику включить в «литературный фон» романа «Евгений Онегин» оду Рамлера «Желание зимы», а вместе с тем связать «пушкинскую» формулу «механизм стихов» с обширным кругом ее европейских источников (в том числе с Мармонтелем, Лагарпом и «Энциклопедией» Дидро и Даламбера).

В докладе *А.И. Любжина* (УДП) «Дидона в “Россиаде” Хераскова: Вергилий или Силий Италик?» был рассмотрен вопрос об источнике образа Дидоны у Хераскова. Во «Взгляде на эпические поэмы» (одном из предисловий к «Россиаде») М.М. Херасков не упоминает Силия Италика, но такая эксклюзивная параллель, как царство Зимы в горах (Альпийских у Силия Италика, Кавказских у Хераскова), делает знакомство русского поэта с латинским более чем вероятным. В связи с этим возникает вопрос, ориентируется ли на Силия сравнение Сумбеки с Дидоной в «Россиаде». Некоторые аспекты позволяют говорить о возможности такого влияния.

Доклад *В.В. Зельченко* (СПбГУ) «Ни Ксанф, ни Биант: об одном стихотворении В.К. Шилейко» был посвящен стихотворению В.К. Шилейко

«Смушенно думаю о нем...» (1914 г.). Активно изучавшееся комментаторами, стихотворение, однако, осталось непроясненным. В докладе показано, что смысл стихотворения — в уподоблении поэзии Еврипида коринфской колоннаде. Сопоставление с восьмистишием «Софокл» позволяет говорить о цикле и более того — постулировать еще одну его часть, посвященную Эсхилу, которая была задумана Шилейко, но, скорее всего, осталось не-написанной.

О. М. Савельева (МГУ) в докладе «Наблюдения философа о гомеровском эпосе» показала, как В.С. Соловьев в трактате «Оправдание добра» обращается к греческому эпосу, на примере Одиссея дает психологический портрет античного героя, и приходит к философско-этическому выводу, что «субъективная нравственность» Одиссея остается его личным свойством, но она не поддерживается другими людьми, так как не закрепляется древним обществом как его социально-нравственная норма.

Теме, малоизученной в отечественной науке, — истории канонического права Римско-Католической Церкви — был посвящен доклад *Мауро Агосто* (Папский Латеранский университет, Рим) “*De litteris ad historiam iuris canonici pertinentibus*”, в котором был представлен очерк истории канонического права от античности до нашего времени.

Конференция собрала широкую аудиторию слушателей: студентов, аспирантов и преподавателей из различных вузов Москвы и Санкт-Петербурга (МГУ, СПбГУ, ПСТГУ, РАНХиГС, НИУ ВШЭ, МГПУ, МДА, УДП, РГГУ), а также из других городов нашей страны (Перми, Ярославля, Оренбурга, Петрозаводска, Барнаула). Подробный фотоотчет о конференции и видеозапись можно найти на сайте кафедры классической филологии МГУ.

Alexei Solopov

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
‘CLASSICS IN THE CONTEXT OF THE WORLD
CULTURE — XIII. READINGS TO MARK THE 265th
ANNIVERSARY OF THE FOUNDATION
OF MOSCOW UNIVERSITY’**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The International Conference ‘Classics in the context of the world culture — XIII. Readings dedicated to the 265th anniversary of the foundation of Moscow University’, alternatively ‘*De utriusque linguae grammatica et quatenus illa cum omnium gentium litteris artibusque coniuncta sit. Conuentus XIII ad annum CCLXV ab Academia Moscoviensi condita celebrandum institutus*’, held at Moscow University Philology Faculty on December 11–12, 2020, gathered more than 20 scholars from Moscow, Saint Petersburg, Perm, Yaroslavl, Sergiev Posad, and Rome

to discuss historical grammar of Greek and Latin, problems of lexicology and semantics of Classical languages, classical toponymy, interpretation of texts of classical authors, and history of Classical literature, Neo-Latin studies, reception of Classical literature, and history of theological thought. Working languages of the conference were Latin and Russian. All the materials of the conference were broadly circulated and are now accessible via internet.

Key words: classics; classical scholarship; conference; classical literature; Latin language; Ancient Greek language.

About the author: *Alexei Solopov* — Prof. Dr., Head of the Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: scatebr@mail.ru).

ЮБИЛЕИ

И.В. Матыцина, Е.Л. Жильцова

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ЧЕКАЛИНА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Заметка посвящена 75-летию юбилею заслуженного профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктора филологических наук Елены Михайловны Чекалиной.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова; шведский язык; юбилей, Е.М. Чекалина.

Праздник Midsommar приходится у шведов на июнь и отмечается в первые выходные после дня летнего солнцестояния. Календарь вступает в противоречие с внутренней формой слова, нашедшей отражение в русском названии этой традиции: «Праздник середины лета». Но есть событие, которое действительно попадает на середину лета и имеет самое непосредственное отношение к Швеции или, по крайней мере, к преподаванию шведского языка в МГУ. 19 июля день рождения Елены Михайловны Чекалиной, которая возглавляет шведскую специализацию и уже более двадцати лет руководит кафедрой германской и кельтской филологии. В этом году Елена Михайловна отмечает свой юбилей. Сотрудники кафедры поздравляют ее с этим знаменательным днем и хотят выразить ей свое уважение и признательность за чуткое руководство, заботу и внимание к интересам нашего коллектива и каждого из нас в отдельности.

С кафедрой германской и кельтской филологии (ранее называвшейся кафедрой германской филологии/языкознания) связана вся жизнь Елены Михайловны Чекалиной. На этой кафедре она изучала шведский язык, здесь закончила аспирантуру, здесь работает с 1972 г., пройдя путь от младшего научного сотрудника до профессора. В том же 1972 г. Е.М. Чекалина защитила кандидатскую, а в 1993 г. — докторскую диссертацию на тему «Система форм и грамматические категории шведского глагола». С 2012 г. Елена Михайловна носит Почетное звание «Заслуженный профессор Московского университета».

Жильцова Елена Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: el-zhilc@yandex.ru).

Матыцина Ирина Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: imatits@gmail.com).

Центральной сферой научных интересов Елены Михайловны является грамматика скандинавских языков, однако наряду с этим она много и плодотворно занимается стилистикой, фонетикой и историей шведского языка, сопоставительной типологией скандинавских и русского языков, лексикографией, теорией перевода. Среди ее наиболее значимых работ — первая в отечественной скандинавистике «Грамматика шведского языка» на шведском языке (М., 1984), которую до сих пор используют преподаватели не только МГУ, но и других университетов на занятиях по теоретической грамматике шведского языка. Е.М. Чекалина — автор первой в России «Хрестоматии по истории шведского языка» (М., 2004). Ее перу принадлежат также учебные пособия «Шведский язык. Справочник по грамматике» (М., 2009, Чекалина, Жильцова) и «Шведский язык. Справочник по глаголам» (М., 2009), а также сборник статей «Семантические аспекты шведской грамматики» (LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, Deutschland, 2017) и «Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ» (М., 2017). В составе большого авторского коллектива Елена Михайловна участвовала в работе над созданием «Русского словаря издательства “Норстедтс”» (Стокгольм, 2006).

Елена Михайловна — внимательный, добросовестный и бескомпромиссный ученый, человек кристальной исследовательской честности, которую она неустанно прививает своим ученикам. Она подготовила девять кандидатов наук, среди которых специалисты не только по шведскому, но и по норвежскому, и датскому языкам. Елена Михайловна постоянно расширяет круг своих научных интересов, старается быть в курсе новейших исследований в области преподавания и изучения скандинавских языков и щедро делится своими знаниями со студентами и коллегами.

Дорогая Елена Михайловна, коллектив кафедры германской и кельтской филологии поздравляет Вас с юбилеем и желает Вам здоровья, удовлетворенности результатами своего труда, новых научных открытий и радости общения с единомышленниками.

Список литературы

1. *Чекалина Е.М.* Грамматика шведского языка (на шведском языке). М., 1984. 105 с.
2. *Чекалина Е.М.* Хрестоматия по истории шведского языка: тексты, комментарии, этимологический словарь. М., 2004. 350 с.
3. *Чекалина Е.М., Жильцова Е.Л.* и др. Русский словарь издательства «Норстедтс». Русско-шведский. Шведско-русский. 141 000 слов и словосочетаний. Издание первое, выпуск первый. Стокгольм: Norstedts Akademiska Förlag, 2006. 928 с.
4. *Чекалина Е.М., Жильцова Е.Л.* Шведский язык: Справочник по грамматике. М., 2009.
5. *Чекалина Е.М.* Шведский язык: Справочник по глаголам. М., 2009.
6. *Чекалина Е.М.* Семантические аспекты шведской грамматики. Саарбрюккен, 2015. 250 с.

7. *Чекалина Е.М.* Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. М., 2017. 203 с.

Elena Zhiltsova, Irina Matytsina

ELENA TCHEKALINA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 199991*

The paper is devoted to the 80th anniversary of Elena Tchekalina, Professor of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Key words: Lomonosov Moscow State University; Swedish studies; Elena Tchekalina; anniversary.

About the authors: *Irina Matytsina* — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: imatits@gmail.com); *Elena Zhiltsova* — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: el-zhilc@yandex.ru).

References

1. *Tchekalina E.M.* Grammatika shvedskogo yazyka (na shvedskom yazyke). Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984, 105 с.
2. *Tchekalina E.M.* Khrestomatiya po istorii shvedskogo yazyka: teksty, komentarii, etimologicheskiy slovar'. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004, 350 с.
3. *Tchekalina E.M., Zhiltsova E.L. a.o.* Russkiy slovar' izdatel'stva "Norstedts". Russko-shvedskiy. Shvedsko-russkiy. 141.000 slov i slovosochetaniy. Izdaniye pervoye, vypusk pervyy. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag. 2006, 928 с.
4. *Tchekalina E.M., Zhiltsova E.L.* Shvedskiy yazyk. Spravochnik po grammatike. Moskva: Zhivoy yazyk, 2009.
5. *Tchekalina E.M.* Shvedskiy yazyk. Spravochnik po glagolam, Moskva: Zhivoy yazyk, 2009.
6. *Tchekalina E.M.* Semanticheskiye aspekty shvedskoy grammatiki. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing Deutschland, 2015, 250 с.
7. *Tchekalina E.M.* Semanticheskiye aspekty shvedskoy grammatiki: sistemno-funktional'nyy i sopostavitel'no-tipologicheskiy analiz. Moskva: MAKS Press, 2017, 203 с.

ПАМЯТИ...

А.В. Архипов, О.В. Федорова

ОЛЬГА ФЕДОРОВНА КРИВНОВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Ушла из жизни Ольга Федоровна Кривнова (12.01.1943–29.04.2021), ведущий научный сотрудник филологического факультета, заслуженный научный сотрудник Московского университета, вся научная и педагогическая жизнь которой была связана с кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Ольга Федоровна была выдающимся ученым, специалистом в области общей и экспериментальной фонетики, и не менее выдающимся преподавателем и научным руководителем.

Ключевые слова: фонетика; фонология; акустика; просодия; автоматический синтез речи; речевые корпуса.

29 апреля 2021 г. ушла из жизни Ольга Федоровна Кривнова (Крутикова), ведущий научный сотрудник филологического факультета, заслуженный научный сотрудник Московского университета, вся научная жизнь которой была неразрывно связана с кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филфака МГУ.

Ольга Федоровна была одной из первых выпускниц созданного на филфаке МГУ отделения теоретической (структурной) и прикладной лингвистики (ОТиПЛ/ОСиПЛ). В 1965 г. она с отличием окончила ОСиПЛ, защитив диплом по теме «К вопросу об информативности интервала ООТ в пределах слова» под руководством доцента Ю.М. Отряшенкова.

Продолжив обучение в аспирантуре кафедры СиПЛ, Ольга Федоровна в 1969 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые особенности интонационной системы русского языка (на основе экспериментального исследования)» под руководством известного фонолога, одного из основоположников Московской фонологической школы профессора Петра Саввича Кузнецова.

Архипов Александр Владимирович — зав. отделом лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; научный сотрудник Гамбургского университета (e-mail: sarkipo@mail.ru).

Федорова Ольга Викторовна — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olga.fedorova@msu.ru).

Вся последующая научная деятельность Ольги Федоровны была связана с различными областями теоретической и прикладной фонетики. Особое место среди ее интересов занимало ритмико-интонационное членение речи в его тесной связи с процессами порождения и восприятия речи, т.е. в рамках единой динамической модели фонетической системы. В ряде ее работ исследовались ритмическая и интонационно-паузальная структура высказывания, речевое дыхание, их связь с синтаксической структурой текста. В 2007 г. Ольга Федоровна защитила докторскую диссертацию на тему «Ритмизация и интонационное членение текста в “процессе речи-мысли” (опыт теоретико-экспериментального исследования)»; см. (Кривнова, 2011). В последние несколько лет исследования в этой области получили продолжение в коллективном проекте под ее руководством «Иерархия просодического членения звучащей речи: контролирующие факторы и средства реализации» (2015–2017) (Кривнова, 2017); кроме того, Ольга Федоровна участвовала в проектах под руководством Т.В. Скулачёвой (ИРЯ РАН), связанных с изучением просодических свойств стиха и различий между стихотворным и прозаическим текстом.

Другой важнейшей областью интересов Ольги Федоровны было применение теоретических знаний об устройстве фонетического компонента к созданию практических систем автоматической обработки звучащей речи — автоматическому синтезу речи, распознаванию слитной устной речи, а также разработке необходимого для них обеспечения — алгоритмов автоматического транскрибирования, произносительных словарей, фонетических баз данных и речевых корпусов. «Речевой группой», созданной в начале 1990-х годов при кафедре ТиПЛ под руководством О.Ф. Кривновой и Н.В. Зиновьевой, было разработано две системы автоматического синтеза, в которых использовался первый компьютерно реализованный транскриптор русской речи и просодические правила для реализации интонации (Кривнова, 1997): АГАФОН (мужской голос) и АГАФЬЯ (женский голос). В составе группы Ольга Федоровна также принимала участие в разработке нескольких акустико-фонетических баз данных для русского языка и американского варианта английского языка, затем в проектах С.В. Кодзасова по созданию речевых корпусов «Интонация русского диалога» и «Интонация информационных и повествовательных текстов на русском языке».

Нельзя не отметить важную роль Ольги Федоровны в ознакомлении отечественных лингвистов с достижениями зарубежной науки. Здесь необходимо прежде всего упомянуть книгу (Кодзасов, Кривнова, 1981), открывшую читателю целый спектр фонологических идей и теорий, пришедших на смену классической фонологии Трубецкого. В то же время и собственные работы Ольги Федоровны составляют неотъемлемую часть фундаментальной базы не только общей фонетики, но и таких активно развивающихся направлений, как судебное речеведение и криминалистическая фонетика. Будучи постоянным участником Всесоюзной школы-семинара «Автоматическое распознавание слуховых образов» (АРСО), сессий Рос-

сийского акустического общества (РАО), Международной конференции Диалог («Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»), членом редколлегии научно-технического журнала «Речевые технологии», она оказала немалое влияние на становление прикладных фонетических разработок в нашей стране и за ее пределами.

Не менее важной была и педагогическая составляющая ее работы. Нескольким поколениям лингвистов, учившихся на отделении, Ольга Федоровна открывала мир фонетики — сперва совместно с А.К. Поливановой, затем с С.В. Кодзасовым. Курс общей фонетики был первым из основополагающих лингвистических дисциплин в учебном плане ОСиПЛа/ОТиПЛа, и его надолго запоминали даже те, кто впоследствии связывал свою научную жизнь с далёкими от фонетики областями. Десятки лет спустя после первого курса многие выпускники помнят вычерченные артикуляционные профили и разгаданные спектрограммы неизвестных слов. Многолетний опыт преподавания был обобщён О.Ф. Кривновой и С.В. Кодзасовым в фундаментальном учебнике «Общая фонетика» (Кодзасов, Кривнова, 2001), ставшем незаменимым пособием для российских университетов, в которых преподается фундаментальная лингвистика. На протяжении многих лет она также вела курсы по автоматической обработке звучащей речи и речевым технологиям (при неизменном участии Л.М. Захарова).

Ольга Федоровна пользовалась заслуженным авторитетом в научной среде, и к ней всегда обращались за советом, будь то вопросы акустического анализа гласных или технологий синтеза речи, фonoскопической экспертизы или ритмики стихотворного текста. Она была в высшей степени требовательна к себе, самокритична и внимательна к деталям, что задавало высокую планку и для ее подопечных. Ольга Федоровна отличалась необыкновенной четкостью мышления и как никто другой умела передать ее своим воспитанникам. Вместе с тем сквозь внешнюю абсолютно рациональную оболочку зримо ощущалась ее внутренняя мягкость и нежность. Она всегда была настроена доброжелательно и уважительно к собеседнику, поддерживала теплые отношения с коллегами, многие из которых были и ее учениками.

Коллектив кафедры выражает глубокие соболезнования родным и близким Ольги Федоровны.

Список литературы

1. *Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Современная американская фонология. М.: Издательство Московского университета, 1981. 192 с.
2. *Кривнова О.Ф.* Моделирование и синтез фразовой интонации на основе особых точек тонального контура // Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог'97». М., 1997.

3. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М.: Издательство РГГУ, 2001. 592 с.
4. Кривнова О.Ф. Интонационно-паузальное членение речи в контексте модели речепорождения // Язык и речевая деятельность. 2011. Т. 10. С. 95–105.
5. Кривнова О.Ф. Фонетические характеристики дыхательных пауз с разной текстовой локализацией // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Т. 2. М.: Изд-во РГГУ, 2017. С. 207–220.

Alexandre Arkhipov, Olga Fedorova

OLGA KRIVNOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Olga F. Krivnova (12.01.1943–29.04.2021), leading researcher at the philological faculty of Lomonosov Moscow State University, passed away on April 29, 2021. All her scientific and teaching career is tightly connected to the department of Theoretical and applied linguistics. She was an eminent scholar, specializing in general and experimental phonetics, and an extraordinary teacher and supervisor.

Key words: phonetics; phonology; acoustics; prosody; text-to-speech systems; speech corpora.

About the authors: *Alexandre Arkhipov* — Head of the Department of linguistic and cultural ecology, Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow at Universität Hamburg (e-mail: sarkipo@mail.ru); *Olga Fedorova* — Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University (e-mail: olga.fedorova@msu.ru).

References

1. Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *Sovremennaya amerikanskaya fonologiya* [Modern American Phonology]. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 1981. 192 p. (In Russ.)
2. Krivnova O.F. Modelirovanie i sintez frazovoj intonacii na osnove osobyh toчек tonal'nogo kontura [Modeling and synthesis of phrasal intonation based on special points of the tonal contour]. In: *Trudy Mezhdunarodnogo seminara po komp'yuternoj lingvistike i ee prilozheniyam "Dialog'97"*. Moscow, 1997. (In Russ.)

3. Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, *Izdatel'stvo RGGU*, 2001. 592 p. (In Russ.)
4. Krivnova O.F. Intonacionno-pauzal'noe chlenenie rechi v kontekste modeli recheperozhdeniya [Intonation-pausal segmentation of speech in the context of the speech production model]. In: *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'*. Vol. 10. 2011. P. 95–105. (In Russ.)
5. Krivnova O.F. Foneticheskie harakteristiki dyhatel'nyh pazv s raznoj tekstovoj lokalizaciej [Phonetic characteristics of respiratory pauses with different textual localization]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Vol. 2. Moscow: *Izd-vo RGGU*, 2017. P. 207–220. (In Russ.)

Н.И. Миронова, О.Е. Фролова

СТАНИСЛАВ АНТОНОВИЧ КРЕЙЧИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Ушел из жизни Станислав Антонович Крейчи (29.11.1936—04.05.2021), научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, увлеченный исследователь, специалист по акустике, фонетист, композитор. Он внес заметный вклад в работу лаборатории по анализу и синтезу речи, по разработке методов опознавания и идентификации говорящего по речи, по созданию Мультиязыковой многоаспектной фонетической базы данных.

Ключевые слова: анализ речи; синтез речи; опознавание говорящего по речи; идентификация говорящего по речи; фонетическая база данных.

С.А. Крейчи окончил Электротехнический институт связи в Москве по специальности «Радиовещание» в 1966 г., а в лабораторию экспериментальной фонетики, которой руководила Л.В. Златоустова, пришел в 1972 г.

Тогда, в докомпьютерную эру, именно он обеспечивал бесперебойное функционирование разнообразной аппаратуры, необходимой в то время для фонетических исследований, которые сделали лабораторию одним из ведущих центров изучения звучащей речи.

Основная тематика его собственных научных исследований — анализ и синтез речи; он участвовал в разработке устройства вокодерной (от англ. «Voice coder») связи. Станислав Антонович занимался проблемами опознавания и идентификации говорящего по речи.

Он участвовал в создании Мультиязыковой многоаспектной фонетической базы данных, на которую группа исследователей (Г.Е. Кедрова, С.Б. Потемкин, С.А. Крейчи, О.Е. Фролова) в 2018 г. получила патент. Ему удалось принимать участие в изучении коммуникации дельфинов.

Станислав Антонович был талантливым композитором, он создавал электронную музыку, используя синтезатор «АНС», много работал в театре, кино, на телевидении.

Миронова Наталья Изяславовна — старший научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук (e-mail: mironnat@rambler.ru).

Фролова Ольга Евгеньевна — зав. лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук (e-mail: olga_frolova@list.ru).

В числе его наград Малая золотая медаль ВДНХ (1966); Юбилейный нагрудный знак «250 лет МГУ им. М.В. Ломоносова» (2004). В 1997 г. ему было присвоено звание заслуженного научного сотрудника Московского университета.

Профессионал высокого класса, интеллигентный, скромный и доброжелательный человек, он навсегда останется в нашей памяти.

Nataliya Mironova, Olga Frolova

STANISLAV KREYCHI

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This is an obituary for Stanislav Kreychi, researcher at the Laboratory of Phonetics and Speech Communication at Moscow University's Faculty of Philology, a keen investigator, acoustics specialist, phonetician, composer. He made a significant contribution to the work of the laboratory.

Key words: speech analysis; speech synthesis; speaker recognition by speech; speaker identification by speech; phonetic database.

About the authors: *Nataliya Mironova* — Prof. Dr., Senior Researcher of the Laboratory of Phonetics and Speech Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mironnat@rambler.ru); *Olga Frolova* — Prof. Dr., Head of the Laboratory of Phonetics and Speech Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: olga_frolova@list.ru).

К.Г. Красухин, Л.А. Чиждова

ВАРТАН КАЗАРОВИЧ КАЗАРЯН

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт языкознания Российской академии наук»
125009, Москва, Б. Кисловский пер., д.1, стр. 1*

Статья посвящена Вартану Казаряну (1958–2021), кандидату филологических наук, доценту кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, его научно-педагогической деятельности. Основные его научные работы касаются истории индоевропейских языков, исторической грамматики армянского языка, развития индоевропейской аспектно-временной системы, индо-хеттской гипотезы.

Ключевые слова: история индоевропейских языков; индо-хеттская гипотеза; индоевропейская аспектно-временная система; историческая грамматика армянского языка.

19 мая 2021 г. на 63 году жизни скоропостижно скончался доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ Вартан Казарович Казарян. Он получил высшее образование в Ереванском государственном университете, который окончил в 1987 г. по специальности «филология», а в 1989 г. поступил в аспирантуру филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1995 г. под руководством проф. О.С. Широкова защитил кандидатскую диссертацию на тему «Преобразование индоевропейских глагольных основ в армянском и индоиранских языках».

Вся жизнь В.К. Казаряна на кафедре была посвящена развитию традиций исследований в сфере индоевропеистики, подготовке специалистов из числа студентов-филологов: была организована и успешно развивалось обучение в магистратуре по индоевропеистике, Вартан Казарович формировал навыки исследовательской работы с такими древними и живыми языками, как

Красухин Константин Г. — доктор филологических наук, профессор, Российская академия наук, зав. секцией сравнительного языкознания, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: krasukhin@iling-ran.ru); *Чиждова Лариса А.* — кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и сравнительно-исторической лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lachizhov@yandex.ru).

хеттский, древнеперсидский и современный персидский, древнеармянский и современный армянский. Благодаря его самоотверженному труду кафедра каждые два года проводила международную конференцию по компаративистике. Глубокие знания, преданность науке, доброжелательность, пунктуальность неизменно вызывали уважение и любовь как коллег, так и его многочисленных учеников. Так искренне звучат слова его студента: «Вартан Казарович — потрясающий преподаватель и человек! Первоклассный специалист, очень интеллигентный, чуткий, уважительный к студентам!»

Следует особо отметить значимость научных трудов В.К. Казаряна. Он своей биографией был подготовлен для работы, которой он занимался всю жизнь. Армянский язык был его родным, персидский он знал с детства. Как истинный армянский интеллигент, он с почтением относился к родной культуре, языку, письменности, литературе. И его научные интересы были связаны с историей армянского языка, нахождением истоков его грамматических категорий.

Армянский язык занимает особое положение в ряду индоевропейских. В результате трехвекового персидского владычества (1510—1828) в литературный армянский язык проникло довольно много иранских заимствований, и основатели сравнительно-исторического языкознания считали армянский язык одним из иранских языков. Только Генрих Гюбшман (1868) показал, что армянский язык достаточно своеобразен и не входит ни в одну из известных групп, но составляет отдельную группу индоевропейской семьи языков. При этом близость его с индоиранскими и особенно с греческим несомненна. Армянская морфология сформировалась в результате интенсивных языковых контактов; вследствие этого она представляет собой сочетание своеобразных архаизмов и инноваций. Вартан Казарович изучал прежде всего становление глагольной системы в истории армянского языка, по преимуществу категории аспект и времени. Этому был посвящена его кандидатская диссертация и большинство публикаций, в которых он уделял большое внимание и индоевропейской реконструкции, и истории армянского языка, что лежало в основе подготовки текста его докторской диссертации.

Взгляды В.К. Казаряна на развитие глагольной системы сформировались под влиянием «пространственно-временной гипотезы» Вольфганга Майда и Бриджет Дринки. Согласно ей, можно выделить три периода существования общеиндоевропейского языкового состояния. В первый из них морфология находилась в стадии становления, ко второму относятся общие архаические черты индоевропейских языков, к третьему — инновации в отдельных диалектах и диалектных группах. В первый период в праиндоевропейском языковом состоянии не было аспектно-временной морфологии: в глаголе противопоставлялись основы действия и состояния. Из первой развились в следующий период презенс и аорист, из второй — перфект. В следующий период стали формироваться показатели аспекта и времени, отсутствовавшие в первый период. В результате разделились показатели длительного (непредельного) и краткого (предельного) действия, а категория состояния развилась в стативную глагольную основу. В третий период развилась категория времени: дифференцировались аорист и имперфект, а на базе стативной основы развились перфект и медиум.

Вартан Казарович Казарян, приняв схему Вольфганга Майда и Бриджет Дринки, применил ее к изучению армянского глагола. В древнеармянском языке (грабар) индоевропейский перфект практически исчез, будучи заменён аналитической конструкцией. Остались лишь следы типа глагола *gitem* ‘я знаю’ (< **uoid-*, греч. $\theta\omicron\delta\alpha$, др. — инд. *veda*). Презенс в армянском сохранился достаточно хорошо, основные его формы находят широкие параллели в других индоевропейских языках: от тематического аориста *elikh* ‘он оставил’ (= греч. $\alpha\epsilon\lambda\lambda\epsilon$, др. — инд. *áricat*) → *lk’anem* (= др. — инд. *rinákti*). И другие назальные армянские презенсы находят параллели: *harkanem* ‘я бью, уничтожаю’ — хетт. *harnikzi*, *harganuzi*. Сохранился также супплетивизм, находящий параллели в других языках: *utem* ‘я ем’ — аорист *keray*; др. — греч. однокоренной презенс $\alpha\epsilon\delta\omicron\mu\omicron\lambda$ — аорист $\alpha\epsilon\phi\alpha\gamma\omicron\nu\varsigma$; др. — инд. *áti* — *ághās*. В аористе сохранились некоторые индоевропейские архаизмы (тематические формы), но в целом аорист происходит из имперфекта. Так объясняется так называемый цойный аорист типа *berik* ‘<**bher-isk-*. Суффикс *-sk-* образует основы с длительным и повторяющимся значением (хетт. *ekizi* ‘он пьёт’ — *akkuskizzi* ‘он пьет постоянно, часто’); в гомеровском греческом с его помощью образуется имперфект (σκων ‘я бывал’). Из этой формы и сформировался поздний регулярный армянский аорист, особенно распространенный у производных глаголов.

В.К. Казарян публиковал свои работы в трудах Института лингвистических исследований, в том числе в сборниках памяти И.М. Тронского, материалах конференций по сравнительному языкознанию в России и за рубежом. Его целью было создать большое исследование армянского глагола, вносящее новые данные по сравнению с классической работой (Klingschmitt, 1982)¹. Преждевременная смерть не позволила осуществиться этим планам.

Светлая память о Вартане Казаровиче Казаряне останется в сердцах его коллег и учеников, а дело развития идей сравнительно-исторического языкознания перейдет следующему поколению индоевропейцев, в том числе учеников Казаряна.

Список литературы

1. *Казарян В.К.* Архаизмы и инновации индоевропейского глагола в контексте индо-хеттской гипотезы // Индоевропейское языкознание и классическая филология—XXIII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 24–26 июня 2017. Т. 23. № 9. С. 469–487.
2. *Казарян В.К.* Видоизмененная система индоевропейского глагола и индо-хеттская гипотеза // Индоевропейское языкознание и классическая филология, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург). Т. 21. 2017. С. 351–362.

¹ Выдающийся лингвист Герт Клингшмитт, эмеритированный профессор Ренсбургского университета скончался 21 марта 2021 г. Обе потери для арменистики невозможны.

3. *Казарян В.К.* Индоевропейские истоки образования основ армянского аориста // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* 2018. Т. 14. № 1. С. 68–85.
4. *Drinka B.* Evidence for space-time hypothesis: The IE *s*-aorist // *Journal of Indo-European Studies*, 1988, v. 16, H. 3–4. P. 253–265.
5. *Hübschmann H.* Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1875, Bd. 23. S. 153–200.
6. *Klingschmitt G.* Das altarmenische Verbum. Wiesbaden, 1982.
7. *Meid W.* Problemen der räumlichen und zeitlichen Gliederung des Indogermanischen // *Flexion und Wortbildung: Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft / H. Rix (hrsg.).* Wiesbaden, 1975. S. 204–219.

Konstantin Krasukhin, Larissa Chizhova

VARTAN KAZARIAN

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow, 125009*

The article commemorates Vartan Kazarian (1958–2021), PhD, Associate Professor, Department of General and Comparative-historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, his scientific and pedagogical activity. His main scientific works are concerned with the history of Indo-European languages, historical grammar of Armenian language, development of Indo-European aspect-tempus system, Indo-Hittite hypothesis.

Key words: history of Indo-European languages; Indo-Hittite hypothesis; Indo-European aspect-tempus system; historical grammar of Armenian language.

About the authors: *Konstantin Krasukhin* — Prof. Dr., Russian Academy of Sciences, Head of the Section of Comparative Linguistics, Department of General and Comparative-historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: krasukhin@iling-ran.ru); *Larissa Chizhova* — PhD, Associate Professor, Department of General and Comparative-historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lachizhov@yandex.ru).

References

1. Drinka B. Evidence for space-time hypothesis: The IE *s*-aorist. *Journal of Indo-European Studies*, 1988, v. 16, H. 3–4, pp. 253–265.

2. Hübschmann H. Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen [About the position of Armenian among the Indo-European languages]. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, [Journal for Comparative Linguistics] 1875, Iss. 23, pp. 153–200.
3. Kazarjan V.K. Arhaizmy i innovacii indoevropskogo glagola v kontekste indo-hettskoj gipotezy [Archaisms and innovations of the Indo-European verb in the context of the Indo-Hittite hypothesis] // *Indoevropskoe jazykoznanie i klassičeskaja filologija-XXIII* (čtenija pamjati I.M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, prohodivšej 24–26 ijunja 2017 [Indo-European linguistics and classical philology-XXIII (readings in memory of I.M. Tronsky). Materials of the International Conference held on June 24–26, 2017] 9, vol. 23, pp. 469–487.
4. Kazarjan V.K. Vidovremennaja sistema indoevropskogo glagola i indo-hettskaja gipoteza [The temporal system of the Indo-European verb and the Indo-Hittite hypothesis]. *Indoevropskoe jazykoznanie i klassičeskaja filologija, izdatel'stvo Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe učreždenie nauki Institut lingvističeskikh issledovanij Rossijskoj akademii nauk* [Indo-European Linguistics and Classical Philology, Publishing House Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg)] (Sankt-Peterburg). Vol. 21, 2017, pp. 351–362.
5. Kazarjan V.K. Indoevropskie istoki obrazovanija osnov armjanskogo aorista [Indo-European origins of the foundations of the Armenian aorist]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvističeskikh issledovanij*. [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research] 2018. Vol. 14. № 1, pp. 68–85.
6. Klingschmitt G. *Das altarmenische Verbum*. [The old Armenian verb]. Wiesbaden, 1982.
7. Meid W. Problemen der räumlichen und zeitlichen Gliederung des Indogermanischen [Problems of the spatial and temporal structure of Indo-European]. *Flexion und Wortbildung: Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft* [Inflection and word formation: files of the 5th symposium of the Indo-European Society] / H. Rix (ed.). Wiesbaden: Reichert, 1975, pp. 204–219.

Т.В. Кортава

ВАЛЕРИЯ ВАСИЛЬЕВНА ДОБРОВОЛЬСКАЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, д.1*

В 2021 г. ушла из жизни Валерия Васильевна Добровольская (30.06.1930—05.04.2021), доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, один из самых авторитетных специалистов в области отечественной лингводидактики. Заслуженный преподаватель Московского университета, широко известный методист, блестящий педагог, поэт, замечательный человек, Валерия Васильевна навсегда останется в благодарной памяти своих коллег и учеников.

Ключевые слова: теория и методика обучения русскому языку как иностранному; функциональное словообразование; учебные пособия для иностранных учащихся; подготовка и повышение квалификации русистов.

Ее свеча — она не догорела.
И свет, зажженный ею, не погас.
Ее душа, ее большое дело
Остались в сердце каждого из нас.

*(В.В. Добровольская, сборник
стихотворений «Алые паруса»)*

5 апреля 2021 г. филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова понес невосполнимую утрату: на 91 году жизни ушла из жизни Валерия Васильевна Добровольская, заслуженный преподаватель Московского университета, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов.

Валерия Васильевна родилась 30 июня 1930 г. в Москве. В 1948 г. поступила на филологический факультет МГУ и окончила его в 1953 г. по специальности «Русский язык и литература». В 1956—1960 гг. она работала преподавателем в Институте стали и сплавов им. М.И. Калинина, затем вернулась на филологический факультет Московского университета и навсегда связала с ним свою судьбу.

Кортава Татьяна Владимировна — доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии образования, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tv@rector.msu.ru).

Начало профессиональной биографии В.В. Добровольской пришлось на период становления нового направления русистики в Московском университете, связанного с созданием теоретических и практических основ преподавания русского языка в иноязычной аудитории. Имя В.В. Добровольской стало широко известным благодаря ее научным и научно-методическим трудам в области функционального словообразования, методов и технологий обучения русскому языку как иностранному.

В 1970-е годы Валерия Васильевна вела большую организационно-методическую работу по открытию на филологическом факультете МГУ второй специальности «Преподаватель русского языка на начальном этапе обучения в кружках и на курсах» для иностранных студентов выпускных курсов нефилологических специальностей; участвовала в работе Научно-методического совета по русскому языку при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР, стала одним из разработчиков учебного плана отделений «Русский язык как иностранный» для советских вузов; начала многолетнюю деятельность в составе редколлегии ведущего в своей области сборника методических статей «Русский язык для студентов-иностранцев». В.В. Добровольская проявила себя и как прекрасный организатор. В 1968–1971 гг. она выполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов по учебной работе, в 1971–1972 гг. — заведующего кафедрой, получив благодарность ректора Московского университета. В 1970 г. значительные заслуги В.В. Добровольской были отмечены юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Начиная с 1973 г., с момента создания на базе кафедр РКИ филологического факультета МГУ первого в стране ФПК по специальности «Русский язык как иностранный», и до последних дней своей жизни, В.В. Добровольская бесменно осуществляла организационное и научно-методическое сопровождение этого направления, читала курсы лекций по основным аспектам теории и практики преподавания РКИ. В 1980-х годах она вела большую общественную работу по совершенствованию практики преподавания РКИ в вузах страны, являясь членом Организационного бюро Городского методического объединения преподавателей русского языка как иностранного, активистом Городской и университетской школы молодого преподавателя, руководителем проблемной группы по вопросам обучения иностранцев письменной речи на русском языке. Классическими признаны работы Валерии Васильевны, посвященные созданию профессиональной программы преподавателя РКИ, проектированию гибких моделей обучения, теоретическим и практическим вопросам разработки коммуникативного учебника языка для инофонов, моделированию урока русского языка, текстотеки курса РКИ, средств обучения и систем упражнений. В 1984 г. В.В. Добровольская получила должность доцента, в 1987 г. — ученое звание доцента (1987), ряд высоких наград: Почетный нагрудный знак «225 лет МГУ» (1980), Почетный знак Минвуза СССР «За отличные успехи в работе», медаль «Ветеран труда» (1984).

1990-е годы — 2000-е годы в жизни В.В. Добровольской ознаменовались неустанной работой по подготовке молодых кадров и распространению педагогического опыта, накопленного кафедрами РКИ МГУ имени М.В. Ломоносова. В.В. Добровольская внесла исключительный вклад в открытие на филологическом факультете МГУ специализации «Русский язык как иностранный» для студентов разных отделений, создание системы переподготовки и повышения квалификации преподавателей РКИ, разработку образовательных программ и лекционных курсов по методике преподавания русского языка как иностранного. Получил широкую известность в масштабах страны постоянно действующий межвузовский научно-методический семинар по проблемам функционального описания русского языка и его преподавания, который Валерия Васильевна год за годом вела в рамках деятельности Научно-методического совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ).

В 2000-х годах в широкий круг профессиональных интересов Валерии Васильевны вошли проблемы нового прикладного направления русистики — теории и практики лингводидактического тестирования. В составе экспертной комиссии координационного Совета по тестированию при Министерстве образования Российской Федерации она выступила разработчиком тестов по русскому языку для иностранцев, поступающих в вузы России (1994), Государственных образовательных стандартов (1998, 1999, 2001) и типовых тестов по русскому языку как иностранному для Первого сертификационного уровня (1997, 1999, 2002, 2006), участвовала в проведении семинаров по лингводидактическому тестированию под эгидой Головного центра тестирования Минобразования России.

Публикации последних лет представляют широкую палитру исследований, которые В.В. Добровольская вела на протяжении всей своей жизни. Стали заметным событием в мире русистики ее монография «Урок в системе обучения русскому языку как иностранному», учебные пособия по русскому словообразованию для иностранных учащихся, тематические серии методических статей, адресованных молодому поколению преподавателей РКИ.

Многогранный талант Валерии Васильевны проявился не только в профессии, но и в поэтическом творчестве. Ее перу принадлежат четыре сборника замечательных стихотворений.

Светлая благодарная память о Валерии Васильевне Добровольской навсегда останется в наших сердцах.

Основные публикации В.В. Добровольской

1. *Добровольская В.В.* Урок в системе обучения русскому языку как иностранному: сборник методических статей. М., 2015.
2. *Добровольская В.В.* Изучаем суффиксы существительных. М., 2018.
3. *Добровольская В.В.* Суффиксы имен существительных в практике обучения иностранных учащихся русскому языку. М., 2020.
4. *Барыкина А.Н., Добровольская В.В.* Как образуются слова. М., 2000.

5. Барыкина А.Н., Добровольская В.В. Как образуются прилагательные. СПб., 2002.
6. Барыкина А.Н., Добровольская В.В. Начало пути: программа по русскому языку для иностранных учащихся. М., 2002.
7. Василенко Е.И., Добровольская В.В. Методические задачи по русскому языку. СПб., 2003.
8. Барыкина А.Н., Добровольская В.В. Изучаем глагольные приставки. СПб., 2009.

Tatiana Kortava

VALERIA DOBROVOLSKAYA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Valeria Dobrovolskaya (30 June 1930–5 April 2021), Associate Professor of the Department of Russian for Foreign Students of the Faculties of Natural Sciences at Lomonosov MSU Faculty of Philology and a most reputable specialist in the Russian language education, passed away. An Honoured Professor of Moscow University, a widely known methodologist, a brilliant teacher and poet, Valeria Dobrovolskaya will always be remembered with gratitude by her students and colleagues.

Key words: theory and methodology of teaching Russian as a foreign language; functional word formation; manuals for foreign students; training and further training of Russian specialists.

About the author: *Tatiana Kortava* — Prof. Dr., Full Member of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Russian for Foreign Students of the Faculties of Natural Sciences, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (tv@rector.msu.ru).

References

1. Dobrovolskaya V.V. *Urok v sisteme obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: sbornik metodicheskikh statej* [Lesson in the system of teaching Russian as a foreign language: a collection of methodological articles]. Moscow: MAKS Press, 2015. (In Russ.)
2. Dobrovolskaya V.V. *Izuchaem suffiksy sushchestvitelnyh* [Studying noun suffixes]. Moscow: MAKS Press, 2018. (In Russ.)
3. Dobrovolskaya V.V. *Suffiksy imen sushchestvitelnyh v praktike obucheniya inostrannyh uchashchihysya russkomu yazyku* [Suffixes of nouns in the practice of teaching Russian to foreign students]. Moscow: Flinta, 2020. (In Russ.)

4. Barykina A.N., Dobrovolskaya V.V. *Kak obrazuyutsya slova* [How words are formed]. Moscow: MAKS Press, 2000. (In Russ.)
5. Barykina A.N., Dobrovolskaya V.V. *Kak obrazuyutsya prilagatelnye* [How adjectives are formed]. St. Petersburg: Zlatoust, 2002. (In Russ.)
6. Barykina A.N., Dobrovolskaya V.V. *Nachalo puti: programma po russkomu yazyku dlya inostrannyh uchashchihsya* [The early stages: Russian language program for foreign students]. Moscow: MAKS Press, 2002. (In Russ.)
7. Vasilenko E.I., Dobrovolskaya V.V. *Metodicheskie zadachi po russkomu yazyku* [Studying verb prefixes]. St. Petersburg: Zlatoust, 2003. (In Russ.)
8. Barykina A.N., Dobrovolskaya V.V. *Izuchaem glagolnye pristavki* [Methodical tasks in the Russian language]. St. Petersburg: Zlatoust, 2009. (In Russ.)